

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2022 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

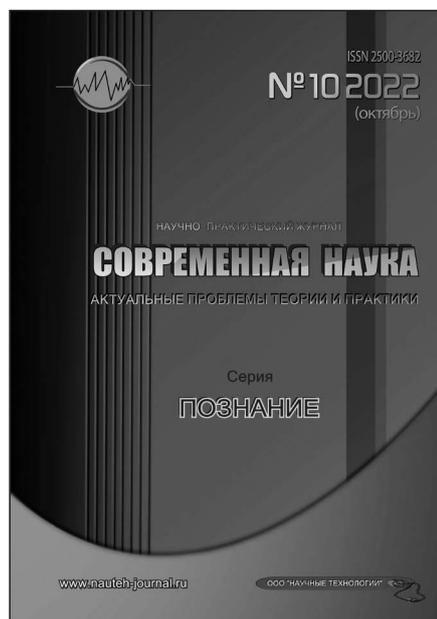
Подписано в печать 10.10.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №10 (октябрь) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Викторова Е.В.** – Социокультурный анализ места и роли эмоций в функционировании импрессионизма
Viktorova E. – Socio-cultural analysis of the place and role of emotions in the functioning of impressing 5
- Цинь Сыин, Шао Цзялин** – Методы извлечения языка живописи в процессе обучения художественному творчеству
Qin Siying, Shao Jialing – Methods of extracting the language of painting in the process of teaching artistic creation 9

Психология

- Бухлина Л.Ю., Новиков П.А.** – Особенности проявления критичности в трех нозологических группах психических заболеваний
Bukhlina L., Novikov P. – Features of the manifestation of criticality in three nosological groups of mental diseases 12
- Гутова Т.С., Пидшморга Ю.В.** – Исследование характеристик внутрисемейных отношений, обусловленных согласованностью ролевых ожиданий и притязаний супругов
Gutova T., Pidshmorga Yu. – The study of the characteristics of intra-family relationships caused by the consistency of the role expectations and claims of spouses 20
- Динов Е.Н.** – Коммуникативная депривация в условиях дистанционного обучения студентов
Dinov E. – Communicative deprivation in the conditions of distance learning of students 27
- Зайцев Д.В., Хаидов С.К.** – Особенности мышления у лиц в зрелом возрасте с умственной отсталостью
Zaitsev D., Khaidov S. – Features of thinking in persons in adulthood with mental retardation 32

- Корнеева Д.Г., Хаидов С.К.** – Особенности формирования ценностных ориентаций у студентов с нарушением слуха
Korneeva D., Khaidov S. – Features of the formation of value orientations in students with hearing impairment 35
- Кривцов В.М.** – Особенности психологического восприятия многозначной информации
Krivtsov V. – Features of psychological perception of multiple-valued information 40
- Лю Лина** – Поведенческие характеристики позитивной личности
Liu Lina – Behavioral characteristics of positive personality 44
- Николаева С.С., Хаидов С.К.** – Особенности памяти у лиц в зрелом возрасте с умственной отсталостью
Nikolaeva S., Khaidov S. – Features of memory in persons in adulthood with mental retardation 48
- Полежаева О.Д.** – Факторы развития управленческой компетенции на этапе овладения профессией
Polezhaeva O. – Factors of development of managerial competence at the stage of mastering the profession 51
- Соловьёва Ю.О.** – О применении метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения В.Н. Янчикова при безмедикаментозной коррекции детской психосоматики (с рождения до 5 лет)
Solovieva Yu. – About the application of the method of emotional desensitization of allergies and the reasons for their appearance by V.N. Yanchikov in the non-drug correction of children's psychosomatics (from birth to 5 years) 55
- Султанова Г.А.** – Специфика взаимоотношений детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях школьного обучения
Sultanova G. – The specifics of the relationship of children with disabilities in the conditions of school education 58

Философия

Леона А.В., Мусат Р.П., Морозова О.Ф., Рахинский Д.В. – Социотворческий потенциал исторического сознания
Leona A., Musat R., Morozova O., Rakhinsky D. – Socio-creative potential of historical consciousness 65

Морозова И.Н. – О практиках созидания в современном гуманитарном дискурсе: аспекты концептуализации в философии культуры
Morozova I. – On the creation practices into modern humanitarian discourse the aspects of conceptualization into philosophy of culture 71

Равочкин Н.Н., Рвалов П.Н., Стенина Н.А., Коржук А.Б. – Умные города: философские основания
Ravochkin N., Rvalov P., Stenina N., Korzhuk A. – Smart cities: philosophical foundations 76

Яценко М.П., Пфаненштиль И.А., Морозова О.Ф., Рахинский Д.В. – Традиционные ценности в условиях формирования информационного общества
Yatsenko M., Pfanenstil I., Morozova O., Rakhinsky D. – Traditional values in the context of the formation of the information society 81

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 86

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 87

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ МЕСТА И РОЛИ ЭМОЦИЙ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИМПРЕССИНГА¹

Викторова Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский
государственный университет
vikele@mail.ru

SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF THE PLACE AND ROLE OF EMOTIONS IN THE FUNCTIONING OF IMPRESSING

E. Viktorova

Summary: In accordance with the trends in establishing the relationship between culture and the psyche, which have emerged in modern sociocultural knowledge, an analysis of the place and role of emotions in the structure of impressing has been undertaken. First, socio-cultural conditions and cultural prerequisites for the emergence of emotions in the structure of impressing are analyzed. Thus, emotions are positioned as a product of culture. Secondly, emotions are considered as one of the determinants of culture and, accordingly, one of the determinants of impressing as a sociocultural phenomenon.

Keywords: sociocultural influence, impressing, sociocultural environment, emotions, experience.

Аннотация: В соответствии с тенденциями установления взаимосвязи культуры и психики, наметившимися в современном социокультурном знании, предпринят анализ места и роли эмоций в структуре импрессиинга. Во-первых, анализу подвергаются социокультурные условия, культурные предпосылки возникновения эмоций в структуре импрессиинга. Эмоции при этом позиционируются как продукт культуры. Во-вторых, эмоции рассмотрены как одна из детерминант культуры и, соответственно, одна из детерминант импрессиинга как социокультурного феномена.

Ключевые слова: социокультурное воздействие, импрессиинг, социокультурная среда, эмоции, переживание.

Введение

Тяготение современного социокультурного знания к рассмотрению культуры как продукта психики и психики человека как природно-культурного явления позволяет рассматривать импрессиинг,² последствия которого могут иметь не только личностное, но культурное и общественное значение, с социокультурной точки зрения.

Эмоции – это не только один из факторов возникновения импрессиинга, но и, по сути, база его психофизиологического механизма. Рассмотрение импрессиинга как социокультурного феномена обуславливает необходимость и социокультурного анализа места и роли эмоций в его структуре.

Результаты исследования

Эмоции как предмет исследования заняли особое место не только в изучении взаимосвязи культуры и психики, но и в изучении социокультурных и социальных

процессов в целом – «социально-эмоционального мира» [27]. Ни одно явление социальной жизни не мыслится полноценно изученным без анализа его эмоциональных аспектов [19], что позволяет говорить, по выражению О.А. Симоновой, о том, что в этой части научного знания произошел «эмоциональный переворот» [15, с. 13]. Отмечается, что естествознание далеко продвинулось в изучении функционирования эмоций и теперь полученные знания необходимо осмыслить в контексте социальных и культурных явлений [15, с. 14]. При этом водораздел между психологическим и социокультурологическим изучением эмоций обозначен исследовательским принципом – анализ эмоций не только как универсальных биопсихологических реакций, но как исторически и социально изменчивых культурных явлений [15, с. 18].

В психологии эмоции понимаются как «отражение мозгом человека... какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения...» [14, с. 179]. Эмоции – это не следствие отражения значимости происходящего для субъекта – «ими эта значимость непосредственно оценивает-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14014 «Информационное воздействие на личность в условиях цифровизации культуры и образования как импрессиинг: риски и потенциал» (The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14014).

² Импрессиинг представляет собой информационное воздействие социокультурной среды, оказывающее на личность такое впечатление, результатом которого становится ее устойчивое стремление к определенному виду творческой деятельности [3, с. 254].

ся, они сигнализируют о ней субъекту» [4, с. 14]. При этом отношение к окружающему в эмоциях дано в непосредственной форме переживания [13], осуществляющегося до возникновения рефлексии, до осознания этого отношения [16, с. 268]. Это позволяет говорить об эмоциональных переживаниях в структуре импрессионга.

Основные эмоциональные переживания, свойственные человеку, представлены как собственно эмоции, чувства и аффекты. В случае с импрессионгом речь идет об эмоциях и чувствах, так как они в отличие от аффектов, которые представляют собой эмоциональную реакцию, возникающую как результат уже совершенного действия, предваряют процесс удовлетворения потребности, выражают смысл ситуации для человека. При этом эмоции – это непосредственное переживание отношений, в то время как чувства, связанные с представлением о каком-либо объекте, могут совершенствоваться, развиваться из непосредственных чувств до высших, относящихся к духовным ценностям и идеалам. Чувства в данном случае можно определить как эмоции, возникающие у человека на базе высших, социально детерминированных потребностей [12].

В социокультурном знании эмоции трактуются в различных аспектах, при этом общим является, признание двух концептуальных оснований такой трактовки. Во-первых, признание того, что эмоции суть физиологические реакции. При этом подчеркивается отличие эмоции от органических ощущений, состоящее в ее предметной отнесенности к чему-то внешнему, взволновавшему человека [17], например, к внешнему воздействию, как это происходит в процессе импрессионга. Во-вторых, акцентируется внимание на социокультурной природе эмоций, определяющей их социально-ситуативное и культурное значения – оценку значимости воспринимаемых объектов [22; 29].

Анализ места и роли эмоций в структуре импрессионга как процесса социокультурной природы может быть осуществлен двумя методами в соответствии с тенденциями установления взаимосвязи культуры и психики, наметившимися в современном социокультурном знании. Метод от общего к частному предполагает, что анализу подвергаются социокультурные условия, культурные предпосылки возникновения эмоций в структуре импрессионга. Эмоции при этом позиционируются как продукт культуры. Рассмотрение же эмоций от частного к общему предполагает, что эмоции – это одна из детерминант культуры, поскольку, согласно механизму импрессионга, возникая в критический период жизни человека и создавая благоприятную почву для внешнего воздействия, для возникновения впечатления, они становятся по сути одной из первопричин порождения творческой устремленности личности. И то, и другое направление

анализа представляется весьма продуктивным.

При рассмотрении эмоций от общего к частному в рамках социокультурного подхода речь так или иначе будет идти о социокультурной заданности эмоций. Эмоции предстают в данном случае в качестве «особых социокультурных практик», определенным образом вписывающихся в стоящие над человеком структуры социума и/или культуры [7, с. 198]. Эмоциональное переживание может быть рассмотрено как непосредственная внутренняя субъективная данность психического явления: человеческое сознание «погружено в бессловесное переживание мира как непосредственной данности» [6, с. 33]. Переживание протекает спонтанно, само собой, без усилий сознания, рефлексии [17, с. 166]. Такое представление о нем позволяет говорить, что первоначальные эмоциональные переживания, возникшие в момент импрессионгового воздействия на личность, носят также характер спонтанный, временный, т.е. носят характер некоего модуса, могущего перемениться в зависимости от социокультурных норм проявления эмоций в конкретных условиях.

При этом эмоции могут рассматриваться и как самодостаточное явление, и как некий атрибут базисных социокультурных процессов [7, с. 198]. В первом случае речь идет об «эмоциональных культурах» социальных общностей различного масштаба. Эмоциональную культуру составляют представления об эмоциях, образцы эмоционального поведения, нормативные контексты проявления эмоций, а также взаимосвязи эмоций между собой и с другими явлениями культуры, ее элементами (традициями, верованиями, обычаями, ритуалами и т.д.) [26; 29]. Если же рассматривать эмоции в их подчинении социокультурным процессам, то можно обнаружить множество вариаций их проявления. Эмоции могут выступать в качестве социальной функции, например, маркировать социальные статусы и роли, обеспечивать узнаваемость и ожидаемость социально-ролевого поведения [20; 21; 25]. Эмоции могут характеризовать культуру, ее переход с одного уровня на другой, например, от расторможенности и неконтролируемой свободы выражения любых эмоциональных проявлений – к самоконтролю и добровольным этикетным ограничениям в проявлении эмоций [18; 24]. Эмоции могут играть солидаризирующую роль, ложась в основу эмоциональных режимов, обеспечивающих социальную нормативность [8; 9; 15; 30]. Каким бы ни было конкретно-ситуативное предназначение эмоций, они постоянно включены в повседневное взаимодействие как «фреймы взаимодействия» – «эмоциональные фреймы» [21], ориентирующие личность через ее эмоциональное включение в верном восприятии статусов и намерений участников взаимодействия [2, с. 127], образуя таким образом своеобразный «беспорядочный порядок» [10].

Современное знание об эмоциях, формирующееся во взаимодействии психологии, социологии и культурологии, исходит из того, что наиболее продуктивным является рассмотрение эмоций в связи с конкретными социальными и культурными условиями, например, с бедностью, неравенством в доступе к благам и т.п. [15, с. 15]. Такой подход продуктивен и в отношении импрессионга, возникновение/невозникновение и содержание которого зависят и от эмоциональной культуры той социальной общности, в которой развивается личность, и от социокультурных свойств – обогащенности или обедненности – среды, порождающей импрессионговое воздействие. Многомерность эмоций определяется не только их сложной природой и функциональностью, но и существенными кросс-культурными различиями [15; 28; 29]. Таким образом, и восприятие эмоционального посыла в структуре импрессионгового воздействия, и характер эмоциональной реакции личности на него (идентификация, интенсивность, позитивность/негативность) непосредственно зависят от культурного контекста. Культура обуславливает обозначение эмоций, изменение их нормативности – допустимости/недопустимости той или иной эмоции, нормальности/ненормальности, важности/неважности вообще в целом или в конкретных социокультурных условиях, ситуациях [15]. Таким образом, подчеркнем статус эмоционального переживания в структуре импрессионга как социокультурного модуса – способа возникновения и протекания эмоции, детерминированного нормативностью социокультурной среды его возникновения, зависящего от множества свойств этой среды, а, следовательно, неустойчивого, подвижного.

Если рассматривать эмоциональные переживания методом от частного к общему, применяя при этом социокультурный подход к их анализу, то они предстают в качестве фактора, обеспечивающего устойчивое развитие социума и его эволюцию, в том числе культурную [7, с. 198]. В структуре импрессионга эмоция, безусловно, выполняет сигнальную функцию: она сигнализирует о значимости оказываемого в текущий момент на личность социокультурного воздействия и, таким образом, нацеливает личность на это воздействие (и/или взаимодействие). Как «интегральная» единица личности и среды [5; 13], переживание концептуально важно для понимания импрессионга, поскольку демонстрирует значимость последнего в индивидуальной жизни. Особая роль отводится ему в целостном контексте человеческой жизни – как значимому (душевному) событию, укорененному в индивидуальной истории личности [13]. Отталкиваясь от такого понимания переживания, можно говорить о том, что значимость воздействия среды как определяющего компонента импрессионга обусловлена прежде всего возникающим в его процессе переживанием, т.е. отношением личности к этому воздействию.

Кроме того, в структуре импрессионга эмоция выступает не просто фактором, но тем самым модусом, способом перехода от социокультурного воздействия к впечатлению и затем к ценности, которая в их результате формируется. Именно переживание, выражающееся в эмоциях непосредственно в процессе импрессионга, становится основой перехода временной эмоции-модуса в некую константу – в эмоционально-ценностное отношение, страстное устремление к какой-либо деятельности. Не случайно в современном философском представлении переживание наряду со смыслом составляет поступок [1] и предстает «актуальной, живой, событийной стороной духовного опыта» [17, с. 145], социального опыта [18]. При этом смысловая и эмоциональная составляющие такого страстного стремления в переживании сливаются в единое целое, примером чему являются любовь к познанию, страстное стремление к истине и т.п. Переживание, таким образом, это и некая душевная работа, деятельность, преобразующая ситуацию и самого субъекта. Можно говорить о том, что в импрессионге рождается другое более сильное и устойчивое эмоциональное переживание – чувство, которое связано с формирующейся ценностью и которое устремляет личность, испытавшую импрессионг к реализации этой ценности, к деятельности. Здесь уместно привести определение чувств, данное С. Гордоном, исследовавшим культурные факторы эмоциональной жизни. Он трактует чувства как «социально сконструированные паттерны ощущений, экспрессивных жестов и культурных значений, организованные вокруг отношений к социальному объекту» [22, с. 567]. И это отличает чувства, порожденные импрессионгом, от эмоций как его модусов, т.е. эмоций как реакций на осуществляемое воздействие.

Возникшие в результате импрессионга чувства создают готовность субъекта к конкретным действиям/деятельности: направляют мышление, ориентируют в социальном пространстве и, наконец, способствуют «закреплению» культурных ценностей и смыслов [23, с. 219]. О.В. Ромахи отмечает, что «культура в буквальном смысле становится структурированной демонстрацией эмоций», подразумевая, что в ней фиксируется и переплетается все созданное человечеством, в том числе и в эмоциональном смысле [11, с. 50]. Квинтэссенцией выражения этого феномена является, по мнению автора, художественная культура, которая вся есть «средоточие эмоциональных оценок действительности» [11, с. 51].

Заключение

Таким образом, эмоциональные переживания являются социокультурным модусом импрессионга – проявлением импрессионга, временным (не постоянным) свойством, способом переживания, детерминированным социокультурными константами. Это некая культурно

и социально обусловленная форма, способ существования импрессиона. Эмоция как модус сигнализирует о значимости социокультурного воздействия. Но в импрессионе рождается другое более сильное и устойчи-

вое эмоциональное переживание – чувство, которое связано с формирующейся ценностью и которое устремляет личность, пережившую импрессион к реализации этой ценности, к деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К философии поступка // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. В 7 т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7-86.
2. Бурак Т. Эмоции как социокультурный механизм структурирования повседневных интеракций // Трэці міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі: Працоўныя матэрыялы. – 2014. – Т. 3. – С. 126 – 130.
3. Викторова Е.В. Социокультурный подход к анализу природы импрессиона // Знание. Понимание. Умение: Научный журнал Московского гуманитарного университета. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета. – 2016. – №1. – С. 253-262.
4. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса,
5. Ю.В. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 3-26.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 480 с.
7. Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. – М: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. – 130 с.
8. Глебкин В.В. Эмоции как междисциплинарный феномен // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2010. – №9 (52). – С. 186 – 219.
9. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Соц. исследования. – 1991. – № 2. – С. 106-114.
10. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И.А. Шапиро. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 256 с.
11. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 274-283.
12. Ромах О.В. Эмоции в смысловом аспекте культурологии // Аналитика культурологии. – 2004. – №2. – С. 48 – 55.
13. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993 – 1999. – Т.1. 607 с.; Т.2. 669 с.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
15. Симонов П.В. Информационная теория эмоций // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.В. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С.178-185.
16. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2016. – Вып. 4. – С. 12-27.
17. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
18. Токарева С.Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 256 с.
19. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. – М., СПб.: Университетская книга, 2001. – Т. 1: 332 с.; Т. 2: 382 с.
20. Bericat E. The Sociology of emotions: Four decades of progress. Current Sociology. – 2016. – N 64 (3). P. 491–513.
21. Collins R. The Role of Emotion in Social Structure // Approaches to emotion. Hillsday, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. – P. 385-396.
22. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. – Garden City, New York: Doubleday Anchor Books, 1959.
23. Gordon S.L. The Sociology of Sentiments and Emotions // Social Psychology: Sociological Perspectives / eds M.Rosenberg, R.H.Turner. New York: Basic books, 1981. – P. 562–592.
24. Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, University of California Press, 1983. – 327 p.
25. Holodynski, M., Friedlmeier, W. Development of Emotions and Their Regulation. – New York: Springer. – 2006.
26. Kemper T. A Social Interaction Theory of Emotions. – New York: Wiley, 1978.
27. Middleton D.R. Emotional Style: The Cultural Ordering of Emotions // Ethos. – 1989. – V. 17. – N 2. – P. 188-189.
28. Scheff T.J. Shame and the social bond: A sociological theory // Sociological Theory. – 2000. – N 18 (1). – P. 92–112.
29. Scherer K.R. What are emotions? And how can they be measured? // Social Science Information. – 2005. – N 44 (4). – P. 695–729.
30. Thoits P.A. The Sociology of Emotions // Annual Review of Sociology. – 1989. – V. 15. – P. 322-323.
31. Turner J.H., Stets J.E. The sociology of emotions. Cambridge: Cambridge univ. press, 2005.

© Викторова Елена Викторовна (vikele@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ЯЗЫКА ЖИВОПИСИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТВОРЧЕСТВУ

METHODS OF EXTRACTING THE LANGUAGE OF PAINTING IN THE PROCESS OF TEACHING ARTISTIC CREATION

*Qin Siying
Shao Jialing*

Summary: This article discusses how to extract the unique language of painting in the process of teaching artistic creation. In particular, the authors focus on the motivation and mentality of Russian oil painting, the innovation of concepts and forms of artistic creation, and the transcendence of technical means in Russian oil painting. The paper details the disadvantages of mechanically following creative forms. The aim of the work is to motivate students to create their own language of oil painting.

Keywords: creative practice, language of painting, pure mentality, innovation of conceptual form, technical transcendence.

Цинь Сыин

магистр, профессор
Хэйхэский университет
1377267760@qq.com

Шао Цзялин

бакалавр, доцент
Хэйхэский университет
389241926@qq.com

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о том, как извлечь уникальный язык живописи в процессе обучения художественному творчеству. В частности, авторы уделяют внимание мотивации и ментальности русской масляной живописи, инновациям концепций и форм художественного творчества, трансцендентности технических средств в русской масляной живописи. В работе подробно описываются недостатки механического следования творческим формам. Целью работы является мотивация студентов к созданию собственного языка масляной живописи.

Ключевые слова: творческая практика, язык живописи, чистая ментальность, инновация концептуальной формы, техническая трансценденция.

Язык живописи является носителем художественного облика и стиля произведений масляной живописи, а также концентрированным выражением творческой мысли художника. В статье объясняется, как направлять и вдохновлять студентов на формирование уникального языка живописи в практике создания русской живописи маслом.

Целью работы является мотивация обучающихся к созданию собственного языка масляной живописи. Для достижения заданной цели необходимо решать следующие задачи:

1. Описать мотивы творческой практики русской масляной живописи.
2. Рассмотреть инновации как ключ к формированию русской живописи.
3. Обозначить недостатки механического следования творческим формам в живописи.

1. Мотивы творческой практики русской масляной живописи должны быть чистыми и искренними

Только рисуя с чистыми мыслями, художник может

создать язык живописи с сильным личным художественным мировоззрением и чувством тайны. Поскольку этот язык живописи исходит из сердца художника, он является чем-то, что другие никогда не смогут повторить. В этом также заключается величие языка живописи, порожденного искренними эмоциями [4, с. 54].

Мастер живописи Марк Шагал был одним из самых выдающихся художников XX века. Глубокие детские воспоминания Шагала проходят через всю творческую деятельность художника. Многие работы Шагала посвящены выражению его любви и тоски по родному городу Витебску в России. Он говорил: «Даже когда я приехал в Париж, мои туфли были еще запачканы русской землей; на чужбине, за тысячи верст, протянувшаяся вне моего сознания нога удерживала меня на земле, питавшей меня, и не могу отряхнуть русскую грязь с моих ботинок» [5, с. 6].

Чистое сердце М. Шагала и его любовь к родине и искусству создали его неповторимый художественный стиль, полный красоты и ребячества [7, с. 11]. В его произведениях много наивных образов: крестьян, невест,

Данная статья является результатом ключевого научного проекта планирования образования и науки провинции Хэйлуцзян 2022 года, номер проекта: GJB1422635.

ослов, петухов, козлов и т.д., но именно обработка этих примитивных и обыденных образов, которые совершаются языком художника, является неповторимой и величественной.

Главная причина, по которой Шагал так уверенно шел своим художественным путем, заключается в том, что живописец не изменил своему первоначальному замыслу, всегда придерживался чувства семьи и страны, творчески формировал новый живописный язык с ярко выраженными личными мотивами [6, с. 43].

Поэтому, чтобы сформировать уникальный язык живописи, необходимо иметь искреннее намерение и чистую мотивацию и менталитет. Первоначальный замысел такого рода творения – чувство того, что вы хотите выразить, и забота, идущая из глубины вашего сердца. Самые чистые, непосредственные и искренние эмоции и ваши техники будут смешиваться друг с другом, а затем естественным образом все сольется во множество капельных техник, уникальных форм и индивидуальных языков живописи. Чтобы достичь чистоты художественного творчества в живописи должно быть что-то живое. В практике творчества русской масляной живописи писать искренне и творить чистые идеи – важнейший способ формирования неповторимого и индивидуального художественного языка.

2. Инновации – ключ к формированию языка живописи

В практике русской масляной живописи художественные приемы никогда не преподаются единообразно, потому что они являются лишь частью языка живописи, который выражает всестороннюю художественную мысль художника. Концептуально схематичный подход к преподаванию творческого опыта может сделать произведение недостаточно жизненным. Практика создания искусства маслом должна быть инновационной, смелой и сосредоточенной на применении «концепций» в творчестве. Художественное творчество – это продукт своего времени, оно постоянно развивается [3, с. 32].

Практика русской масляной живописи основана на новаторских формах живописи, которые используются для представления произведения, поскольку только новаторство может сформировать уникальный живописный язык. Иногда новаторство произведения может быть сосредоточено на уникальности технического выражения или на выражении художественной концепции произведения.

Для определенного прорыва в композиции картины следует применить не сложение, а вычитание, которое может быть представлено очень лаконично: при выполнении техник можно больше экспериментировать с

разными инструментами и материалами, чтобы лучше приблизиться к теме; при обработке тона картины мы можем еще больше увеличить красоту пейзажа, чтобы подчеркнуть художественный замысел.

Все это может стать прорывом для инноваций в языке живописи. Ключ к инновациям в формальном языке лежит в прорыве и в творческом мышлении художника, который должен твердо и смело идти по пути инноваций в своем собственном персонализированном языке живописи [2, с. 29].

В современном обществе технические средства выразительности художников могут быть фигуративными, абстрактными, декоративными или образными. Для произведений, подкрепленных «понятиями», форма выражения является лишь носителем, а ядром творчества является то, что художник хочет объяснить. То есть конкретное содержание и форма творчества должны быть концептуальными, а произведение должно иметь глубокое идейное выражение, что является важнейшей чертой творческого языка «современного искусства». «Концепт» – это философское размышление об обществе, человеческой природе, мире и природе [1, с. 357]. Только искусство с «идеями» может иметь глубину.

3. Эмансипация и трансцендентность формального языка

Многие художники счастливы в погоне за художественной языковой формой масляной живописи, но иногда пренебрегают первоначальным замыслом творчества и своими эмоциями так, что языковое выражение творчества становится пустой демонстрацией, работой без души. Преодоление технических задач в творческой практике русской масляной живописи является важной частью новаторства художественного языка. Необходимо направлять создателей к проявлению смелости совершения прорыва в технике рисования. Только совершив прорыв, можно сформировать уникальное художественное выражение.

На начальном этапе живописи никогда не учат, поэтому ей надо подражать, поскольку у художника еще нет техники, навыка, анатомии, перспективы, моделирования. Однако не рекомендуется полностью погружаться в попытку создания технического совершенства в изображении. Конечным стремлением живописи является духовное выражение.

Художественный талант может создавать форму и превосходить технологии, но он также может привести к формальному языку и попытке достичь совершенства, что требует от художника выхода за пределы формы при создании. Однако душа произведения – это выражение эмоций и мыслей художника. В практике создания ис-

куства русской масляной живописи важно побудить студентов обратить внимание на поиск собственного неповторимого живописного стиля, поэтому необходимо сломать постоянный шаблон и избежать однотипного и механического копирования.

Мы должны следить за тем, чтобы форма не управляла душой произведения. Не следует игнорировать эмоциональное и идейное выражение самого искусства.

Заключение

Таким образом, в практике создания искусства рус-

ской масляной живописи необходимо направлять создателей на использование чистых мотивов и искренности в художественном творчестве. В то же время необходимо вдохновлять художников на усиление новаторства формального языка и понятий художественного творчества. В то же время необходимо заставить живописца обратить внимание на трансцендентность технических средств, а не быть скованным в стремлении к техническому совершенству. Уникальный художественный стиль исходит из нашего стремления быть настойчивыми в искусстве и новаторства концептуальных форм, а хорошие приемы создаются из наших бесчисленных попыток и прорывов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомперц У. Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси.. М.: Синдбад, 2018. 464 с.
2. Дай Шихэ. Обучение масляной живописи в свободном стиле. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2007. 225 с.
3. Катберт. Конец искусства. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2009. 124 с.
4. Ли Фанпин. Китайская пейзажная живопись жанра «горы-воды» («Шаньшуйхуа») эволюция и некоторые параллели: дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04. М., 2003. 175 с.
5. Родити Э. Диалоги об искусстве: «Марк Шагал» // Бюллетень Музея Марка Шагала. № 1 (7). 2002. С. 6-13.
6. Хэ Чжэнгуан. Шагал. Хэбэй: Хэбэйское образовательное издательство, 2003. 320 с.
7. Шагал М. Моя жизнь. Пекин: Пекинское изд-во «Октябрьская литература и искусство», 2006. 192 с.

© Цинь Сын (1377267760@qq.com), Шао Цзялин (389241926@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Хэйхэ, КНР.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КРИТИЧНОСТИ В ТРЕХ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ГРУППАХ ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF CRITICALITY IN THREE NOSOLOGICAL GROUPS OF MENTAL DISEASES

**L. Bukhlina
P. Novikov**

Summary: As a result of the study, knowledge on the concept of «criticality» was systematized, differences in the manifestations of this pathopsychological phenomenon in groups with mental disorders were revealed, and portraits of criticality disorders based on the results of the study were compiled.

Keywords: criticality, affective personality disorders, severe depressive episode without psychotic symptoms, mania without psychotic symptoms, mental and behavioral disorders caused by alcohol use, pathopsychology, self-esteem, level of aspirations.

Присутствие в структуре психики критичности мышления служит одним из важнейших критериев оценки психического состояния больных и прогноза заболевания как такового в целом [15]. Важнейшим аспектом изучения психики лиц с аномалиями в психических структурах являются их критические способности, так как критичность тесно связана с социальной адаптацией и возможностью оценивать свое поведение с морально-этическими нормами общества [13].

Критичность - сложное и наиболее актуальное среди всех видов психических нарушений. В настоящее время нет единого и наиболее общего определения критичности, что и создает трудности в исследовании и диагностики этого феномена. Критичность может входить как составляющий компонент в свойствах личности, так и выступать как самостоятельное свойство. В упрощенном виде критичность — это способность осознавать различия между «хорошо» и «плохо». Благодаря этому феномену у человека формируются морально-нравственные ценности, идеалы и общее понимание окружающей среды с позиции философских дефиниций. Критичность выступает в качестве механизма контроля за своим поведением. [5] С.Л. Рубинштейн писал о критичности мышления как о «возможности осознать ошибку являющейся привилегией мысли» [11]. Выделяя качества ума, Б.М. Теплов оценивает критичность как «умение строго оценивать работу мысли, тщательно взвешивать все доводы за и против намечающихся гипотез и подвергать эти гипотезы всесторонней проверке» [14].

Бухлина Лариса Юрьевна

Пензенский государственный университет
layr111@mail.ru

Новиков Павел Андреевич

Пензенский государственный университет
novikoveasytop4@mail.ru

Аннотация: В результате исследования были систематизированы знания по понятию «критичность», выявлены различия в проявлениях данного патопсихологического феномена в группах с психическими расстройствами и были составлены портреты нарушения критичности, основанные на результатах исследования.

Ключевые слова: критичность, аффективные расстройства личности, мышление, депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов, мания без психотических симптомов, психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя, патопсихология, самооценка, уровень притязаний.

При анализе проблемы критичности стоит выделить два основных направления исследований. Согласно первому направлению: «Критичность определяется как сознательный контроль за выполнением интеллектуальной деятельности» [3]. Анализируя проблему в контексте личности, мы приходим к пониманию критичности, как показателю сохранности личностно-мотивационной сферы, как вершины личностных качеств человека [12]. В одних случаях, критичность проявляется как результат общего опыта человека (как положительного, так и отрицательного обобщенного опыта человека), в других, - как результат овладения определенными умениями (оценка, контроль, и т.д.), в-третьих, - как условие творческой деятельности, в-четвертых, - как контролирующий механизм по анализу вводимого в психическую сферу содержания, в-пятых, - как личностный механизм интегративной смысловой регуляции индивидуальной деятельности, позволяющей планировать и разворачивать ее в конкретной ситуации с учетом личного и социального в реальном поведении субъекта [12,16].

Обзор научной литературы по проблеме критичности показывает, что как в психиатрии, так и в психологии говорится о критичности в разных терминах и понятиях и систематизация, как таковая, этого понятия отсутствует. [17]

В толковом словаре психиатрических терминов (1995), критичность определяется как «умение обдуманно действовать, проверять и исправлять свои действия в

соответствии с условиями реальности». Некритичность мышления в ситуации патопсихологического эксперимента характеризуется утратой контроля над интеллектуальными процессами. Некритичность проявляется и в отсутствии рассудительного отношения к своему состоянию у психически больных, анозогнозии.

Обоснование проблемы

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, малой изученностью проблемы; во-вторых, значимостью исследования нарушений критичности для диагностики психических расстройств и для решения вопросов экспертизы (судебной, военной, трудовой); в-третьих, сложностями диагностики нарушений критичности, поскольку до сих пор не существует методик, прицельно направленных на диагностику именно критичности.

Методы

Эмпирическое исследование различий критичности мышления у разных групп психических расстройств проводилось на базе ГБУЗ Областная психиатрическая больница им. К.Р. Евграфова. Объем выборки 44 человека с разными психическими расстройствами, среди которых 16 девушек и 28 юношей в возрасте от 18 до 27 лет. Первая контрольная группа включает 11 человек, среди которых 5 девушек и 6 юношей, не имеющих медицинского диагноза. Другие три группы составили пациенты психиатрической больницы с психическими расстройствами. Во вторую группу вошли пациенты с «психологическими и поведенческими расстройствами, вызванными употреблением алкоголя» (F10.3 по МКБ-10) в составе 3 девушки и 8 юношей, в возрасте от 18 до 27 лет. Третья группа испытуемых с «манией без психотических симптомов» (F 31.1 по МКБ-10) - 5 девушек и 6 юношей в возрасте от 18 до 27 лет. Четвертая группа пациентов с «депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов» (F32.2 по МКБ-10), среди которых 5 девушек и 6 юношей в возрасте от 18 до 27 года.

Исследование критичности проводилось с помощью разных методов, включающих наблюдение, проективный метод, тест на моторную координацию и методы математической статистики.

На первом этапе эмпирического исследования была проведена диагностика уровня самооценки по методу исследования Дембо-Рубинштейн [1,13]. Эксперимент проводился в виде свободной беседы. Испытуемый на листе бумаги, на заранее отчерченных линиях, ставит черту (-), обозначающую текущий уровень исследуемого признака, кружком (о) обозначается уровень развития, которым испытуемый был бы удовлетворен и крестиком (х) обозначается объективное положение возможностей. В данной методике исследовались такие признаки,

как «Ум», «Характер», «Здоровье», «Счастье».

На втором этапе исследования проводился тест Шварцландера «Исследования уровня притязаний». Задание дается, как экспресс-тест на моторную координацию. Заключение об уровне притязаний делается на основе анализа целевого расхождения. Количества графических элементов, намеченных перед каждой пробой, с реализуемыми в конечном счете. Средняя величина целевого отклонения (ЦО) подсчитывается по формуле, предполагающей сравнение уровня притязаний (УП) и уровня достижений (УД). Испытуемым ставилась задача поставить крестики (х) в максимальном числе квадратов в одном из прямоугольников за определенное время (от 10 с.). Перед этим испытуемый должен назвать количество квадратов, которые он может заполнить за определенное время. предлагался бланк с четырьмя прямоугольными секциями по количеству проб в эксперименте. Далее по данной схеме проводятся следующие пробы, но уже с уменьшением времени на 1 с.

Третьим шагом нашего исследования стало проведение пробы Эббингауза [4,19]. Критичность исследовалась, как способность испытуемых правильно воспринимать смысл рассказа в условиях пропуска ряда слов и как отношение больных к своим ошибкам под влиянием оценки экспериментатора.

Оценивались успешность заполнения пропущенных в тексте слов в соответствии с пониманием смысла рассказа. Рассчитывался показатель «соответствия смыслу» как соотношение числа ответов, соответствовавших смыслу авторского текста, к общему числу вставленных слов (12). Также учитывалась степень удаленности вставленного слова от смысла в диапазоне от его случайности до точности попадания при неправомерности грамматического согласования в предложении, реализации испытуемым проверки написанного/сказанного, коррекции допущенных ошибок и реакций на указанные ошибки.

В процессе наблюдения нарушения критичности оценивались при помощи «Экспертной карты оценки нарушений критичности» К.В. Мещеряковой, А.Ю. Рязановой. Карта нарушений критичности отражает количественная степень проявления клинико-психологического нарушения критичности и заполнялась в процессе наблюдения за респондентами, проходившими психодиагностические испытания.

Для выявления различий в проявлениях критичности применялся непараметрический **t-критерий Стьюдента**.

Результаты

Проведенное эмпирическое исследование позволи-

ло выявить ряд различий в проявлениях критичности у здоровых испытуемых и испытуемых трех групп с психическими расстройствами.

Понимание критичности, в аспекте отношения к себе и своей личности позволяет свести ее к понятию самооценки и уровня притязания, исследованных при помощи «Шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн» и моторной пробы «Уровень притязаний» Й. Шварцландера»

Результаты исследования самооценки (СО) испытуемых всех групп по «Шкале самооценки Дембо-Рубинштейна» представлены в Таблице 1.

Исследование самооценки испытуемых без психических расстройств выявило ее адекватность у большинства из них (83%), что позволяет им реалистично оценивать себя, равно признавать свои достоинства и недостатки соотнося их с жизненными задачами и требованиями социума.

Нарушения критичности наступает при неадекватной самооценке, что говорит о иллюзорном восприятии себя. Для большинства испытуемых с психическими расстройствами характерна неадекватная самооценка: в группе с ППРА - 87%, в группе с манией без психотических симптомов - 91%, в группе с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов -72%. Среди испытуемых контрольной группы такой вариант СО встречается только у 17%.

В группах с ППРА и депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов у большинства доминирует неадекватно заниженная самооценка (78% и 72% соответственно), что свидетельствует о нарушении критичности, нереалистично заниженном восприятии своей личности, неуверенности в себе, преодолению которой затруднено из-за неверия в свои возможности, преувеличении неудач и как следствие постановки более примитивных целей, чем те, которые объективно достижимы для них. В группе с манией без психотических симптомов подавляющее большинство лиц с неадекватно завышенной самооценкой (91%), склонных переоценивать свои достоинства и ставить перед собой недостижимые цели. Их эгоцентризм, чрезмерная самоуверенность, отсутствие необходимого самоконтроля обуславливают принятие ошибочных решений и предрасполагают к рискованным поступкам.

Сравнение средних арифметических показателей самооценки у всех групп испытуемых и различий между ними представлены в таблице 2.

Среднее значение контрольной группы попадает в зону адекватной самооценки (44.091), показатели группы с ППРА соответствует нижней ее границы (34.636). Среднее значение двух других групп соответствует неадекватно завышенной самооценке для группы с манией без психотических симптомов (84.909), либо неадекватно заниженной - для группы с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов (26.455).

Таблица 1.

Результаты испытуемых по «шкале самооценки Дембо-Рубинштейн».

Группа испытуемых	Неадекватно завышенная самооценка	Адекватная самооценка (средняя)	Неадекватно заниженная самооценка
Количество человек контрольной группе (в %)	-	83	17
Количество человек в группе с ППРА (в%)	9	13	78
Количество человек в группе с манией без психотических симптомов (в %)	91	9	-
Количество человек в группе с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов (в %)	10	18	72

Таблица 2.

Средние значения уровня притязаний у испытуемых групп исследования.

Клинико-психологические проявления нарушения критичности	Средние значения группы «Норма»	Средние значения группы «ППРА»	Средние значения группы «Мания без психотических симптомов»	Средние значения группы «Депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов»
Уровень Самооценки по методике Дембо- Рубинштейн	44.091	34.636	84.909	26.455
Значение t-критерия, р в сравнении с нормой		1.156 (0,264)	7.291 (0***)	-2.939 (0.008**)

Достоверные различия в показателях самооценки были выявлены у испытуемых двух полярных групп с манией без психотических симптомов ($t=7.291$, при $p=0^{***}$) и с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов ($t=-2.939$, при $p=0.008^{**}$) относительно контрольной группы. Соответственно в первой группе самооценка значимо выше, во второй группе значимо ниже относительно таковой у лиц без психических патологий. Достоверных различий в показателях самооценки группы ППРА ($t=1.156$, при $p=0,264$) не обнаружено.

Исследование адекватности уровня притязаний проводилось при помощи моторной пробы Й. Шварцландера, полученные результаты представлены в таблицах 3,4.

Исследование уровня притязаний у испытуемых без психических расстройств показало, что у большинства испытуемых отмечается умеренный уровень притяза-

ний (67%), и отсутствие среди них лиц с нереалистичными притязаниями. Это характеризует группу «нормы» как уверенных, настроенных на успех, соизмеряющих свои ресурсы со значимостью достигаемого, продуктивных и настойчивых в реализации своих целей, способных к коррекции неудач с опорой на свои возможности.

Нарушение критичности констатируются при нереалистичном уровне притязаний, встречающемся у испытуемых с психическими расстройствами. Во всех этих случаях речь идет о нарушении критичности, проявляемой дефектом процесса сравнения ожидаемых и реально полученных результатов деятельности, и как следствие отсутствием корректирующего воздействия результата такого сличения на постановку последующего предвосхищенного результата. Так, в первых двух группах испытуемые склонны занижать ожидаемый результат своей деятельности, а в последней чрезмерно завышать. В группе с манией без психотических симпто-

Таблица 3.

Результаты исследования групп исследования по шкале «Уровень притязаний» Й. Шварцландера.

Уровень притязаний	Нереалистично высокий	Высокий уровень	Умеренный уровень	Низкий уровень	Нереалистично низкий уровень
Количество человек контрольной группы (в %)	-	8	67	25	-
Количество человек в группе ППРА (в %)	-	9	27	46	18
Количество человек в группе с манией без психотических симптомов (в %)	27	45	28	-	-
Количество человек в группе с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов	-	-	19	54	27

Таблица 4.

Средние значения показателя уровня притязаний у групп исследования.

Клинико-психологические проявления нарушения критичности	Средние значения группы «Норма»	Средние значения группы «ППРА»	Средние значения группы «Мания без психотических симптомов»	Средние значения группы «Депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов»
Уровень притязаний по методике Шварцландера	1.245	0.381	3.882	-0.445
Значение t-критерия, p в сравнении с нормой		1.117 (0.278)	3.89(0.001 ^{***})	-2.505 (0.021*)

Таблица 5.

Результаты исследования критичности испытуемых по пробе Эббингауза

Уровень нарушения критичности	Нарушение критичности	Незначительные нарушения критичности	Нарушений критичности не обнаружено
Количество человек в контрольной группе (в %)	-	19	81
Количество человек в группе с ППРА (в %)	20	20	60
Количество человек в группе с манией без психотических симптомов	64	18	18
Депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов	54	27	19

мов 27% испытуемых с нереалистично высокими притязаниями, обуславливающими фрустрированность, экстрапунитивность, низкую продуктивность в достижениях. В группах с ППРА и депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов преобладают респонденты с низкими и нереалистично низкими притязаниями (64% и 81%), что связано с действенностью установки на неудачу, затруднениями соотнесения своих действий с перспективой, снижением мотивации, неуверенностью и тотальной боязнью трудностей.

Средние значения контрольной группы попадают в зону адекватного уровня притязаний (0.381), значения группы с ППРА соответствует нижней их границе (0.381). Среднее значение двух других групп соответствуют: для испытуемых с манией без психотических симптомов (3.882) нереалистично высокому уровню притязаний и низкому уровню притязаний для группы с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов (-0.445).

Достоверные различия в показателях уровня притязаний были выявлены у испытуемых двух полярных групп с манией без психотических симптомов ($t=3.89$, при $p=0.001^{***}$) и с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов ($t=-2.505$, при $p=0.021^*$) относительно контрольной группы. Из этого следует, что у лиц с аффективными расстройствами нарушена критичность, пациенты с манией склонны значимо переоценивать диапазон возможностей удовлетворения потребности, а пациенты с депрессией – недооценивать. Как следствие полярно страдает тимический компонент, проявляясь у первых гипертимией, у последних – гипотимией. Так же как в случае и с самооценкой, достоверных различий в показателях группы ППРА в сравнении с контролем не обнаружено ($t=1.117$, при $p=0.278$).

Результаты исследования нарушений критичности всех групп по пробе Эббингауза представлены в таблицах 5,6.

Исследование критичности у испытуемых без психических расстройств показало, что у большинства испытуемых отсутствуют нарушения критичности (81%).

Здоровые испытуемые легко ориентировались в незнакомом тексте, ознакомление с первыми предложениями позволяло им понять смысл рассказа, в трудных местах текста редко допускали само корректируемые ошибки.

Нарушения критичности, фиксирующееся при неправильном подборе слов в рассказе, наблюдается у испытуемых двух групп с психическими расстройствами: в группе с манией - 64%, в группе с депрессивным эпизодом - 54%. В группе с ППРА наблюдается лишь 20% испытуемых с нарушением критичности.

Наименьший показатель соответствия слов обнаружен у пациентов с манией без психотических симптомов, для них характерен в ряде случаев либо случайный, либо удаленный от авторского смысла подбор слов часто в форме неправильного грамматического согласования. Смысловая и грамматическая неадекватность вставок отражена в работе одного из пациентов с манией: «Над городом повисли снеговые **солнышко**. Вдруг девочка начала с **улыбкой** (здесь начался рассказ, далекий от задачи, испытуемого пришлось вернуть к изначальному заданию) и, наклонившись, начала **прыгать** у себя под ногами. Наконец она стала на ноги и своими посиневшими от улыбки ручонками стала гладить по **сугробу**».

Ошибки грамматического согласования близких или правильно подобранных по смыслу слов присутствует в работах пациентов с ППРА: «Вечером началась **тусовка**. Снег повалил большими **кусками** хлопьев. На конце большой и пустынной **пустыре** появилась девочка».

Испытуемые с депрессией склонны в единичных случаях к пропускам в стимульном материале: «Холодный ветер выл как **ураган, дикий...**».

Для пациентов групп мании и депрессии без психотических симптомов характерен подбор эмоционально окрашенных слов, специфичных их функциональному состоянию – гипертимии и гипотимии. Испытуемые с манией чаще для вставок подбирали позитивно окрашенные фразы и слова, что отражено в примере выше. На противоположном полюсе находятся испытуемые с депрессией, предпочитающие негативно окрашенные фразы и слова: «Она была худа и **бедно ощущала себя**».

Таблица 6.

Средние арифметические показатели всех групп испытуемых по пробе Эббингауза.

Клинико-психологические проявления нарушения критичности	Средние значения группы «Норма»	Средние значения группы «ППРА»	Средние значения группы «Мания без психотических симптомов»	Средние значения группы «Депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов»
Нарушение критичности по пробе Эббингауза	1.091	1.909	4.909	4.273
Значение t-критерия, p в сравнении с нормой		0.022*	0***	0***

Вдруг девочка со **слезами** и наклонившись начала что-то высматривать **у себя** под ногами».

Сравнение средних арифметических показателей нарушения критичности у всех групп испытуемых представлено в Таблице 6.

Средние значения критичности в контрольной группе соответствуют отсутствию ее нарушений (1.091), значения группы испытуемых с ППРА соотносятся с незначительными нарушениями критичности (1.909). Значение двух полярных групп свидетельствуют о нарушениях критичности: в группе с манией - 4.909, с депрессивным эпизодом - 4.273.

Достоверность различий показателей критичности установлена в группах испытуемых с манией и депрессивным эпизодом относительно контрольной группы без психических расстройств. В обеих группах была отмечена неадекватная реакция испытуемых на замечание по поводу неправильного выбора слов.

Результаты наблюдения в процессе психодиагностики за испытуемыми всех четырех групп по ряду паттернов, выделенных в «Экспертной карте оценки наруше-

ний критичности» представлены в таблице 7.

Анализ данных таблицы 7. позволил охарактеризовать особенности нарушения критичности при разных психических расстройствах в сравнении с контрольной группой.

Трудности усвоения инструкции проявляются у групп с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов (3.1) и у группы с ППРА (1.364), что объясняется физиологическими проблемами в головном мозге.

Отрицание болезненного состояния или анозогнозия проявляется в группах с ППРА (3.091) и манией (0.82).

Наличие реакции на критику со стороны экспериментатора было выявлено у двух полярных расстройств - отсутствие какой-либо реакции на критику у испытуемых с манией (0.1) и яркая реакция на критику у группы с депрессивным эпизодом (3.09).

В группе с ППРА проявилась такая особенность, как отсутствие чувства экспертной ситуации (1.455), испытуемые данной группы переходили к некому «панибратству».

Таблица 7.

Среднее значение и частота встречаемости симптомов нарушения критичности у испытуемых групп исследования.

Клинико-психологическая характеристика нарушения критичности	Значение t-критерия, p						
	Норма	Норма-ППРА		Норма- Мания без психотических симптомов		Норма- Депрессивный эпизод тяжелой степени без психотических симптомов	
		Ср. значение	Ср. значение	t-кр.	Ср. значение	t-кр.	Ср. значение
Трудности усвоения инструкций	0.455	1.364	2.617 (0.017*)	0.82	1.826 (0.084)	3.1	14.500 (0***)
Отрицание болезненного состояния	0.091	3.091	4.648 (0.001***)	0.82	4.781 (0***)	0.18	0.598 (0.557)
Игнорирование собственных ошибок	0.091	2.091	3.312 (0.007**)	2.37	9.092 (0***)	0.27	0.488 (0.631)
Отсутствие чувства экспертной ситуации (несерьезное, облегченное отношение к исследованию)	0.58	1.455	1.820 (0.088)	0.72	0.439 (0.666)	0.36	1.754 (0.095)
Неустойчивость эмоционального фона, раздражительность	0.091	1.273	2.837 (0.016*)	1.18	7.778 (0***)	0.18	11.355 (0***)
Бравада	0.091	1.636	4.789 (0***)	2.54	10.843 (0***)	0	0.000 (1)
Нарушения самооценки	0.545	2.727	4.781 (0***)	3.09	14.000 (0***)	3.27	13.237 (0***)
Неустойчивость самоконтроля	0.091	0.727	2.004 (0,069)	0.36	1.539 (0.143)	1.81	3.078 (0.007**)
Тревожность	1.909	1.273	2.214 (0.042*)	1.182	2.609 (0.02*)	3.455	-4.752 (0***)
Коммуникативные затруднения	0.545	0.455	0.282 (0.781)	0	1.826 (0.084)	1,72	4.716 (0***)
Ирреальность притязаний	0.182	2.545	3.902 (0.003**)	2.63	15.284 (0***)	3.09	19.124 (0***)

В группах с ППРА (1.273) и манией без психотических симптомов (1.18) была замечена неустойчивость эмоционального фона, проявляющаяся в раздражении в ответ на неудачи и ошибки.

Бравада была отмечена в группе с ППРА (1.636) и в группе с манией без психотических симптомов (2.54).

Интеллектуальная недостаточность выявлена в группе испытуемых с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов, заключающаяся в замедленных процессах мышления и полной адинамичности интеллектуальных процессов. Так же в этой группе испытуемых была отмечена неустойчивость самоконтроля (1.81), проявляющаяся в постоянных «уходах в себя» и перехода на эмоции.

Неустойчивость эмоционального фона, как «скелетная» особенность психического расстройства была выявлена во всех трех группах: у группы с ППРА – 1.273, в группе с манией без психотических расстройств -1.18 и в группе с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических расстройств - 0.18.

Высокий уровень тревожности выявлен у группы с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических симптомов (3.452).

Коммуникативные затруднения были обнаружены у группы испытуемых с депрессивным эпизодом (1.72).

Ирреальность притязаний выделяется в структуре нарушения критичности у всех трех групп психических расстройств, так в группе с ППРА- 2.545, в группе с манией 2.63 и в группе с депрессивным эпизодом - 3.09.

Анализ выявленной симптоматики свидетельствует о нарушениях критичности мышления пациентов трех групп, проявляющихся в разных сферах психики. На основании достоверности различий встречаемости данных симптомов у всех пациентов в сравнении с испытуемыми группы без психических расстройств ниже представлено их описание.

Самосознание затрагивается в разной степени нарушениями самооценки и ирреальностью притязаний у всех респондентов, усиливаясь отрицанием болезненных состояний (анозогнозией) у пациентов из групп ППРА и мании, а в группе депрессивных пациентов – неустойчивым самоконтролем.

Ментальные проблемы проявляются трудностями усвоения инструкций у испытуемых групп пациентов с депрессивным эпизодом и ППРА. Последние вместе с респондентами группы маний склонны игнорировать собственные ошибки.

Эмоциональные трудности продемонстрировали все пациенты неустойчивостью эмоционального фона, разной степенью тревожности и бравады не характерный только лишь для депрессивных пациентов.

Выраженные эмоциональные нарушения депрессивных пациентов вызывают их коммуникативные затруднения и дистанцирование в общении

Обобщая результаты психодиагностических испытаний можно заключить, что у всех трех групп пациентов выявлено нарушение критичности мышления, а значит и происходящие перестройки личностных особенностей, снижающих осознанную мотивацию и адекватность отношения к окружающей действительности. Различия в выраженности соответствующей симптоматики с группой испытуемых без психических расстройств позволили представить профиль нарушения критичности специфичный для каждой из трех групп расстройств.

Нарушения критичности у испытуемых с ППРА характеризуется занижением самооценки и притязаний, не достигающим достоверных различий с группой респондентов без психических расстройств. Они склонны преувеличивать значение неудач, что может сказываться на постановке ими более примитивных целей, чем те, которые могут достигнуть. Для них характерно отрицание болезни, как проявление алкогольной анозогнозии, беспечного отношения к своему настоящему состоянию и к будущему. Состояние собственного неблагополучия пациенты пытаются компенсировать бравадой, проявляемой преувеличением эмоций или «эмоциональной напыщенностью» в состоянии внутреннего возбуждения, с целью произвести впечатление на других, прикрывая ощущение незначительности. Оценивая данный вид психического нарушения можно заключить, что нарушения критичности касается сферы самосознания пациентов, распространяясь на эмоционально-мотивационную (раздражительность, тревожность, бравада) сферы. Полученные данные согласуются с другими исследованиями, указывающими, что при алкоголизме на первый план выступают алкогольная анозогнозия.

В группе с «манией без психотических симптомов» наблюдается более выраженное нарушение критичности мышления проявляемое нереалистично завышенными самооценкой и уровнем притязаний, свидетельствующих о их эгоцентризме, чрезмерной самоуверенности, переоценке возможностей диапазона удовлетворения потребностей как следствия нарушений целенаправленности мыслительной деятельности, проявляемых игнорированием собственных ошибок, смысловой и грамматической неадекватностью в работе с текстом, а также неустойчивостью эмоционального фона.

Противоположная картина нарушения критично-

сти характерна для пациентов группы с депрессивным эпизодом тяжелой степени без психотических расстройств. Нереалистично заниженные самооценка и уровень притязаний указывают на тотальную неуверенность в себе, преодоление которой затруднено из-за неверия в свои возможности, преувеличении неудач и обесценивании достоинств. Замедление

мыслительной деятельности провоцирует трудности усвоения инструкций, но не приводит к выраженной смысловой неадекватности при работе с текстом. Снижение эмоционального фона, тревожность и неустойчивость самоконтроля способствуют коммуникативным затруднениям, дистанцированности в общении и склонности замыкаться в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блейхер, В.М. Практическая патопсихология / В.М. Блейхер, И.В. Крук, С.Н. Боков. – Ростов-на-Дону, 1996. – 448 с
2. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 850 с.
3. Король, С.А. К классификации особенностей критичности мышления / С.А. Король // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 108–111.
4. Кожуховская, И.И. Нарушения критичности у психически больных: Патопсихологическое исследование / И.И. Кожуховская – М., Изд. Московского Ун-та., 1985. – 80 с.
5. Маклаков А.Г. Общая психология: учеб. для ВУЗов. – СПб.: Питер, 2012.
6. Мещерякова, К.В. Клинико-психологическая квалификация критичности как одного из оснований вынесения экспертного решения при судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних / К.В. Мещерякова // Современная психодиагностика в изменяющейся России: сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 159–162.
7. Мещерякова, К.В. Нарушения критичности при расстройствах личности: Судебно-психологический аспект экспертизы / К.В. Мещерякова, А.Ю. Рязанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 7. – № 42. – С. 59–61.
8. Мещерякова, К.В. Клинико-психологическая квалификация критичности как одного из оснований вынесения экспертного решения при судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних / К.В. Мещерякова // Современная психодиагностика в изменяющейся России: сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 159–162.
9. Мещерякова, К.В. Особенности экспериментально-психологического исследования нарушений критичности при судебно-психологической экспертизе / К.В. Мещерякова, А.Ю. Рязанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 3. – №33. – С. 67–70.
10. Мещерякова, К.В. Психодиагностические критерии нарушений критичности подростков при судебно-психиатрической и судебнопсихологической экспертизе / К.В. Мещерякова, А.Ю. Рязанова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 8. – №4. – С. 77–81.
11. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
12. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн – М., 1946. – 712 с.
13. Рубинштейн, С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии / С.Я. Рубинштейн – М., 1970. – 448 с.
14. Шатайло, Н.А. О критичности и ее нарушениях с системных позиций. / Н.А. Шатайло // Независимый психиатрический журнал. – 2007. – №2. – С.24–33
15. Теплов Б. М. Психология. М., 1946.
16. Циркин, С.Ю. Расстройство критики / С.Ю. Циркин // Независимый психиатрический журнал – 2007. – №1. – С.7–13.
17. Зейгарник, Б.В. Исследование уровня притязаний у психически больных. / Б.В.Зейгарник// Журнал невропатологии и психиатрии. – 1972. – № 11. – с. 1656–1658
18. Зейгарник Б.В. Патология мышления. / Б.В.Зейгарник – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 244 с.
19. Зейгарник, Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник – М., 1986. – 208 с.

© Бухлина Лариса Юрьевна (layr111@mail.ru), Новиков Павел Андреевич (novikoveasytop4@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ СОГЛАСОВАННОСТЬЮ РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ СУПРУГОВ

THE STUDY OF THE CHARACTERISTICS OF INTRA-FAMILY RELATIONSHIPS CAUSED BY THE CONSISTENCY OF THE ROLE EXPECTATIONS AND CLAIMS OF SPOUSES

*T. Gutova
Yu. Pidshmorga*

Summary: This article is devoted to the problems of intra-family relations caused by the coincidence of the spouses' ideas about family values. The article analyzes the role expectations of spouses of both sexes in a number of areas of family life: intimate and personal, personal identification with a spouse, household, parental and educational, socially active, emotional and psychotherapeutic, the sphere of external attractiveness.

The role claims of partners are also investigated, reflecting the degree of their internal readiness to perform intra-family roles in the areas under study. A summary table has been prepared reflecting the degree of consistency of the spouses' views on family roles and family values, and their influence on intra-family relations has been determined. It was found that the majority of female respondents have a high level of expectations in the household, parental and educational spheres of family life and in matters of social activity and external attractiveness. Along with this, the majority of male respondents have a low level of expectations in the emotional and psychotherapeutic sphere of family life, and a high level of expectations is manifested in male respondents in the household, parental and educational spheres of life and issues of external attractiveness. The greatest differences in the degree of consistency of the respondents' family values in marriage were revealed on the emotional-psychotherapeutic scale and the scale of external attractiveness.

Keywords: family, intra-family relations, role expectations of spouses, role claims of spouses, consistency of spouses values, personal readiness to fulfill family roles, intra-family values.

Гутова Тамара Сергеевна

канд психолог наук,
КубГМУ, Краснодар
zhurzhu@mail.ru

Пидшморга Юлия Владимировна

канд культурологии,
КубГМУ, Краснодар
ypidshmorga@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам внутрисемейных отношений, обусловленных совпадением представлений супругов о семейных ценностях. В статье проанализированы ролевые ожидания супругов обоих полов по ряду сфер внутрисемейной жизни: интимно-личностной, личностной идентификации с супругом, хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной, социально-активной, эмоционально-психотерапевтической, сфере внешней привлекательности..

Также исследованы ролевые притязания партнеров, отражающие степень их внутренней готовности к выполнению внутрисемейных ролей по исследуемым направлениям. Подготовлена сводная таблица, отражающая степень согласованности представлений супругов о семейных ролях и семейных ценностях, определено их влияние на внутрисемейные отношения. Установлено, что большинство респондентов-женщин имеют высокий уровень ожиданий в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной сферах семейной жизни и в вопросах социальной активности и внешней привлекательности. Наряду с этим, большинство респондентов-мужчин имеют низкий уровень ожиданий в эмоционально-психотерапевтической сфере семейной жизни, а высокий уровень ожиданий проявляется у респондентов-мужчин в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной сферах жизни и вопросах внешней привлекательности. Наибольшие различия степени согласованности семейных ценностей респондентов в браке выявлены по эмоционально-психотерапевтической шкале и шкале внешней привлекательности.

Ключевые слова: семья, внутрисемейные отношения, ролевые ожидания супругов, ролевые притязания супругов, согласованность ценностей супругов, личная готовность к выполнению семейных ролей, внутрисемейные ценности.

В настоящее время значительная часть психологических исследований посвящена проблемам семьи и внутрисемейных отношений. Данное обстоятельство обусловлено тем, что семья, как социальный институт, была и остается важнейшим, специфичным и весьма действенным компонентом воспитания, воздействующим на развитие всех членов семьи, независимо от их возраста и внутрисемейного статуса.

К проблеме внутрисемейных отношений и семьи продолжает быть прикованным внимание ученых как отечественных, так и зарубежных. Повышение интереса

к исследованию вопросов внутрисемейных отношений в настоящее время обусловлено динамикой политической, экономической и духовно-нравственной сфер жизнедеятельности российского человека. Кроме того, причина актуализации данной темы кроется еще и в особенностях внутрисемейных взаимоотношений: установками супругов, их ролевыми ожиданиями, проблемой непонимания, уважением супругов, эмоциональной близостью, влиянием методик воспитания детей, применяемых родителями [6,7].

В современных условиях российская семья рассма-

тривается, с одной стороны, как стабильное социальное образование, а с другой – как изменчивая система, слабо стабилизируемая социальными факторами.

В широком смысле семья – это социокультурное единство людей, которые связаны общностью представлений о жизненных и фундаментальных ценностях, целях, социальных ролях и внутрисемейных функциональных обязанностях. Именно характерные особенности организации внутрисемейных отношений определяют формы и критерии стабильности брака, а также его содержание. При этом, с точки зрения анализа важно учитывать этап, на котором находится семья. Согласно периодизации развития семьи, предложенной В.А. Сысенко [3] выделяются следующие этапы брачных отношений: начальный этап – совсем молодые браки – до 4 лет совместной жизни); этап становления и развития – молодые браки – 5-9 лет совместной жизни; этап зрелости – средние браки – 10-19 лет совместной жизни; этап старения – пожилые браки – более 20 лет и более.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей внутрисемейных отношений, отражающих степень соответствия ролевых ожиданий и притязаний супругов.

Объектом исследования выступают внутрисемейные отношения.

Предмет исследования – совпадение представлений брачных партнеров о внутрисемейных ценностях и его непосредственное влияние на внутрисемейные отношения.

Гипотеза исследования: специфика внутрисемейных отношений напрямую зависит от того, насколько коррелируют между собой ролевые ожидания и притязания супругов.

Цель исследования – изучить особенности взаимоотношений в семьях с учетом совпадений взглядов супругов на приоритеты различных аспектов семейной жизни.

Цель, объект и предмет исследования выдвинули перед авторами следующие задачи:

1. Проанализировать характеристики внутрисемейных отношений.
2. Составить программу эмпирического исследования характеристик внутрисемейных отношений.
3. Выявить и описать особенности внутрисемейных отношений, обусловленные взглядами супругов на внутрисемейные ценности.
4. Представить выводы и рекомендации, направленные на выстраивание гармоничных внутрисемейных отношений на основе уважения и стремления к разделению взглядов супругов на внутрисемейные ценности.

Методы исследования, применяемые авторами в работе:

- метод теоретического анализа [6-7, 9-10];
- психодиагностические методы (опросник «Понимание, эмоциональное притяжение, авторитарность», автор – А.Н. Волкова [4]; опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке», автор – А.Н. Волкова [5]; опросник «Анализ семейных взаимоотношений», автор – Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий [11]; опросник «Измерение установок в супружеской паре», автор – Ю.Е. Алешина [1,2];
- методы описательной статистики (оценка нормальности распределения данных) [11].

База исследования: ФГБОУ ВО «КубГМУ» Минздрава России г. Краснодара. Выборку составили 43 жителя г. Краснодара. Это супружеские пары в возрастном диапазоне от 24 до 45 лет. Опросник «Ролевые ожидания и

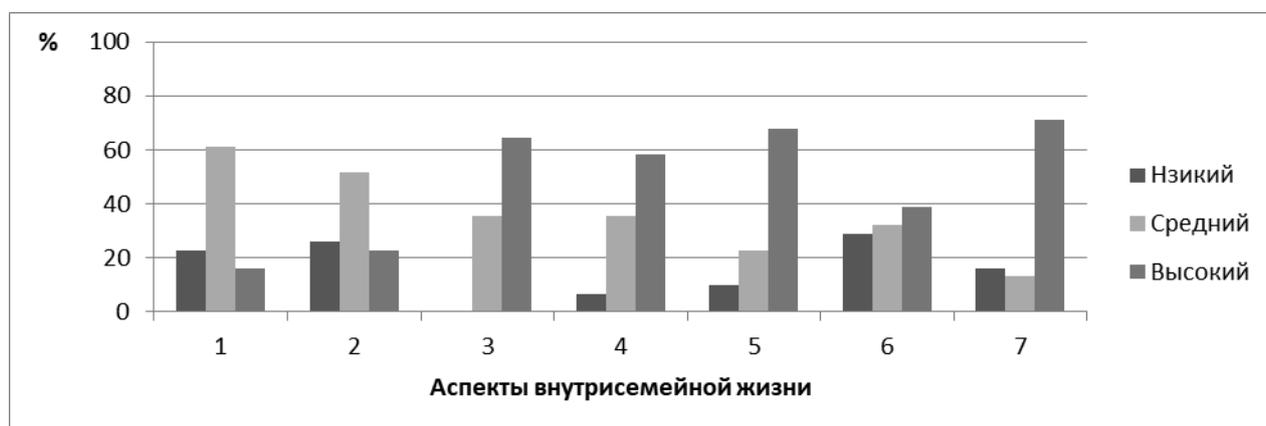

Рис. 1. Женщины: ожидания от роли супруга в семейных отношениях

Примечание: 1 – интимно-личностный аспект; 2 – аспект личностной идентификации с супругом; 3 – хозяйственно-бытовой аспект; 4 – родительско-воспитательный аспект; 5 – аспект социальной активности; 6 – эмоционально-психотерапевтический аспект; 7 – аспект внешней привлекательности.

притязания в браке», предложенный А.Н. Волковой [5] позволил авторам изучить мнения брачных партнеров о роли супруга в семье и уровень соответствия взглядов супругов на внутрисемейные ценности.

Согласно данным (рисунок №1), существенная часть опрошенных женщин (61%) имеют средние ожидания в отношении интимно-личностного аспекта внутрисемейной жизни; 16% респондентов-женщин имеют высокий уровень ожиданий, отражающий их восприятие сексуальной гармонии, как неотъемлемого условия благополучия супругов. 23% респондентов-женщин недооценивают роль сексуальных отношений в браке.

Аспект личностной идентификации с супругом у большинства опрошенных женщин (52%) имеет средний уровень ожиданий. 26% респондентов-женщин обладают ориентацией на личностную автономию, что отражается в низких значениях, представленных по результатам опроса. 22% респондентов-женщин имеют высокие показатели, демонстрирующие ориентацию на совпадение с брачным партнером внутрисемейных интересов, потребностей и ценностей.

35% респондентов-женщин не выдвигают к супругу завышенных ожиданий в вопросах ведения домашнего хозяйства, что отражается в данных опроса относительно хозяйственно-бытового аспекта. Для большей части опрошенных женщин (65%) способность мужчины в семье решать хозяйственные и бытовые вопросы имеет весьма высокое значение. По анализу родительско-воспитательного аспекта внутрисемейных отношений были получены следующие данные. 7% респондентов-женщин не ожидают от брачного партнера выдающейся активности в роли родителя. 58% опрошенных женщин предъявляют высокие требования к супругу относительно его участия в вопросах воспитания детей. 35%

респондентов-женщин имеют средний уровень требований к супругу в отношении его участия в воспитательном процессе.

23% женщин-респондентов имеют средний уровень ожиданий относительно аспекта социальной активности, который отражает ориентацию супругов на важность внешней стабильности внутрисемейных отношений. 9% опрошенных женщин характеризуются слабым уровнем притязаний относительно профессиональных интересов супруга. 68% опрошенных женщин ожидают от супруга амбициозных профессиональных целей и стремлений, что также касается и его лидирующей роли в обществе.

По эмоционально-терапевтической шкале 32% респондентов-женщин не имеют выраженной ориентации на важность эмоционально-психотерапевтического значения брачных отношений. 29% респондентов-женщин имеют низкий уровень ожиданий в отношении данного критерия. 39% респондентов-женщин ожидают от брачного партнера эмоциональной вовлеченности и эмпатичности, активности в процессе создания и поддержания благоприятного психологического климата в семье.

13% респондентов-женщин отмечают средний уровень важности фактора внешней привлекательности брачного партнера для внутрисемейных отношений. 71% опрошенных женщин отводят важное значения внешней привлекательности партнера, а 16% респондентов-женщин отмечают незначительность фактора внешней привлекательности для внутрисемейной гармонии.

Промежуточные итоги опроса можно представить следующими тезисами: женщины в браке акцентируют свое внимание на хозяйственно-бытовых, родительско-

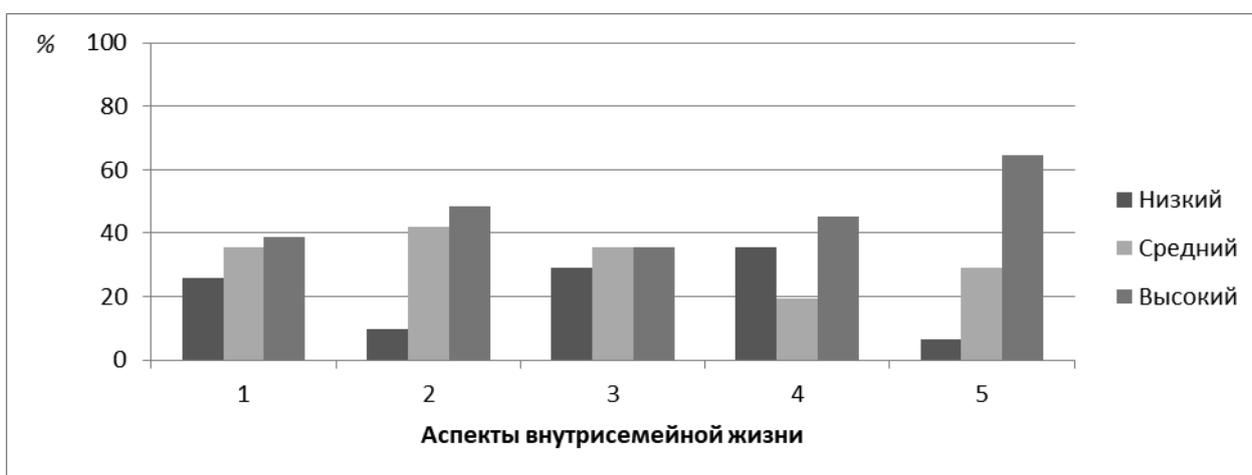

Рис. 2. Женщины: личные ролевые притязания в брачных отношениях

Примечание: 1 – хозяйственно-бытовой аспект; 2 – родительско-воспитательный аспект; 3 – аспекта социальной активности; 4 – эмоционально-психотерапевтический аспект; 5 – аспект внешней привлекательности.

воспитательных возможностях супруга; отдают приоритетное значение социальной активности и целеустремленности партнера; немаловажную роль играет также фактор внешней привлекательности супруга.

Далее авторами были проанализированы ролевые притязания женщин в брачных отношениях, отражающие их готовность к выполнению внутрисемейных функциональных обязанностей.

Далее были проанализированы ролевые притязания респондентов-женщин. Они отражают личную готовность супруги выполнять свои семейные роли. Оценка осуществлялась по 5 аспектам внутрисемейного взаимодействия.

Данные, представленные на рисунке №2, позволяют авторам сделать следующие выводы. 39% женщин, принявших участие в опросе, имеют высокую личную готовность заниматься решением хозяйственно-бытовых вопросов. 35% респондентов-женщин имеют средний уровень личной готовности, а 26% респондентов-женщин не готовы активно участвовать в вопросах организации бытовых вопросов семьи.

48% респондентов-женщин имеют высокий уровень ролевых притязаний по родительско-воспитательной шкале, что демонстрирует их устойчивую ориентацию на собственные обязанности в вопросах воспитания детей. 42% респондентов-женщин имеют средний уровень, а 10% респондентов-женщин - низкий.

По данным шкалы социальной активности, 35% респондентов-женщин имеют высокую степень выраженности собственных профессиональных потребностей. Таким же уровнем – 35% респондентов – характеризу-

ется средний уровень профессиональных притязаний. 30% респондентов-женщин характеризуются низким уровнем притязаний в вопросах собственной профессиональной реализации.

По эмоционально-терапевтической шкале 45% опрошенных респондентов имеют высокий уровень стремления оказывать психотерапевтическую помощь членам семьи. 36% респондентов-женщин отмечают недостаточный уровень собственной готовности взять ответственность в вопросах моральной и эмоциональной помощи близким, проявления эмпатии и в процессе формирования благоприятного псих-эмоционального фона в семье. 19% респондентов-женщин имеют средний уровень в данном аспекте.

65% опрошенных женщин отводят важное место собственной привлекательности, стремлению красиво и стильно выглядеть. 29% респондентов-женщин характеризуются средним уровнем внимания к собственной внешней привлекательности, а 6% респондентов-женщин характеризуются низким уровнем внимания к своей внешности и ухоженности. Таким образом, мы видим, что большинство респондентов-женщин имеют высокий уровень притязаний относительно своего внешнего вида и способности произвести эффективное впечатление в обществе.

Далее, авторами были проанализированы ролевые ожидания респондентов-мужчин. Результаты опроса представлены на рисунке №3. Большинство респондентов-мужчин (45%) имеют средние значения по интимно-личностной шкале. 13% респондентов-мужчин имеют низкий уровень значений, отражающий их восприятие сексуальной гармонии, как несущественного фактора внутрисемейных отношений. Важность данного аспек-

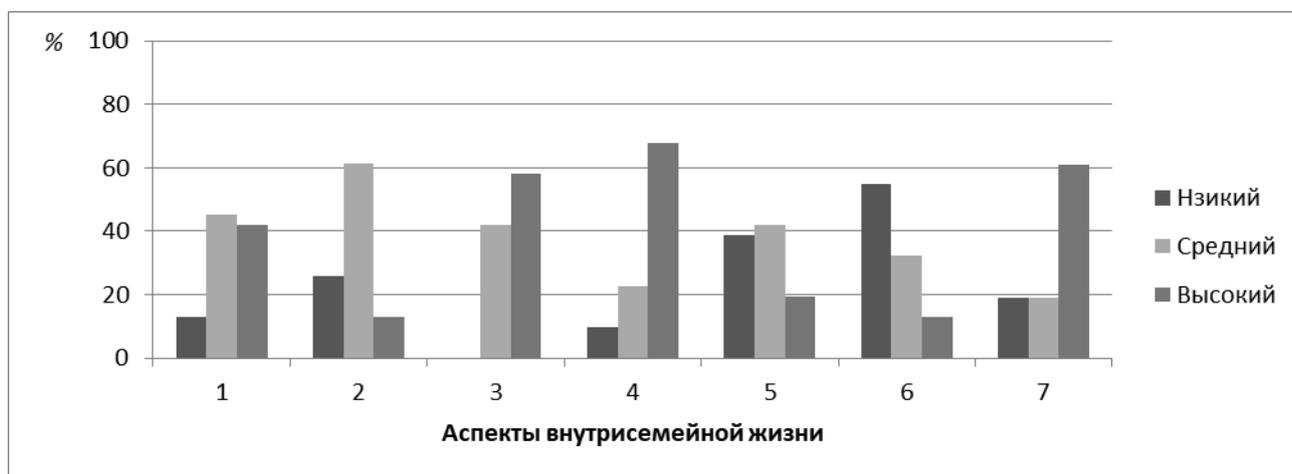

Рис. 3. Мужчины: ожидания от роли супруга в семейных отношениях

Примечание: 1 – интимно-личностный аспект; 2 – аспект личностной идентификации с супругом; 3 – хозяйственно-бытовой аспект; 4 – родительско-воспитательный аспект; 5 – аспект социальной активности; 6 – эмоционально-психотерапевтический аспект; 7 – аспект внешней привлекательности.

та внутрисемейных отношений подчеркнули 42% опрошенных мужчин.

Для 61% опрошенных мужчин-респондентов личностная идентификация с партнершей в браке имеет среднее значение. 26% респондентов-мужчин характеризуются устойчивой ориентацией на личностную автономию. 13% респондентов-мужчин имеют высокие показатели относительно аспекта идентификации с супругой, общности их потребностей, ценностей, интересов.

42% респондентов-мужчин не выдвигают особых желаний к супруге в вопросах организации и ведения домашнего хозяйства, о чем свидетельствуют средние значения ожиданий относительно хозяйственно-бытового аспекта, анализируемого в опросе. 58% опрошенных мужчин хозяйственно-бытовым умениям супруги отводят высокий уровень важности.

По родительско-воспитательной шкале 19% респондентов-мужчин не ожидают партнерши активной родительской позиции. Высокий уровень ожиданий от супруги в вопросах ее активного участия в воспитании детей отмечает существенная часть опрошенных мужчин (58%). 23% респондентов-мужчин имеют средний уровень ролевых ожиданий по данному аспекту.

Социальная активность для 39% респондентов-мужчин имеет низкое значение. 42% опрошенных мужчин имеют средний уровень, а 19% респондентов-мужчин ожидают от супруги значительных успехов в вопросах профессиональной самореализации, амбициозных планов, включенности во множество социальных связей.

По эмоционально-терапевтической шкале 55% респондентов мужского пола недооценивают эмоционально-психотерапевтическую функцию брака. Сред-

ним уровнем ролевых ожиданий относительно данного аспекта характеризуются по данным опроса 32% респондентов-мужчин. 13% респондентов-мужчин ожидают от супруги активного участия в создании благоприятного внутрисемейного психологического фона, а также рассчитывают на эмпатию, поддержку и понимание в сложных жизненных обстоятельствах.

19% респондентов-мужчин имеют низкий и средний уровни значений в оценке внешней привлекательности супруги и ее способности влиять на внутрисемейное благополучие. 62% отводят внешней привлекательности супруги существенное значение.

Промежуточные итоги позволяют авторам представить следующие обобщения: существенная часть участвующих в исследовании мужчин отводят приоритетное значение хозяйственно-бытовому и родительско-воспитательному аспектам участия женщины во внутрисемейных отношениях. Факторы эмоционально-психологической поддержки и внешняя привлекательность супруги представляются опрошенным респондентам как незначительные для семейного благополучия.

Далее авторами были проанализированы ролевые притязания респондентов-мужчин, отражающие их личностную зрелость и мотивацию к реализации внутрисемейных ролей.

Данные опроса брачных партнеров мужского пола представлены на рисунке №4. 58% имеют средний уровень личной готовности брать на себя ответственность за решение хозяйственных и бытовых вопросов, возникающих в процессе развития внутрисемейных отношений. 16% респондентов-мужчин недостаточно готовы к решению данных вопросов и не отводят им приоритетного значения, а 26% респондентов-мужчин готовы ак-

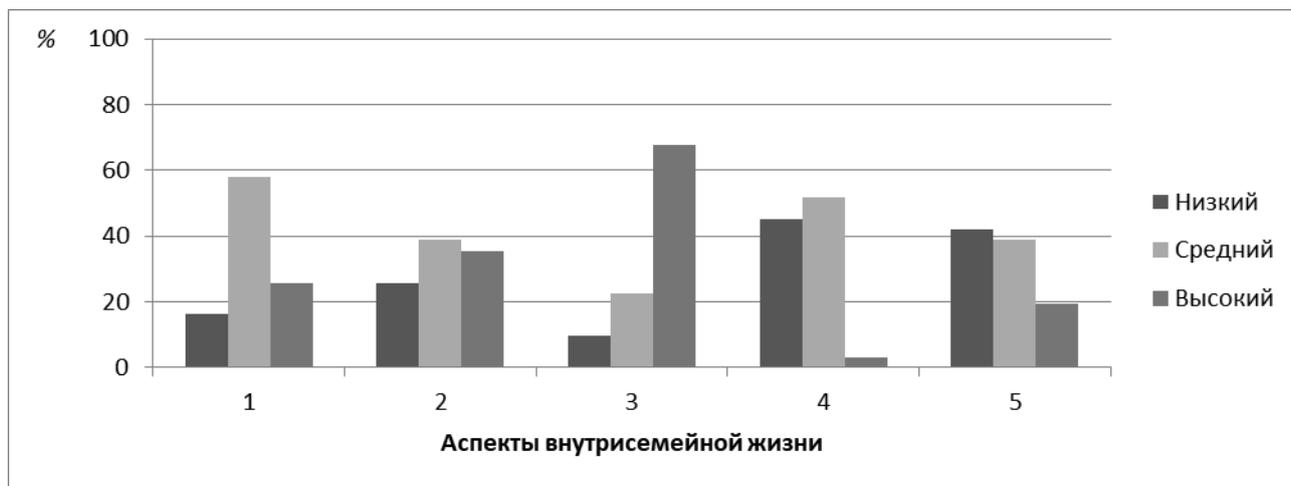

Рис. 4. Мужчины: личные ролевые притязания в брачных отношениях

Примечание: 1 – хозяйственно-бытовой аспект; 2 – родительско-воспитательный аспект; 3 – аспекта социальной активности; 4 – эмоционально-психотерапевтический аспект; 5 – аспект внешней привлекательности.

тивно участвовать в вопросах организации быта семьи.

Большая часть опрошенных респондентов-мужчин (39%) имеют средний уровень ролевых притязаний по родительско-воспитательной шкале. 35% респондентов-мужчин имеют высокий уровень, отражающий их ориентацию на собственные обязанности в вопросах воспитания детей, а 26% респондентов-мужчин - низкий уровень.

68% респондентов-мужчин имеют высокую степень выраженности собственных профессиональных потребностей, что отражают данные по шкале социальной активности. У 22% респондентов-мужчин средний уровень внутреннего запроса на профессиональные достижения, а 10% респондентов-мужчин - низкий уровень.

По эмоционально-терапевтической шкале 52% опрошенных характеризуется средним уровнем стремления к оказанию психоэмоциональной поддержки членам семьи. 3% респондентов-мужчин готовы поддержать супругу в сложных жизненных ситуациях, а также взять на себя ответственности за создание благоприятного внутрисемейного психологического климата. 45% респондентов-мужчин слабо представляют себя в роли семей-

ного психолога.

Внешней привлекательности 42% респондентов отводят несущественное значение, они не зациклены на стремлении стильно выглядеть и следить за тенденциями моды. 39% респондентов-мужчин имеют средний уровень притязаний по шкале внешней привлекательности, а 19% респондентов характеризуются высоким уровнем.

Таким образом, социальная активность для опрошенных представителей мужского пола имеет приоритетное значение.

Далее авторами представлены сводные данные, отражающие наибольшие совпадения взглядов брачных партнеров на внутрисемейные ценности. Согласно данным, представленным (Таблица №1,2) 16% супружеских пар характеризуются несогласованностью представлений относительно интимно-личностного аспекта внутрисемейных отношений, тогда как 84% супружеских пар отметили совпадение мнений относительно данного аспекта. Личная идентификация отсутствует у 3% супружеских пар, а 97% опрошенных супружеских парах отмечают согласованность в данном вопросе. 81% супругов

Таблица 1.

Совпадение ролевых ожиданий брачных партнеров

Ролевые ожидания брачных партнеров						
Аспекты семейной жизни	Женщины			Мужчины		
	Средний уровень,%	Низкий уровень,%	Высокий уровень,%	Средний уровень,%	Низкий уровень,%	Высокий уровень,%
интимно-личностный аспект	61	23	16	45	13	42
аспект личностной идентификации с супругом	52	26	22	61	26	13
аспект	-	35	35	42	-	58
родительско-воспитательный аспект	35	7	58	23	19	58
аспект социальной активности	23	9	68	42	39	19
эмоционально-психотерапевтическая аспект	32	29	39	32	55	13
аспект внешней привлекательности	13	16	71	19	19	62

Таблица 2.

Согласованность притязаний партнеров в браке

Притязания партнеров в браке						
Аспекты семейной жизни	Женщины			Мужчины		
	Средний уровень,%	Низкий уровень,%	Высокий уровень,%	Средний уровень,%	Низкий уровень,%	Высокий уровень,%
хозяйственно-бытовой аспект	35	26	39	58	16	26
родительско-воспитательный аспект	42	10	48	39	26	35
аспект социальной активности	35	30	35	22	10	68
эмоционально-психотерапевтическая аспект	19	36	45	52	45	3
аспект внешней привлекательности	29	6	65	39	42	19

отмечают согласованность в решении хозяйственных и бытовых вопросов, 19% супружеских пар характеризуются несогласованностью в процессе организации и ведения домашнего хозяйства. Большинство супружеских пар (87%) имеют согласованность в вопросах родительско-воспитательной сферы, а несогласованность выявлена в 13% семей. 90% супружеских пар в вопросах активной социальной позиции отмечают внутрисемейную согласованность представлений, а у 10% супружеских пар выражена несогласованность. Эмоционально-психологическая отстраненность внутрисемейных отношений отмечена 58% супружеских пар, а 42% супружеских пар отмечают психоэмоциональный контакт внутри семьи и вовлеченность супруга в вопросы проявления поддержки и эмпатии. Внешняя привлекательность одинаково важна для обоих супругов в браке в 55% случаев, тогда как не совпадение по данному аспекту отмечают 45% супружеских пар.

Авторы отмечают, что несогласованность взглядов партнеров внутри семьи на брачные ценности проявляется относительно эмоционально-психотерапевтического аспекта и вопросов внешней привлекательности.

Женщинам свойственны высокие ожидания в отношении хозяйственно-бытового, родительско-воспитательного аспекта внутрисемейной жизни. Кроме того, представительницы прекрасного пола уделяют большое внимание собственной внешней привлекательности и внешним данным супруга, а также активной гражданской позиции. Завышены требования респонденток-женщин только в вопросах внешней привлекательности.

Ожидания мужчин в вопросах эмоционально-психотерапевтического взаимодействия в семье незначительны, тогда как важное значение мужчинами отводится хозяйственно-бытовому, родительско-воспитательному аспектам сферах жизни и вопросах внешней привлекательности. Социальная активность также является важнейшим аспектом внутрисемейных отношений по мнению опрошенных мужчин. Несовпадение семейных ценностей супругов в браке касаются психологического фона внутри семьи и мнения супругов относительно ценности для внутрисемейного благополучия их внешней привлекательности.

Большинство респондентов-женщин понимают своего супруга, стремятся к открытому общению внутри семьи, уважают своего партнера и считаются с его мнением и приоритетами. Большинство респондентов-мужчин стараются учитывать интерпретации поведения супруги, имеют сложности в выстраивании отношений с супругой, при этом уважают супругу как личность.

Большинство респондентов-женщин оптимистично воспринимают людей, ориентированы на совместную семейную активность с супругом во всех сферах жизни и на традиционную романтическую любовь, отмечают значение сексуальной сферы семейной жизни, отдают большое значение семейному благополучию. Большинство респондентов-мужчин также оптимистично относятся к людям, ориентированы на совместную деятельность с супругой, представляют значимую роль сексуальной сферы, не имеют строго традиционных представлений о роли женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина, Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование [Текст] / Ю.Е. Алешина – М., 2004. – 208 с.
2. Алешина, Ю.Е., Гозман, Л.Я., Дубовская, Е.М. Диагностика семейных взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/60-diagnosis-of-family-relationships/592-questionnaire-measurement-units-in-couples> (дата обращения: 11.05.2022)
3. Андреева, Т.В. Психология современной семьи: монография [Текст] / Т.В. Андреева. – СПб: Издательство «Речь», 2005. – 436 с.
4. Волкова, А.Н. Понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность (ПЭА) [Электронный ресурс]. URL: <https://psytests.org/family/pea.html> (дата обращения: 11.05.2022)
5. Волкова, А.Н. Ролевые ожидания и притязания в браке (РОП) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/60-diagnosis-of-family-relationships/591-questionnaire-role-expectations-and-aspirations-in-marriage-pma> (дата обращения: 11.05.2022)
6. Дружинин, В.Н. Психология семьи [Текст] / В.Н. Дружинин. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 176 с.
7. Романова, Е.С. Супружеские ожидания и притязания в молодой семье // Психология, социология и педагогика. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/06/3297> (дата обращения: 11.05.2022).
8. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии [Текст] / Е.В. Сидоренко. – СПб.: ООО «Речь», 2000. – 350 с.
9. Шнейдер, Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций [Текст] / Л.Б. Шнейдер. – М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.
10. Швец, А.М., Могилёвкин, Е.А., Каргаполова Е.Ю. Мотивация
11. Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкий, В.В. Анализ семейных взаимоотношений [Электронный ресурс]. URL: <http://clinica.nsk.ru/info/testy/testy-lyubov-druzhaba-otnosheniya/analiz-semeynykh-vzaimootnosheniy/> (дата обращения: 11.05.2022).

© Гутова Тамара Сергеевна (zhurzhu@mail.ru), Пидшморга Юлия Владимировна (ypidshmorga@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Динов Евгений Николаевич

кандидат медицинских наук,

Институт повышения квалификации и переподготовки
кадров Российской университет дружбы народов

evgdinov@gmail.com

COMMUNICATIVE DEPRIVATION IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING OF STUDENTS

E. Dinov

Summary: The article substantiates the relevance of the problem of communicative deprivation, which arises in the conditions of distance learning. The negative impact of deprivation on both further education and the psycho-emotional state of the student has been established, which leads to a general weakening of the psychophysical and socio-psychological capabilities of the individual. The author offers his own formulation of the content of the concept of «deprivation syndrome of distance learning». The results of an empirical study of the peculiarities of the influence of psychological deprivation on the student's personality, which occurs in the conditions of distance learning, are presented. According to the results of the study, it was found out that the deprivation syndrome of distance learning among students manifests itself in various psycho-emotional problems. Emphasis is placed on the fact that the dominant stressors for a student during distance learning are communicative deprivation. The connection between the psycho-emotional stress of students and the deprivation syndrome of distance learning is established, the external and internal conditions of the occurrence of the deprivation syndrome in the conditions of distance learning are highlighted.

Keywords: deprivation, psychological deprivation, personality, deprivation syndrome, distance learning.

Аннотация: В статье обоснована актуальность проблемы коммуникативной депривации, которая возникает в условиях дистанционного обучения. Установлено негативное влияние депривации как на дальнейшее обучение, так и на психоэмоциональное состояние студента, что приводит к общему ослаблению психофизических и социально-психологических возможностей личности. Предлагается собственная формулировка содержания понятия «депривационный синдром дистанционного обучения». Представлены результаты эмпирического исследования особенностей влияния на личность студента психологической депривации, которая возникает в условиях дистанционного обучения. По результатам исследования выяснено, что депривационный синдром дистанционного обучения у студентов проявляется в различных психоэмоциональных проблемах. Сделан акцент на том, что доминирующими стрессорами для студента во время дистанционного обучения является коммуникативная депривация. Установлена связь между психоэмоциональным напряжением студентов и депривационным синдромом дистанционного обучения, выделены внешние и внутренние условия возникновения депривационного синдрома в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: депривация, психологическая депривация, личность, депривационный синдром, дистанционное обучение.

Введение

Современное общество характеризуется переходом к новым условиям существования, одним из признаков которого является необходимость адаптации общественных отношений к условиям пандемийных ограничений. При этом неучет социально-психологических закономерностей такой адаптации может приводить к деформации процессов самоопределения и потери ценностей личности вследствие непонимания общественных изменений и личностного конфликта между собственными возможностями, ресурсами и тем, что на самом деле требует ситуация.

В контексте актуальности проблемы, учитывая психологические особенности студенческого периода, которые ориентированы на формирование самоопределения, социальной зрелости, профессиональной направленности, социальной активности и

умения входить в новые социальные группы, возникает проблема депривации, которая может затормозить полноценный ход личностного становления индивида. По нашему мнению, именно депривация является социально-экзистенциальным фактором, который вызывает перманентный кризис, который подавляет чувство целостности собственной личности, ощущение себя как уникальной и неповторимой личности среди «других» и является фактором эмоционального напряжения.

Несмотря на усиленное внимание исследователей в области педагогики и психологии к проблематике депривации, подобное внимание, в основном, ограничивается изучением ее отдельных аспектов и понятийного аппарата. В частности, малоисследованным остается направление психологического реагирования студента на ситуацию депривации, которая возникает в условиях дистанционного обучения (далее – ДО).

Поэтому актуальность исследования обусловлена тем, что данная дефиниция в контексте проблемы ДО требует детального научно-психологического изучения. Очерченной тематике свойственны как недостаток теоретического обобщения и концептуализации очерченной проблемы, так и нехватка эмпирических данных по общему определению негативных факторов ДО, характеризующихся депривацией.

Цель статьи - теоретически проанализировать основные научные подходы к формулированию дефиниции «психологическая депривация», дать определение авторской дефиниции «депривационный синдром ДО» и эмпирически исследовать особенности влияния на личность студента психологической депривации, которая возникает в условиях ДО.

Изложение теоретического материала

По определению Е.Г. Алексеенковой [1] депривация означает лишение, утрату, недостаточное удовлетворение именно психических потребностей. При этом, под психической депривацией, согласно [2], понимают психическое состояние, при котором отсутствует возможность удовлетворения личностью отдельных основных (жизненных) психических потребностей на необходимом уровне и в течение продолжительного времени. Результаты контент-анализа дефиниции «депривация» показали, что большинство определений исходят из понятия потребности, которая рассматривается как недостаточность субъекта в чем-либо.

В своих исследованиях И. Лангмейер и З. Матейчек [3] выделяют 4 вида депривации: 1) стимульная (сенсорная); 2) депривация значений (когнитивная); 3) эмоционального отношения (эмоциональная); 4) идентичности (социальная).

Соответственно, депривированная личность проявляет значительную тревогу, чувство недовольства собой, окружающей обстановкой, неуверенность в своих возможностях, теряется жизненная активность, появляется депрессия. В данном контексте обращаем внимание на достаточный уровень удовлетворения психологических потребностей личности, которые и являются моделирующим фактором проявления депривированности. [4]

С биологической точки зрения, потребность означает определенное состояние организма, выражающее свою объективную необходимость в чем-либо. То есть система потребностей личности напрямую зависит от образа жизни индивида, взаимодействия между окружающей средой и сферой ее использования. Поэтому ограничение, дефицит либо полное отсутствие удовлетворения жизненно необходимых потребностей приводит к лишению возможностей для удовлетворения базовых

психических потребностей на определенный период времени. В контексте указанной проблемы депривация становится фактором деструктивного влияния на социально-психологическую структуру личности, тормозит полноценное личностное развитие, приводит к созданию дискомфортных и девиантных проявлений в поведении личности [5].

Важно подчеркнуть последствия психической депривации, которые проявляются в неумении приспособляться к ситуациям, которые являются привычными для определенного общества. В связи с чем, исследователи отмечают, что очень важно обращать внимание на ценности, которые актуальны в данный период. [6] Кроме того, ученые выделяют два негативных фактора: госпитализм (глубокой депрессии с плачем и печалью) [7] и нехватка перцептивной стимуляции (разнообразных данных в виде паттернов значимой сенсорной информации) [8].

Л.Н. Бережнова выделяет характерные признаки депривированной личности, в частности потеря жизненной активности, депрессия, и считает, что степень «депривационного поражения» зависит от 2 факторов: 1) уровень устойчивости конкретной личности, ее депривационного опыта и способность к психологической устойчивости; 2) степень жесткости, модификационной мощности и мера многоаспектности модификационного влияния [9].

Е.Е. Уманская выделяет такую типологическую дифференциацию понятия «депривация», как психическая, социальная, сенсорная, материнская, семейная, семейная, сексуальная, гендерная, коммуникативная, информационная, перцептивная, когнитивная, аффективная (эмоциональная), экстремальная, экономическая (материальная), профессиональная, тотальная/парциальная (частичная), перманентная, пространственная (локомоционно-кинестическая, двигательная, психомоторная, пересувальна), пищевая, тактильно-кинестетическая, явная/латентная (скрытая, замаскированная), наружная/внутренняя, темпоральная (временная, ранняя/поздняя), экспериментальная, закладовая, ролевая, субэтнические, организмическая, духовно-соматическая, депривация сна и прочее [10].

В контексте нашего исследования акцентируем внимание на сенсорной и коммуникативной депривации.

Под сенсорной депривацией (далее – СД) нами понимается длительное или полное лишение сенсорных ощущений, подвижности, эмоциональных переживаний и пр. Следствием СД может быть т.н. «сенсорный голод» - отсутствие или недостаток эмоциональных связей, перепад настроения, депрессия, апатия, раздражительность, а также ряд психических и физиологических расстройств.

К коммуникативной депривации (далее – КД) мы относим недостаток общения. В данном случае обращаем внимание на ограничение пространства (домашняя комната во время дистанционного обучения), ограниченное передвижение формируют депрессивный модус самосознания, подавленную и слабую биосоциальную личность, которая легко поддается манипуляциям и не склонна к социальной перцепции.

Учитывая вышесказанное, считаем нужным предложить авторское определение дефиниции «депривационный синдром дистанционного обучения», изложив его в следующей формулировке: это устойчивая совокупность психологических состояний личности, вызванных ограничением возможностей по удовлетворению сенсорных, социальных и когнитивных потребностей, которые связаны с особенностями ДО, характеризуются психологическим дискомфортом и могут иметь патогенное влияние на психическое здоровье.

Результаты эмпирического исследования

На основе ключевых положений и теоретического анализа психологических особенностей депривированной личности нами был эмпирически исследован вопрос ДО как фактора возникновения признаков депривации у студентов. В условиях пандемии COVID-19 дистанционное обучение является основным методом для продолжения образовательного процесса. Именно ДО реализует принцип непрерывного образования и является заменителем для получения знания в информационном обществе.

Дистанционное обучение, по нашему мнению, создает для студентов такую депривационную ситуацию, в которой возникает ограничение важных психологических потребностей, ведь студент вынужден находиться длительное время (от 1-4 пары в день) в изолированном помещении без возможности реального общения.

С целью сбора эмпирического материала и предварительного анализа проблемы депривации во время ДО нами был проведен эксперимент, в котором принимали участие студенты 3, 4 и 5 (магистратура) курсов; общее количество респондентов составляло 144 студента.

В эксперименте ставились задачи выявить ключевые проблемы ДО. Для решения поставленных задач использовались следующие диагностические методы: анкетирование и психологическая беседа. Ключевыми вопросами анкеты были: «Как ДО повлияло на Вашу жизнь?», «Что Вам не хватало во время ДО?», «Как Вы можете охарактеризовать ваше эмоциональное состояние во время ДО?», «Произошли ли изменения психоэмоцио-

нального состояния после выхода на очное обучение?», «Возникла ли у Вас потребность личного общения с одноклассниками?», «Изменился ли стиль поведения в коммуникации после выхода из ДО?», «Какие преимущества и недостатки ДО Вы можете отметить?», «В случае возвращения к ДО на что Вы в первую очередь обратите внимание?».

Качественная интерпретация и обработка результатов ответов на вопрос «Как ДО повлияло на Вашу жизнь?» дает основания констатировать, что 28% не ощутили никаких изменений; у 2,8% студентов выявлено резкое уменьшение умственной активности; начались проблемы со здоровьем (зрение, спина) у 2% респондентов; изменилось отношение к учебе, исчезла мотивация у 21,2% студентов; на 20,5% опрошиваемых ДО отразилось положительно в связи с увеличением свободного времени, отсутствием необходимости привязки к месту и т.п.; 11,2% опрошиваемых во время ДО стало легче учиться, улучшились технологические навыки и умение быть более мобильным; у 14,5% опрошиваемых произошли негативные изменения в эмоциональном состоянии.

Кроме того, анализ полученных данных осветил тот факт, что значительное число студентов (45,5%) на вопрос «Что не хватало во время дистанционного обучения?» отметили живое общение с одноклассниками и преподавателями. У 23,1% респондентов не возникало трудностей во время учебы, а для 16,1% опрошиваемых не хватало практических занятий.

Соответственно, нехватка общения у 48,3% студентов привела к различным психоэмоциональным проблемам, которые были определены у студентов во время опроса, в частности, импульсивность, внутренняя напряженность, раздражительность, осторожность, депрессия, тревога, паника, усталость, расстройство сна, апатия, отсутствие мотивации, безэмоциональность, резкая смена настроения, напряженность, стресс, нервные срывы. 9,1% респондентов были в удовлетворительном состоянии, а спокойствие, комфорт и эмоциональное удовлетворение испытывали 42% студентов. Никаких изменений во время ДО не произошло у 1,4% студентов.

Отдельно следует отметить психоэмоциональное состояние респондентов после выхода из ДО на очное и стиль поведения в коммуникации. Нами были определены два фактора, в соответствии с которыми мы получили существенную разницу между показателями пребывания студентов на ДО в соответствии с вопросом «Произошли ли изменения психоэмоционального состояния после выхода на очное обучение». Первый фактор - время пребывания на ДО был разным - от 10 дней до 2 лет; второй фактор - наличие

работы. Поэтому, мы считаем нужным проанализировать полученные эмпирические данные в соответствии с данными факторами.

Согласно первому фактору, согласно результатам опроса, 20% респондентов, которые находились на ДО от 10 дней до 1 года, не почувствовали никаких изменений, у 55% опрошиваемых появился страх заражения; радость и эмоциональный положительный всплеск почувствовали 18% студентов; никаких изменений не почувствовали 7% респондентов.

Обработка результатов категории опрошиваемых до 2 лет пребывания на ДО показала, что 4,3% респондентов испытывают радость и эмоциональный положительный всплеск; 16% опрошенных стали избегать людей и навязчивого общения, испытали нехватку свободного пространства; не почувствовали никаких изменений 5% опрошенных; 11,3% респондентам трудно было настроиться на нормальную работу; у 12,6% возникло желание ходить на занятия, одухотворенность, уверенность и спокойствие; равнодушие ко всему, что происходит, наблюдалось у 16,5% студентов; чувство тревоги, непонимание и дезориентация в пространстве и времени наблюдалась у 34,3%.

Кроме того, хотим выделить, что 40% опрошиваемых испытывали страх, связанный с COVID-19, который вызвал напряженный этап адаптации к очному обучению.

Согласно второго фактора, результаты опроса работающих студентов показали, что для 90% респондентов ДО является положительным, вызывает спокойствие и комфорт, ведь больше времени можно уделить работе и не тратить время на дорогу до университета. На 10% опрошиваемых ДО никак не сказалось.

Анализ результатов эксперимента выявил доминирование среднего и низкого уровней удовлетворения студентов дистанционной формой обучения, что негативно влияет как на качество профессиональной подготовки, так и на общее психологическое состояние.

Анализируя эмпирические данные, нами были выделены внешние и внутренние условия возникновения депривационного синдрома в условиях ДО. Обращаем внимание, что помимо ДО, важным стрессовым фактором является общая ситуация, связанная с пандемией COVID-19.

К внешним условиям нами отнесены такие, как: социальное окружение, большое количество информации, поступающей по разным каналам, и неумение ее правильно «употребить»; желание реального общения; наличие потребности эмоционального восприятия и телесного контакта; достаточная осведомленность о цели и

задачи группы; социальная адаптация

К внутренним условиям отнесены: особенности темперамента, развитие интеллектуальных и физических сил и ограничения во времени для удовлетворения различного плана потребностей; позитивный социально-психологический климат в семье и в группе; удовлетворенность от общения и получения обратной связи.

Можно утверждать, что на особенность депривационных проявлений влияют возрастные и индивидуальные психологические особенности студентов, специфика адаптации первокурсников к обучению в вузе, психологические особенности их социализации и период пребывания на ДО.

Показатели студентов, которые в начале пандемии находились на 1 курсе, и сейчас, во время эксперимента, находятся на 3 курсе, значительно отличаются от результатов опрошенных респондентов, которые на начало пандемии находились на 2 курсе и прошли период адаптации. Соответственно, можем констатировать, что недостаток сенсорной и коммуникативной форм общения и взаимодействия начиная от первых курсов обучения и продолжая дальше способствует возникновению депривационного синдрома ДО. В частности, 55% респондентов не изъявили желания возвращаться к ДО, 45% опрошиваемых указали на отсутствие взаимопонимания в группе и ощущение дискомфорта в связи с ограниченной возможностью живого общения и взаимодействия с группой.

Заключение

Таким образом, констатируем, что депривационный синдром ДО негативно сказывается на деятельностно-коммуникативном уровне личностного самоосознания, вредит психическому здоровью, способствует возникновению расстройств во время личностного становления и вызывает истощение экзистенциальных психонергетических ресурсов [7; 8]. Накопление различных психических ограничений (социального контакта, коммуникативно-тактильной стимуляции и тому подобное) приводит к нивелированию психологической структуры личности.

В дальнейшем депривация может привести к амбивалентности и стать причиной возникновения маргинальности, пребывания в когнитивном диссонансе, хронической фрустрированности различных жизненных потребностей и нарушения саморефлексии [7; 9; 10].

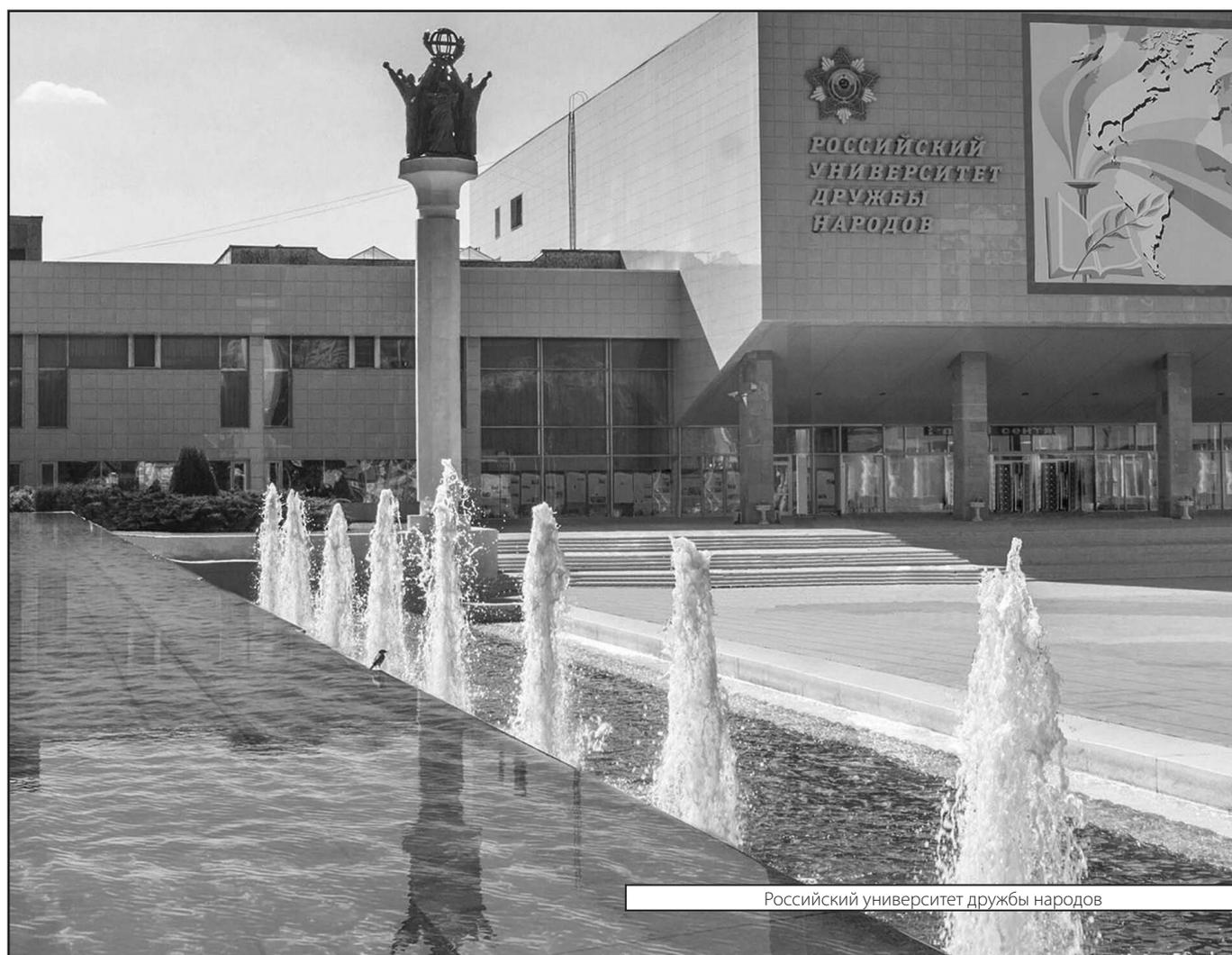
Поэтому дальнейшей перспективой нашего исследования считаем разработку и реализацию целостной программы коррективной депривационного синдрома во время ДО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеевкова Е.Г. Личность в условиях психической депривации: учебное пособие для студентов вузов. - СПб.: Питер, 2009. 96 с.
2. Ярославцева И.В. Психическая депривация в детском и подростковом возрасте: учеб. пособие. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
3. Матейчик З., Лангмейер Й. Психическая депривация в детском возрасте. - Прага, 2006. 340 с
4. Самохвалова А.Г., Котова С.В. Коммуникативные деформации личности в условиях социальной депривации. - Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. 256 с.
5. Власенко А.И. Психологические изменения состояния личности в депривационных условиях режима самоизоляции// Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 4. С. 88–103.
6. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Психологические основы преодоления депривации у студентов в образовательном процессе// Образование и наука. 2010. № 10(78) С. 71-78.
7. Пицелко А.В. Социальная депривация и суицидальное поведение молодежи в современной России // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 15–18.
8. Кулагина И.Ю., Поляков Е.А. Социальная депривация и дизонтогенез как условия развития личности подростка// Культурно-историческая психология. 2011. Том 7. № 3. С. 61–74
9. Бережнова Л.Н. Предупреждение депривации в образовательном процессе: монография. - СПб.: Изд-во «Питер», 2007. 243 с.
10. Уманская Е.Е. Развитие личности в условиях депривации. - М.: Эксмо, 2016. 289 с.

© Динев Евгений Николаевич (evgdinov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ У ЛИЦ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

FEATURES OF THINKING IN PERSONS IN ADULTHOOD WITH MENTAL RETARDATION

*D. Zaitsev
S. Khaidov*

Summary: The article is a study of the features of the development of thinking in adults with mental retardation, who are in a psychoneurological boarding school. The paper presents data from a diagnostic study of thinking in people aged 33–45 in terms of analysis and synthesis operations, categorical thinking, the ability to build connections, general everyday knowledge and understanding of figurative meaning.

Keywords: mental retardation, thinking, mature age, psychodiagnosics, defectology, higher mental functions.

Зайцев Давид Викторович

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Z.David.2012@yandex.ru

Хаидов Сергей Курбанович

к. психол. н., доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

Аннотация: Статья представляет собой исследование особенностей развития мышления у взрослых с умственной отсталостью, находящихся в психоневрологическом интернате. В работе приведены данные диагностического исследования мышления у людей 33–45 лет по показателям операций анализа и синтеза, категориального мышления, умения строить связи, общим бытовым знаниям и пониманию переносного смысла.

Ключевые слова: умственная отсталость, мышление, зрелый возраст, психодиагностика, дефектология, высшие психические функции.

Текст работы

Введение

Проблема исследования особенностей развития мышления у взрослых с умственной отсталостью заключается в том, что на сегодняшний день в психоневрологических интернатах Министерства труда и социальных защит находится большое количество больных с нарушениями в развитии мышления, которые ограничивают их дееспособность и затрудняют социальную адаптацию и реабилитацию.

Многие аспекты изучения мышления вышеуказанных умственно отсталых требуют накопления опыта и проработки, так как недоразвитие мышления оказывает существенное влияние на качество жизни, успешность интеграции, уровень общего объема знаний, трудоспособность и способность к самообслуживанию данной категории людей.

Важность разработки проблемы заключается в том, чтобы как можно более эффективно применять имеющиеся ресурсы психоневрологических интернатов для успешной интеграции людей зрелого возраста с умственной отсталостью. Изучения особенностей мышления таких людей будет способствовать их социализации и интеграции в общество, через повышение общего объема знаний и их самостоятельности мышления в жизнедеятельности.

Литературный обзор

Изучением мышления занимались многие отечественные и зарубежные авторы, такие как, Л.С. Выготский (1999), П.Я. Гальперин (1981), А.Н. Леонтьев (1964), Ж. Пиаже (1994), С.Л. Рубинштейн (2000), О.К. Тихомиров (1984) и др. [5; 6; 8; 9; 10; 11; 13]. В их работах анализ мышления осуществляется как в общетеоретическом и методическом плане, так и в конкретных аспектах мышления, связанных с особенностями его протекания в дизонтогенезе, влиянием на социализацию, способность к самообслуживанию и др.

Методы исследования

Учитывая цели и задачи исследования, были выбраны следующие методики, позволяющие оценить особенности протекания процессов мышления:

1. «Исключение четвертого лишнего» (Н.Л. Белопольская),
2. «Последовательность событий» (А.Н. Бернштейн),
3. «Недостающие предметы» (Н.Л. Белопольская, мод. Г.И. Россолимо),
4. «Сравнение понятий» (С.Я. Рубинштейн),
5. «Понимание пословиц, метафор и фраз» (С.Я. Рубинштейн).

Выбор методик осуществлялся на основе анализа трудов специальных и нейропсихологов, изучающий особенности ВПФ (в том числе мышление) при различных видах дизонтогенеза (Т.Г. Визель [3; 4], С.Я. Рубинштейн [12], Ж.М. Глозман [7] и А.П. Бизюк [2]).

Методика «Исключение четвертого лишнего» используется для оценки особенностей категориального мышления и способность к обобщению, «Последовательность событий» применялась для оценки логического мышления и способности к обобщению, методика «Недостающие предметы» оценивает уровень общих бытовых знаний, «Сравнение понятий» использована для исследования операций анализа и синтеза и оценки особенностей обобщений и, наконец, методика «Понимание пословиц, метафор и фраз» применялась для изучения понимания переносного смысла и конкретности мышления.

В работе представлен качественно-количественный анализ результатов исследований, а также результаты математической статистики.

При анализе валидности результатов использовались описательная статистика, корреляционный анализ Спирмена и непараметрический критерий Мани-Уитни. Произведение расчетов проводилось в лицензированной статистической программе SPSS 21.

Ход исследования и его результаты

Психодиагностическое исследование проводилось на базе государственного учреждения Тульской области «Тульский психоневрологический интернат», структурное подразделение п. Торхово. В общей сложности в нем приняли участие 7 лиц зрелого возраста (33–45 лет), из которых три человека составляли женщины и четыре – мужчины. Выборку представляют люди с диагнозом умственная отсталость лёгкой (у 3 человек) и умеренной (у 4 человек) тяжести.

Анализ результатов исследования с использованием статистических метрик показал следующее:

- Сформированность категориального мышления и операций обобщения в общей выборке находится на уровнях от низкого до ниже среднего. Это говорит о том, что данной группе людей недоступны сложные обобщения, мыслительные операции развиты слабо. Так же результаты говорят о преобладании наглядно-образного мышления. У мужчин средний результат на уровне ниже среднего, что выше среднего показателя женщин, находящегося на низком уровне.
- Понимание связей событий и выстраивания последовательных умозаключений выражены в преобладании низкого уровня. Это говорит о том, что данной группе людей несформированы логическое мышление, умение устанавливать связь событий и умение строить последовательные умозаключения. Влияние гендерных различий на данный показатель не выявлено.
- Уровень общих бытовых знаний и понимания смысла житейских ситуаций в выборке, находится

на различных уровнях, от низкого до высокого. Это говорит о том, что данной группе людей у некоторых хороший уровень общих бытовых знаний и понимания смысла житейских ситуаций, однако у некоторых встречается и слабость мыслительных процессов и слабый запасе бытовых знаний. У женщин средний результат в данном показателе выше и находится на высоком уровне, тогда как у мужчин он на среднем уровне.

- Сформированность операций анализа и синтеза, а также конкретности мышления находится на уровнях от низкого до ниже среднего. Это говорит о том, что данной группе людей в полной мере недоступны операции анализа и синтеза. Вербальное обобщение так же характеризуется своим недоразвитием. Влияние гендерных различий на данный показатель не выявлено, средний показатель по всем группам находится на уровне ниже среднего.
- Понимание переносного смысла и умения вычленивать главную мысль во фразе конкретного содержания в выборке самый низкий, среди остальных: он находится на уровнях от очень низкого до низкого. Это говорит о том, что данной группе людей недоступно понимание переносного смысла. Так же результаты свидетельствуют о недоразвитии обобщений, понятийного мышления и ошибках в выделении главной мысли. Влияние гендерных различий на данный показатель не выявлено, средний показатель по всем группам находится на низком уровне.

Как видно из Таблицы 1, наиболее развитой стороной мышления является оперирование общебытовыми понятиями, накопленными в результате работы многих специалистов на протяжении всей жизни обследуемых людей с УО.

Корреляционный анализ по Спирмену установил, что уровень сформированности операций анализа и синтеза, конкретности мышления имеет положительные связи с уровнем категориального мышления и операций обобщения $r_s=0,8$, $p=0,031$ и умением понимать связь событий и строить последовательность умозаключений $r_s=0,8$, $p=0,031$.

Анализ по непараметрическому критерию Мани-Уитни не выявил статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в исследованных процессах мышления.

Выводы

1. Результаты исследования показали преобладание низких результатов по большинству представленных показателей не зависимо от пола. Выделяется показатель общих бытовых знаний, находящийся

Сводная таблица результатов диагностики

Показатели	Общая выборка		Мужчины		Женщины	
	Среднее	Стд. откл	Среднее	Стд. откл	Среднее	Стд. откл
Категориальное мышление и операции обобщения	1,20333	0,31097	1,18000	0,32511	1,22666	0,36665
	Низкий		Ниже среднего		Низкий	
Умение понимать связь событий и строить последовательные умозаключения	1,58166	0,34481	1,72000	0,25534	1,44333	0,41789
	Низкий		Низкий		Низкий	
Общие бытовые знания и понимание смысла житейских ситуаций	9,35714	0,91742	8,75000	2,62996	10,16667	1,04083
	Средний		Средний		Высокий	
Операции анализа и синтеза, конкретность мышления	1,05833	0,35272	1,06667	0,28867	1,05000	0,47696
	Ниже среднего		Ниже среднего		Ниже среднего	
Понимание переносного смысла, умение вычленив главную мысль	2,23285	0,61463	2,25000	0,53229	2,21000	0,72020
	Низкий		Низкий		Низкий	

на среднем уровне у мужчин и на высоком у женщин, однако статистически значимых различий по гендерному признаку нет. Основные мыслительные процессы у взрослых с умственной отсталостью находятся на очень низком уровне: плохое развитие базовых операций анализа и синтеза, явное преобладание конкретности мышления и почти полной отсутствие понимания переносного смысла.

- Показатель бытовых знаний заметно отличается как от остальных диагностируемых показателей, так и от тех, что получены в исследованиях данной методикой детей с умственной отсталостью Белопольской Н. Л. [1], которые обычно на низком уровне. Это является результатом реабилитационных работ по социализации данной категории людей, проводимых в течение всей их жизни в интернате.

- Относительно высокий результат по общим бытовым знаниям свидетельствует не столько о развитии мышления, сколько о работе памяти, которая при данном нарушении более сохранна.
- Связь всех психических функций как единой системы позволяет частично компенсировать слабость мыслительных процессов за счет более сформировавшихся функций.
- Выявленные корреляционные связи могут быть использованы в социальной реабилитации и представляют собой почву для будущих исследований взрослых с умственной отсталостью.
- Проводимая работа по реабилитации и социализации людей с умственной отсталостью должна проводиться на протяжении всей их жизни и с максимальной опорой на относительно сохраненные функции.

ЛИТЕРАТУРА

- Белопольская Н.Л. Недостающие предметы: Психодиагностическая методика (Модификация методики Г.И. Россолимо): Руководство. 2008. 21 с.
- Бизюк А.П. Компендиум методов нейропсихологического исследования. Методическое пособие. СПб.: Речь, 2005. 398 с.
- Визель Т.Г. Нейропсихологическое блиц-обследование: тесты по исследованию высших психических функций. М.: Сфера, 2007. 27 с.
- Визель Т.Г. Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. М.: АСТ, 2005. 382 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5 М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Гальперин П.Я. Формирование умственных действий // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. М., 1981.
- Глоzman Ж.М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 264 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 120 с.
- Леонтьев А.Н. Мышление // Философская энциклопедия: в 5 т., Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 514–519.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. / Ж. Пиаже. М., 1994. 326 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000. 712 с.
- Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 448 с.
- Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 272 с.

© Зайцев Давид Викторович (Z.David.2012@yandex.ru), Хаидов Сергей Курбанович (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

FEATURES OF THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS IN STUDENTS WITH HEARING IMPAIRMENT

**D. Korneeva
S. Khaidov**

Summary: The article reveals the relevance of studying the problem of the formation of value orientations of students with hearing impairment, compiled and tested a diagnostic program aimed at studying this process. Quantitative and qualitative analysis of the obtained results was carried out using the statistical program SPSS 21. Methods such as Spearman's correlation analysis and descriptive statistics were used to analyze the results.

Keywords: value orientations, terminal values, students with hearing impairment, diagnostic study.

Корнеева Дарья Геннадьевна

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
korneeva.dasa@gmail.com

Хаидов Сергей Курбанович

канд. психол. наук, доцент, Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

Аннотация: В статье раскрыта актуальность изучения проблемы формирования ценностных ориентаций студентов с нарушением слуха, составлена и апробирована диагностическая программа, направленная на изучение данного процесса. Произведен количественный и качественный анализ полученных результатов с помощью статистической программы SPSS 21. Для анализа результатов использовались такие методы, как: корреляционный анализ Спирмена, описательная статистика.

Ключевые слова: ценностные ориентации, терминальные ценности, студенты с нарушением слуха, диагностическое исследование.

Введение

Проблема изучения ценностных ориентаций обострилась в последние годы из-за происходящих перемен в социально-экономическом укладе современного российского общества. Эти перемены приводят не только к обновлению в сфере ценностей, но и формированию кардинально новых стандартов и стереотипов в этой области. Современная молодежь является особой группой в социально-демографическом плане. Именно группа нынешней молодежи будет транслировать имеющиеся ценности в российское общество через несколько лет. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о развитии ценностных ориентаций.

В следствие неустойчивости жизненных убеждений и не до конца сформированной ценностной сферы, студенты с нарушением слуха сильнее, чем слышащие, подвержены негативному влиянию окружающих. Поэтому студентам с нарушением слуха требуется помощь и внешний контроль большей, чем слышащим. Происходящая переоценка ценностей в кризисных условиях преобразования сложившихся устоев острее проявляется в сознании социальной группы [2].

И именно от того, какой ценностный фундамент сформирован у молодого поколения будет зависеть положение людей с нарушенным слухом в социуме.

Литературный обзор

Большой вклад в исследование ценностных ориентаций внесли А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.М. Кузнецов, И.С. Артюхова, Е.К. Киприянова и др. Изучением ценностных ориентаций у студентов с нарушением слуха занимались Собкин В.С., Грицук Н.А., В.А. Ядов.

Наиболее полную теоретическую и эмпирическую интерпретацию термин «ценностные ориентации» получил в работах В.А. Ядова. Под ценностными ориентациями он понимал «разделяемые личностью социальные ценности, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения» [3]. Ядов подчеркивает, что ценностные ориентации являются высшим уровнем в иерархии склонностей и установок человека. По мнению Ядова, критериями принятия решений в ситуациях морального выбора являются ценностные ориентации.

Студенческий возраст – это особый этап развития личности, когда происходит формирование познавательных и профессиональных интересов, развивается потребность в труде, в построении жизненных планов и общественной активности [1]. Новообразования в этом возрасте непосредственно связаны с протекающими изменениями в социуме и определяют динамику процесса социализации. Студенческий возраст наиболее благоприятен для формирования ценностных ориентаций, как устойчивого свойства личности, которое способствует становлению мировоззрения.

Проведенный анализ литературы показал, что исследования ценностной сферы личности обширны, но изучению ценностных ориентаций у лиц с нарушением слуха уделялось недостаточно внимания. Наблюдается острое противоречие между наличием теоретических исследований ценностно-смысловой сферы личности и слабым внедрением результатов исследований в практику психолого-педагогической работы с лицами с нарушенным слухом.

В связи с этим было проведено исследование развития ценностных ориентаций у студентов с нарушением слуха техникума, для обучения людей с ограниченными возможностями здоровья. Исследование проводилось на базе ГПОУ ТО «Тульский техникум социальных технологий». В исследовании приняли участие 7 юношей с различными степенями нарушения слуха в возрасте от 18 лет до 21 года.

Количественный и качественный анализ полученных результатов производился с помощью статистической программы SPSS 21. Использовались: корреляционный анализ Спирмена, описательная статистика.

Методы исследования

В исследовании использовались следующие методики, позволяющие рассмотреть с разных сторон ценностные ориентации студентов с нарушением слуха:

1. Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич) позволяет изучить ценностно-мотивационную сферу: Терминальные ценности: активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, здоровье, интересная работа, красота природы и искусства, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, познание, продуктивная жизнь, развитие, развлечения, свобода, счастливая семейная жизнь, счастье других, творчество, уверенность в себе.
2. «Тест смысловых ориентаций» (Д.А. Леонтьев) диагностирует осмысленность жизни:
 - Цели в жизни;
 - Процесс жизни;
 - Результат в жизни;
 - Осмысленность жизни.
3. «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина) диагностирует социально- психологические установки личности:
 - Ориентация на альтруизм;
 - Ориентация на эгоизм;
 - Ориентация на власть.
4. Методика «Ценностные ориентации личности -8» (Г.Е. Леевик) позволяет выявить доминирующие профессиональные мотивационные тенденции:
 - Труд;

- Общение;
 - Познание;
 - Общественно-политическая деятельность.
5. Методика «Система жизненных смыслов» (В.Ю. Котляков) позволяет изучить содержание системы жизненных смыслов:
 - Статусные смыслы;
 - Экзистенциальные смыслы;
 - Альтруистические смыслы;
 - Смыслы самореализации.

Результаты исследования

Был проведен анализ эмпирических данных путем описательной статистики, результаты которой представлены в таблице 1.

Больше всего корреляционных связей у показателей свободы и труда. Труд имеет положительную связь с властью ($r_s=0,847$; $p=0,000$), свободой ($r_s=0,577$; $p=0,031$) и общением ($r_s=0,847$; $p=0,005$), а также имеет отрицательную связь с социально-психологической установкой «Альтруизм» ($r_s=-0,847$; $p=0,000$), и счастливой семейной жизни ($r_s=-0,718$; $p=0,004$). То есть, при увеличении значимости свободы, власти и общения ценность труда будет увеличиваться, но в то же время при повышении ценности альтруизма или счастливой семейной жизни повлечет уменьшение ценности данного показателя. Показатель свободы имеет положительные связи с ценностями труда, материально обеспеченной жизни ($r_s=0,632$; $p=0,015$) и власти ($r_s=0,679$; $p=0,008$). В тоже время ценность свободы имеет отрицательные связи с показателями жизненной мудрости ($r_s=$; $p=$), счастливой семейной жизни ($r_s=-0,667$; $p=0,009$), счастья других ($r_s=-0,800$; $p=0,001$) и гедонистические смыслы ($r_s=-0,668$; $p=0,009$), в том числе развлечения ($r_s=-0,808$; $p=0,000$).

Показатель здоровья имеет положительные связи с эгоизмом ($r_s=0,772$; $p=0,001$), счастьем других ($r_s=0,619$; $p=0,018$), отрицательные связи с уверенностью в себе ($r_s=-0,854$; $p=0,000$), показателем «Результат» ($r_s=-0,578$; $p=0,030$) и «Процесс» ($r_s=-0,730$; $p=0,003$).

Показатель материально обеспеченной жизни положительные связи с красотой природы и искусства ($r_s=0,698$; $p=0,006$), показателем «Цель в жизни» ($r_s=0,638$; $p=0,014$), с гедонистическими ($r_s=0,986$; $p=0,000$) и статусными смыслами ($r_s=0,872$; $p=0,000$). Отрицательные связи со счастливой семейной жизнью ($r_s=-0,558$; $p=0,038$), а также такими установками как свобода ($r_s=-0,805$; $p=0,001$) и эгоизм ($r_s=-0,746$; $p=0,002$).

Наименьшее количество корреляционных связей у показателя интересной работы. Данный показатель имеет положительную связь с показателем творчества ($r_s=0,645$; $p=0,13$). Экзистенциальные ценности, включая любовь, не

Таблица 1.

Описательные статистики		
	Среднее	Стд. отклонение
Труд	27,8571	3,69734
Общение	28,7143	5,10548
Познание	23,5714	5,54304
Общественно политическая деятельность	18,1429	6,40741
Материальная деятельность	39,2857	3,58262
Цели в жизни	27,4286	3,71513
Процесс в жизни	25,2857	3,02372
Результат в жизни	19,8571	8,83052
Осмысленность жизни	72,5714	22,46267
Экзистенциальные	,0000	,00000
Гедонистические	1,4286	2,40878
Самореализации	1,1429	2,90509
Статусные	2,4286	3,36759
Жизненная мудрость	3,8571	6,38336
Здоровье	5,7143	7,03211
Интересная работа	11,0000	7,48331
Красота природы и искусства	6,2857	7,62010
Любовь	,0000	,00000
Материально обеспеченная жизнь	6,0000	9,84495
Общественное призвание	2,5714	6,53646
Продуктивная жизнь	3,1429	7,98900
Развитие	2,5714	6,53646
Развлечения	9,4286	11,39308
Свобода	27,7143	4,28645
Счастливая семейная жизнь	29,5714	3,63137
Счастье других	32,7143	1,54066
Творчество	4,2857	3,26823
Уверенность в себе	9,4286	4,21927
Альтруизм	9,1429	5,55888
Труд	7,4286	3,63137
Власть	9,7143	4,76249

имеют корреляционных связей с другими показателями.

Все корреляционные связи показателей ценностных ориентаций студентов с нарушением слуха отражены в рисунке 1.

Выводы

1. Таким образом, мы видим, что в целом результаты по многим показателям, в особенности экзистенциальные ценности, представлены низкими и приближенными

ми к низким значениям.

2. Показатель осмысленности жизни имеет высокий уровень. Учитывая значения показателей и преобладающие тенденции, можно сказать о том, что слуховая патология искажает развитие ценностной сферы.

На низком уровне развития находятся такие ценности, как любовь и экзистенциальные смыслы.

На среднем уровне находится показатель материаль-

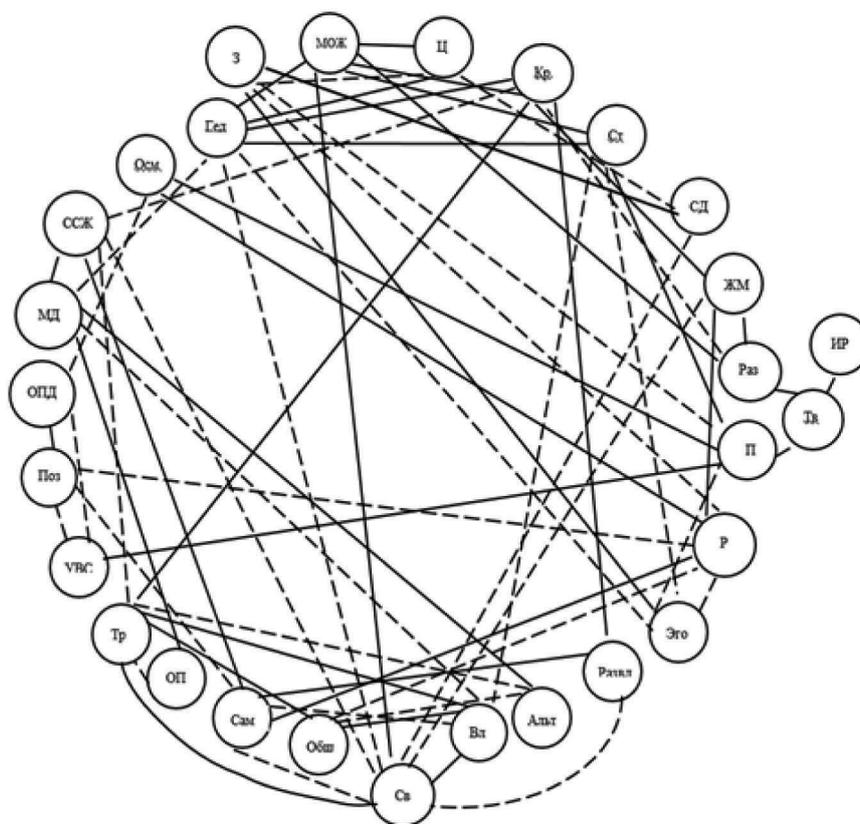

Рис. 1. Корреляционные связи показателей ценностных ориентаций студентов с нарушением слуха

Примечание к рисунку 1: Труд - Тр., общение- Общ., познание- Поз., общественно- политическая деятельность- ОПД, материальная деятельность - МД, цель- Ц., процесс- П., результат- Р, Осмысленность жизни- О., экзистенциальные смыслы - Э., гедонистические смыслы- Гед., смыслы самореализации- Сам., статусные смыслы- Ст., жизненная мудрость- ЖМ, здоровье - З., интересная работа -ИР, красота природы и искусства- Кр., материально обеспеченная жизнь - МОЖ, общественное призвание- ОП, развитие -Раз., свобода- Св., счастливая семейная жизнь - ССЖ, счастье других - СД, творчество- Тв., уверенность в себе- УВС, альтруизм- Алт., эгоизм- Эго., власть- Вл..

ной деятельности. Ценность материальной деятельности будет возрастать при уменьшении гедонистических ценностей и власти, а также при снижении развития нравственных, волевых и моральных качеств.

На верхней границе среднего уровня находится показатель результата, счастье других и счастливая семейная жизнь.

На нижней границе высокого уровня развития находятся показатель осмысленности жизни, обусловленный студенческим возрастом и необходимостью искать работу в будущем.

3. Студенты с нарушением слуха не придают ценность собственно проживанию жизни, как им кажется, не имеют свободы выбора, испытывают трудности в проявлениях любви. Результаты исследования также позволяют определить направления реабилитационных и коррекционных воздействий для студентов с нарушением слуха по формированию ценностных ориентаций.

4. Показатели, имеющие наибольшее количество связей можно рассматривать как факторы, определяющие работу по психологическому сопровождению развития ценностных ориентаций студентов с нарушением слуха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянская Т.Э. Социально-психологические характеристики студенческого возраста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. №3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psiologicheskie-harakteristiki-studencheskogo-vozrasta> (дата обращения: 08.08.2022).
2. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4.;

URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6783> (дата обращения: 08.08.2022)

3. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 2007. 207.

© Корнеева Дарья Геннадьевна (korneeva.dasa@gmail.com), Хаидов Сергей Курбанович (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ МНОГОЗНАЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Кривцов Валерий Михайлович

Аспирант, Астраханский Государственный Университет,
Астрахань, Россия
adv200757@mail.ru

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL PERCEPTION OF MULTIPLE-VALUED INFORMATION

V. Krivtsov

Summary: This article is devoted to the study of the features of the psychological perception of information, which is characterized as ambiguous. The paper draws attention to the main terminological concepts («information», «multiple-valued information», «psychological perception»). The author reveals the features of the psychological perception of ambiguous information in the context of its verbal and non-verbal components. The article presents the process of perceiving multi-valued verbal codes, which consists of several necessary stages: the recognition stage (visual and / or auditory), the sensory stage and the perceptual stage. The author notes that it is at the stage of perceptual actions that the recipient correlates the meaning of the verbal sign with the data from his cognitive experience, which gives rise to the process of association, identification with the perceptual standard. The process of perceiving non-verbal ambiguous information seems to be more difficult. Here the characteristic of the stimulus source is most updated, and the cognitive experience of the recipient also matters. On the basis of what is seen or heard in the mind of a person, the associative image of the object is built, the "leading" semantics is singled out, which manifests itself at the level of consciousness. Lexico-semantic processes, including term-forming ones, are largely associated with national-specific features of the meanings of words, the nature of which is based on primary interpersonal interactions and its socio-cultural generalization within the framework of accepted social categories.

Keywords: information, multi-valued information, perception, verbal means, non-verbal means, perceptual standard, mechanisms of psychological perception, consciousness.

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию особенностей психологического восприятия информации, которая характеризуется как многозначная. В работе обращено внимание на основные терминологические понятия («информация», «многозначная информация», «психологическое восприятие»). Автором раскрываются особенности психологического восприятия многозначной информации в разрезе её вербальной и невербальной составляющей. В статье представляется процесс восприятия вербальных многозначных кодов, состоящий из нескольких необходимых этапов: этап опознавания (зрительный и / или слуховой), сенсорный этап и перцептивный этап. Автором отмечается, что именно на этапе перцептивных действий реципиент соотносит значение вербального знака с данными из своего когнитивного опыта, что порождает процесс ассоциации, отождествления с перцептивным эталоном. Более сложным представляется процесс восприятия невербальной многозначной информации. Здесь наиболее актуализируется характеристика стимульного источника, а также имеет значение когнитивный опыт реципиента. На базе увиденного или услышанного в сознании человека происходит выстраивание ассоциативного образа объекта, вычленяется «ведущая» семантика, проявляющаяся на уровне сознания. Лексико-семантические процессы, в том числе терминообразующие, в значительной мере связаны с национально-специфическими особенностями значениями слов, природа которых основана на первичных межличностных взаимодействиях и его социокультурным обобщением в рамках принятых общественных категорий.

Ключевые слова: информация, многозначная информация, восприятие, вербальные средства, невербальные средства, перцептивный эталон, механизмы психологического восприятия, сознание.

Современная психологическая наука и на сегодняшний день в качестве одного из дискуссионных вопросов имеет проблему исследования механизмов восприятия многозначной информации. Между тем, результаты подобных научных изысканий позволяют исследователям приблизиться к постижению феномена человеческого сознания, на что в принципе нацелены когнитивная психология и психолингвистика.

Несмотря на масштабный накопленный научный опыт по теории психологического восприятия информации (Н.С. Куделькина [6], Т.М. Мамина, Е.А. Дедова [8], Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова [2], И.А. Воронов [1], В.Ю. Карпинская [4] и мн. др.), а также разнообразие эксперимен-

тальных исследований по данному вопросу, проблема выявления механизмов психологического восприятия информационных сообщений нуждается в дальнейшем уточнении, что и является предметом настоящей работы.

Современный человек сталкивается с различного рода информацией во всех сферах своей жизнедеятельности. Сегодняшний мир отличается большим информационным потоком, содержание которого так или иначе непрерывно обрабатывается в сознании личности. Плодотворным представляется определение феномена информации в психологическом ключе, данное И.А. Вороновым. Исследователь отмечает, что понятие информации тесным образом сопряжено с «сигналами окружающей среды» [1,

С. 371]. Этим и объясняется непрерывность работы человеческой психики в процессе опознавания и осознания элементов информационного потока.

Таким образом, информация – это те сведения об окружающем мире, которые транслируются этим же окружающим миром.

Не вызывает сомнения тот факт, что информация, передаваемая «средой», обладает неоднозначностью. Современная когнитивная психология оперирует понятием «многозначность», которая, в сущности, является «тотальным свойством воспринимаемой информации» [10, С. 37]. Под характеристикой «тотальное» понимается перманентность данного признака информации. Иными словами, любой «сигнал окружающей среды» обладает полисемичностью, что, впрочем, далеко не всегда это осознаётся реципиентом. Подтверждение данному факту зачастую наглядно и отчётливо демонстрируется на примере нарочито многозначных изображений: при первом взгляде на подобного рода иллюстративный стимульный материал человек способен разглядеть лишь один из «зашифрованных» в рисунке образов. Причиной этому, как указывают М.Г. Филиппова, Н.В. Морозкина, является тенденциозность восприятия реальности, т. е. её соответствие «<...> нашим ожиданиям и предпочтениям» [10, С. 38]. Эти же факторы влияют на процесс человеческого восприятия, который, на наш взгляд, плодотворно истолкован В.Н. Денисенко. Исследователь отмечает, что важной составляющей процесса восприятия оказывается уровень предшествующего «когнитивного опыта», который влияет на интерпретацию сведений из окружающего мира реципиентом [3, С. 167]. Эксперименты показывают, что особенности психологического восприятия информации зависят в том числе, от следующих факторов:

- источник сообщения (канал связи);
- когнитивная компетенция реципиента;
- соотношение канала связи и «ведущей модальности» субъекта восприятия;
- объём оперативной памяти реципиента и т.д. [2, С. 27].

Данные факторы являются тем «камнем преткновения», который не позволяет преодолеть дискуссионность проблемы восприятия информации в когнитивной психологии, а также причиной неоднородности полученных результатов экспериментальной работы исследователей в данном ключе.

Симптоматично, что сигналы окружающего мира поступают человеку в вербальном и невербальном выражении. Процессы осознания полисемичности вербальных средств представления информации достаточно глубоко изучены современной наукой, в частности такие исследования базируются на лексическом материале, когда группе реципиентов предлагается определить

значение репрезентируемого слова, которое обладает собственной многозначностью [2], [9], [13].

Таким образом, процесс восприятия вербального кода может быть представлен в качестве цепочки процессов, запускаемых рецептивными механизмами. Во-первых, при первичной обработке многозначной информации происходит восприятие «тела знака» (причём это касается как устной, так и письменной формы представления информации). Далее запускаются механизмы ассоциации, когда вербальный знак обретает в сознании конкретный образ, извлечённый из когнитивной памяти реципиента. И в этом случае особенную роль обретает когнитивный опыт человека. В иных условиях, когда слово является для реципиента незнакомым, подключаются механизмы соотношения и/или подобия, а также оппозиционности, работа которых нацелена на «разгадку» образа вербального кода. Более наглядно данный процесс может быть представлен в следующей схеме (см. рисунок 1):

Рис. 1. Процесс восприятия вербального знака

При восприятии многозначной вербальной единицы на этапе сенсорного восприятия происходит выбор «ведущего», обладающего приоритетностью значения полисемичной лексемы. Причём, как показывают исследования, второе и последующие значение вербальных знаков также перерабатываются в сознании реципиента, однако происходит данный процесс в сфере бессознательного. Тогда как на уровне сознания актуализируется лишь «ведущее» [6, С. 271].

Для осознания вербального кода (понимания семантики) на этапе перцептивных действий происходит так называемое сравнение данных, полученных человеком на этапе восприятия, с данными, хранящимися в его когнитивном опыте. Извлечённый из сознания образ получил в науке терминологическое обозначение «перцептивного эталона» – «образа воспоминания подобных предметов» [5, С. 13] и / или явлений, передаваемых посредством конкретного вербального проявления.

Плодотворным представляется использовать приведённую схему, отражающую процесс восприятия вербальной информации, и к осознанию невербальных информационных средств. Однако понимание и интерпретация невербальной информации представляется более сложным, поскольку здесь особо актуализируется не только когнитивный опыт реципиента, но и характер канала сообщения, «стимульная среда» воспроизводящей стороны

и особенности восприятия принимающей стороны (в частности, её мотивация, намерения и установки) [6, С. 268].

Итак, под невербальной информацией мы понимаем те «сигналы окружающей среды», которые передаются не посредством словесных знаков. В качестве стимульной среды для выявления особенностей психологического восприятия такого рода информации психологами зачастую избираются многозначные изображения, имеющие в своём составе несколько образов. Исследователями отмечается, что только один из «зашифрованных» в такого рода материалах распознаётся реципиентом, тогда как второй оказывается воспринят на бессознательном уровне. Однако доказано, что все компоненты неоднозначного графического стимулянта могут быть разгаданы большинством из испытуемых. Такая тенденция получила название «инверсия восприятия» [14, С. 175].

В процессе восприятия невербальной информации человек не сталкивается с построением ассоциативного ряда «слов – образ» – образ здесь даётся ему как бы в готовом виде (возникает ассоциативная цепочка «образ-образ»), но тот образ, что будет добыт реципиентом из своего когнитивного опыта может отличаться в зависимости от ситуационного контекста, а также от особенностей самого воспринимающего. Многозначными также оказываются такие элементы невербальной информации, как мимика, жесты, позы, внешний вид собеседника и т.д., которые придают вербальным компонентам дополнительные оттенки значения и декодируются в сознании реципиента. Таким образом, каждый отдельно взятый человек обладает различным уровнем «интерпретационных возможностей» [7, С. 29], от чего зависит в целом когнитивная деятельность реципиента. Именно это и затрудняет получение объективных результатов исследования механизмов восприятия многозначности. В связи с этим преобразуем изначально заданную нами схему процесса восприятия знака, применительно к невербальным видам информации (см. рисунок 2):

Рис. 2. Процесс восприятия невербального кода

Однако отметим, что вербальная и невербальная информация зачастую предоставляется реципиенту в комплексе, что расширяет возможности построения ассоциативных цепочек, совокупность которых образует ассоциативное поле многозначного контекста. А за счёт подавления неосознаваемых смыслов происходит «конкретизация выбранного значения» [11, С. 358].

Таким образом, к психологическим особенностям восприятия многозначной информации относятся:

- восприятие многозначной информации (как в вербальном, так и в невербальном представлении) базируется на когнитивном опыте реципиента, а уровень интерпретационных возможностей напрямую соотносится с его личностными характеристиками (пол, профессия, уровень образования, психотип и особенности поведения, сформированность мотивационной сферы, стремления и т.д.);
- множественные значения вербальной и невербальной информации не воспринимаются реципиентов на уровне сознательного. Те смыслы, которые не оказались для человека «ведущими», остаются в сфере бессознательного или же сознательно подавляются;
- иногда вторичное, первоначально не осознаваемое значение информации, попадает в сферу сознания: в этом случае наблюдается тенденция «инверсии восприятия»;
- в качестве «ведущего» значения полисемичной информации реципиент избирает то, что соотносится с его мотивационной сферой, а также представляет собой более привычные и типичные семантические акценты;
- разница в восприятии вербального и невербального знака заключается в компонентном составе психических процессов: при обработке вербальной информации реципиент выстраивает ассоциативный ряд «слово-образ», тогда как при интерпретации невербальной информации подключаются механизмы соотнесения образа и образа (увиденного / услышанного с образом, извлечённым из когнитивного опыта человека).

В целом, изучение действия механизмов работы психики человека при интерпретации многозначных вербальных и невербальных кодов позволяет судить об уровне активности когнитивной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов И.А. О переопределении информации, психики, психологии и предмете психологии / И.А. Воронов // Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 10 (164). – С. 369–373.
2. Гридина Т.А. Ассоциативные механизмы вербальной памяти: пилотные эксперименты / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // Когнитивная нейронаука – 2020: материалы международного форума, 11–12 декабря 2020 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 25–31 [Электронный ресурс].

- URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/95497>
3. Денисенко В.Н., Кан Ч. Особенности психофизиологического подхода к исследованию проблемы восприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2015. – № 2. – С. 167–173.
 4. Карпинская В.Ю. Психофизика перцептивных иллюзий: дисс. . . док. Психологических наук: 19.00.01. Общая психология, психология личности, история психологии / Валерия Юльевна Карпинская. – Санкт-Петербург, 2016. – 312 с.
 5. Креолизованный текст: Смысловое восприятие: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.
 6. Куделькина Н.С. Восприятие многозначной информации как предмет психологического исследования / Н.С. Куделькина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Вып. 4. – С. 268–276.
 7. Лабунская В.А. Методология прикладных исследований невербального поведения человека. Невербальное общение: социально-психологические факторы интерпретации и конструирования невербального поведения: монография / В.А. Лабунская. – Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2014. – 140 с.
 8. Мамина Т.М. Особенности восприятия и узнавания полисемии и омонимии / Т.М. Мамина, Е.А. Дедова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2013. – № 4. – С. 3–9.
 9. Ушакова Т.Н. Лингвopsихологическое исследование вербальной семантики / Т.Н. Ушакова, С.С. Белова, Е.А. Валуева // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 6. – С. 64–78
 10. Филиппова М.Г. Осознаваемая и неосознаваемая многозначность: два вида когнитивного контроля / М.Г. Филиппова, Н.В. Морошкина // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 56. – С. 37–55. – DOI: 10.17223/17267080/56/4.
 11. Филиппова М.Г., Аллахвердова В.М. Конкретизация выбранного смысла в процессе восприятия двойственных изображений / М.Г. Филиппова, В.М. Аллахвердова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 356–366. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-2-356-366.
 12. Щербакова О.В. Негативность, связанная с ошибкой, как маркер неосознаваемой чувствительности к многозначности стимула / О.В. Щербакова, М.Г. Филиппова, Ю.Ю. Штыров // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. – 2019. – Т. 69. – № 3. – С. 334–338. DOI: 10.1134/S0044467719030146.
 13. Экспериментальный метод в современной психолингвистике: исследование лексической неоднозначности / О.В. Федорова, А.Я. Койфман, М.Д. Васильева, М.В. Фаликман, А.М. Поминова // Материалы Всероссийской научной конференции «Экспериментальный метод в структуре психологического знания». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 279–284.
 14. Filippova M.G., Shcherbakova O.V., Shtyrov Y.Y. It is not what you think It is: ERP correlates of verbal and non-verbal ambiguity processing. Zhurnal Vyshei Nervnoi Deyatelnosti im. I.P. Pavlova. — 2019. — Vol. 69 — № 2, P. 175-186. DOI: 10.1134/S0044467719020060

© Кривцов Валерий Михайлович (adv200757@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЗИТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Лю Лина

Доцент, Чанчуньский университет Гуанхуа
371648654@qq.com

BEHAVIORAL CHARACTERISTICS OF POSITIVE PERSONALITY

Liu Lina

Summary: This article reveals the origins and current situation of positive psychology. The article discusses various approaches to positive psychology and positive personality. The author described the importance of the concepts of «happiness» and «well-being» for a positive personality. Based on the available scientific research, the strengths of a positive personality were presented. The possibilities of applying the knowledge of positive psychology in modern days were also presented.

Keywords: positive personality, society, positive deviance, positive psychology.

Аннотация: Данная статья раскрывает истоки и современное положение позитивной психологии. В статье рассмотрены различные подходы к позитивной психологии и позитивной личности. Автором была описана важность концепций «счастья» и «благополучия» для позитивной личности. На основе имеющихся научных исследований были представлены сильные стороны позитивной личности. Также были представлены возможности применения знаний позитивной психологии в современные дни.

Ключевые слова: позитивная личность, общество, позитивные девиации, позитивная психология.

Позитивная психология стала быстро развивающимся направлением в современной науке в начале XXI века. Официальным началом данного направления считается первая совместная встреча психологов, придерживающихся этого направления, которая произошла осенью 1999 года в американском Линкольне.

Следует признать, что основы формирующегося мыслительного движения позитивной психологии были связаны с довольно самоуверенными речами его основателей, что затруднило первоначальное принятие его центральных идей более широким – особенно европейским – психологическим сообществом [4]. Например, лидеры позитивной психологии, Ч.Р. Снайдер и Ш.Дж. Лопес, призвали к отделению от существующей психологии, к так называемой «декларации независимости» патологической модели и к созданию отдельной науки позитивной психологии [10]. М. Селигман отвергал прямую связь позитивной психологии с гуманистически ориентированными психологами с сомнительным упреком в отсутствии у них научных знаний [6]. Подобные речи и заявления подняли определенную волну возмущения в психологических кругах.

По мнению М. Селигмана, в основе позитивной психологии лежит идея преобладавшей направленности явлений с негативной окраской в традиционной психологии, например, туда можно отнести возникновение негативных болезненных переживаний, дезадаптивное поведение личности [3]. Многие психологи упускают из виду благоприятные аспекты жизни и позитивные стороны развития личности, в результате чего основной задачей позитивной психологии становится дополнение общей картины психики отдельного человека этими «за-

бытыми» позитивными темами [6].

Современная позитивная психология ориентируется на изучение человеческих положительных эмоций (радости, счастья, любви, надежды) и позитивного жизненного опыта и переживаний личности (оптимальный поток переживаний), а также на исследование положительных индивидуальных качеств и черт личности (оптимизм, любознательность, неукротимость, чувство юмора) и поиск факторов, применимых в положительно функционирующих сообществах и институтах.

Однако было бы заблуждением анализировать позитивную психологию только в качестве «науки о счастье», поскольку области исследований и возможности применения гораздо шире. Исследователи сосредотачиваются на различных темах из эмоциональной и когнитивной областей (важность положительных эмоций, мудрость, стремление к знаниям, творчество, целеустремленность), из области особых способов преодоления сложных жизненных ситуаций (вопрос осмысленности жизни, духовности, смирения) или из области социальной психологии – сострадание, прощение, эмпатия и альтруизм.

Соответственно, позитивная психология занимается исследованием и продвижением позитивных тенденций становления человеческой личности, куда можно отнести сильные стороны характера и моральные характеристики человека. В пример можно привести работы Р. Эммонса, в которых он рассматривает вопрос личных целей в контексте мотивации личности и духовности. Важность духовности в психотерапии подчеркивается К. Паргаментом. Также представляет интерес теория положительных эмоций, сформулированная американским психологом Барбарой Фредриксон. Концепция опти-

мального потока, разработанная М. Чиксентмихайи, также занимает важное место в позитивной психологии.

Ярко выраженное течение в позитивной психологии, представленное в литературе, например, Дж. Петерсоном, М. Селигманом, У.М. Штаудингером фокусируется на так называемой психологии сильных сторон человека. В нем применяется прогрессивный подход к размышлениям о характере, социальном поведении, здоровье человека и др.

Прежде всего одним из наиболее актуальных понятий современной позитивной психологии является благополучие, которое также становится ключевым предметом эмпирических исследований [1]. Этот термин, по словам М. Селигмана охватывает и объединяет пять аспектов счастливой жизни человека: позитивную эмоциональность, осмысленность существования, качественные межличностные отношения, целенаправленную деятельность и успех в работе/учебе [6]. Они служили выживанию именно благодаря созданию физических, психологических, духовных и социальных резервов, которые сохранялись даже после того, как сами положительные эмоции угасли. Таким образом, положительные эмоции являются своеобразным вооружением, которое помогает человеку успешно выживать и справляться с трудными жизненными ситуациями.

Сама оригинальная концепция счастья (потока) была выдвинута американским психологом венгерского происхождения М. Чиксентмихайи [8]. Субъективное благополучие и счастье, по его словам, является результатом так называемого оптимального опыта, который возникает в ходе деятельности, на которой человек полностью сосредоточен, полностью предан ей. Автор понимает благополучие не как случайное состояние, зависящее от внешних условий, а как внутренний процесс, к которому можно подготовиться, который можно культивировать и научиться поддерживать. В соответствии с данным утверждением, позитивная личность видит путь к переживанию благополучия в устранении препятствий на пути к самореализации через прямой контроль над переживаниями, овладение способностью контролировать внутренние переживания и способностью извлекать радость в каждый момент из всего, что она делает.

Иные исследователи в области позитивной психологии, такие как Б. Сингер выделяют в общей сложности шесть основных аспектов личного благополучия: самопринятие, позитивные отношения с другими людьми, автономия и независимость, умение справляться с условиями окружающей среды, личностное развитие и осознание смысла жизни [2]. Соответственно, на практике высокий уровень эмоционального, психологического и социального благополучия приводит к ощущению энергии и жизненной силы, поддержанию процесса постоян-

ного саморазвития и самоопределения, поддержанию близких отношений и восприятию жизни как значимой и целенаправленной.

Другим не менее важным термином, присущей позитивной личности, становится «счастье». Специалисты в области позитивной психологии хорошо осознают сложность понимания данного понятия и поэтому стремятся к его терминологическому уточнению.

При рассмотрении переменных, которые являются ключевыми для счастливого человека, авторы применяют разные подходы. Сторонники личностного подхода (Майерс, Динер) сосредотачиваются в первую очередь на изучении взаимосвязи счастья и личностных черт, таких как экстраверсия, оптимизм или внутренний контроль. Сторонники экологического подхода считают ключевыми жизненные события и накопленный опыт, а также подчеркивают важность социокультурных условий. В рамках интегративного подхода к изучению факторов человеческого счастья исследователи признают важность как личностных факторов, так и влияний окружающей среды.

В то время как некоторые авторы определяют счастье как более постоянную оценку собственной жизни как жизни наполненной, значимой и приятной, другие, такие как Б. Фреде-Риксон больше внимания уделяют эмоциональной стороне счастья [5]. Сознание позитивной личности связано с расширением кругозора - это делает мышление более творческим и открытым для информации, улучшает физическую и умственную гибкость и положительно влияет на личное благополучие и долголетие.

М. Селигман выделяет три составляющие человеческого счастья:

1. позитивная эмоциональность, то есть компонент счастья, который подпитывается переживанием положительных эмоций, способствующих приятной и комфортной жизни (приятная жизнь).
2. активная жизнь, то есть счастье, связанное с активным участием в деятельности - работе, досуге или интимных отношениях;
3. осмысленность, то есть счастье, проистекающее из осмысленной жизни, в которой человек использует свои сильные стороны и внутренний потенциал для служения чему-то за пределами себя [6].

Можно сделать вывод о том, что счастье - это не некая конечная цель, желаемое и позитивное эмоциональное состояние, возникающее в результате достижения благоприятных условий жизни и обстоятельств. Скорее, это непрерывный процесс, который возникает из способа восприятия жизни и мира, который включает в себя позитивное отношение, смысл и духовность. Таким об-

разом, истинное внутреннее богатство позитивной личности связано как с внутренним отношением, так и с внешними обстоятельствами.

Однако Б. Фредриксон указывает, что гарантией счастья не является полное отсутствие негативных эмоций, поскольку случайные чувства грусти или вины, возникающие в результате неприятной ситуации, могут служить важной цели и способствовать эффективному функционированию человека [7].

Исходя из вышесказанного, позитивная личность не занимается отрицанием собственных негативных эмоций, таких как печаль или тревога, она умеет работать с ними так, чтобы частота их возникновения превышалась позитивными переживаниями. Соотношение положительных и отрицательных эмоций считается оптимальным 3:1 (так называемый коэффициент позитивности).

Поведенческие характеристики позитивной личности можно определить следующим образом: преобладающее присутствие положительных эмоций, низкая частота и интенсивность отрицательных эмоций, удовлетворенность существующей жизнью в целом.

Мартин Селигман ставит во главу позитивной психологии личности понятие характера и понимает его как центральное понятие, с помощью которого можно исследовать поведение человека. Вместе с Дж. Петерсоном они создали классификацию сильных сторон и достоинств характера. Они также совместно создали систему измерения сильных сторон характера. Уже в прошлом некоторые психологи обращались к вопросу о положительных сторонах личности — например, А.Х. Маслоу (2000) и его концепция пирамиды потребностей, на вершине которой находится потребность в самореализации, или Э. Эриксона (1999), автора теории психосоциальных стадий, в которой сильные стороны характера очень тесно связаны с освоением отдельных стадий развития. Таким образом, сильные стороны характера поддаются измерению, и человек может приобретать и развивать их в течение жизни. Эти сильные стороны содержат моральную составляющую.

Чтобы определить, является ли определенная черта личности силой, Селигман перечисляет наиболее важные характеристики силы характера, это критерии, которым она должна соответствовать:

- Помогает человеку справиться с трудностями в жизни, осуществить смысл своей жизни;
- Сильная сторона характера морально ценится сама по себе;
- Когда человек проявляет сильную сторону, он обычно испытывает положительные эмоции и восхищение со стороны окружающих;
- Сильные стороны могут быть однополярными

или биполярными, т.е. они могут иметь свою отрицательную противоположность;

- Сильные стороны наблюдаются в социально принятых моделях поведения, которые мы можем увидеть, например, в сказках или баснях;
- Есть дети, у которых некоторая сильная сторона проявляется в сильной интенсивности уже в раннем возрасте - этот критерий проявляется не для всех сильных сторон характера, он принимается не всеми авторами;
- Есть личности, у которых полностью отсутствует определенная сильная сторона характера, а сильных сторон характера может быть несколько одновременно;
- Сильные стороны характера ценятся во всех основных религиозных и культурных традициях по всему миру [6].

Также вопросы идентификации черт характера человека в настоящее время представляют все больший исследовательский интерес — с целью их измерения было создано несколько методов. Например, опросник Values in Action (VIA), созданный М. Селигманом, который приводит к подробному всеобъемлющему отчету, идентифицирующему реализованные сильные стороны данного человека и его нереализованные (потенциальные) сильные стороны. Критерии отбора были признаны всеми основными религиозными и культурными традициями. Основные черты характера человека представлены ниже, и вместе они составляют всеобъемлющую концепцию позитивной личности:

1. мудрость (познавательная добродетель): любознательность, любовь к учебе, критическое мышление, оригинальность, социальный интеллект, перспектива (= способность смотреть на мир со смыслом, перспектива для человека и его окружения);
2. мужество (эмоциональная добродетель): храбрость, настойчивость, порядочность/честность (=человек живет подлинным образом, представляет себя честно);
3. любовь и человечность (межличностная добродетель): доброта, умение любить и быть любимым;
4. справедливость (гражданская добродетель): умение работать в команде, беспристрастность и порядочность, умение руководить;
5. умеренность: самодисциплина, благоразумие, скромность и смирение;
6. духовность и трансцендентность: чувство прекрасного и совершенства, благодарность, оптимизм и ориентация в будущее, духовность, прощение, чувство юмора, энтузиазм.

Бэкингом и Клифтоном также классифицировали сильные стороны человека, которые помогают ему выполнять работу. По мнению авторов, таланты являются ос-

новой сильных сторон. Они характеризуют талант как «естественно повторяющиеся модели мышления, переживания или поведения, которые можно продуктивно использовать» [9]. Эти сильные стороны личности можно измерить с помощью опросника под названием Clifton Strength Finder. Авторы выделяют четыре основных измерения, в которых заключены индивидуальные сильные стороны личности: сотрудничество с другими людьми, влияние на окружающих людей, трудолюбие, стремление хорошо выполнять свою работу, рабочая смекалка.

Концепция аутоотелической личности была разработана Михаем Чиксентмихайи в связи с его концепцией опыта потока. Он обладает способностью превращать стимулы, которые приносят человеку дискомфорт и неудовольствие, в стимулы, которые приносят с собой

ощущение потока. Его также можно считать позитивным человеком, т.к. он акцентирует внимание не только на себе, но в гораздо большей степени на окружающем, а также настойчив, любознателен.

Исходя из вышесказанного, современная тенденция позитивной психологии связана со стремлением максимально эффективно применять полученные знания на практике. Она подчеркивает важность использования результатов исследований в образовательном процессе, коучинге и, конечно же, в психотерапии и консультировании, где психологи предлагают полезный сдвиг к раскрытию положительных качеств клиента и развитию его внутреннего потенциала. Ценным вкладом является также применение идей позитивной психологии в области профессиональной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурханова Е.Р. Новый взгляд на счастье и благополучие в контексте позитивной психологии // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – №6. – С. 143-145.
2. Водяха С.А. Современные концепции психологического благополучия личности // Дискуссия. – 2012. – №2. – С. 132-138.
3. Гурьева Л.П. Позитивная и традиционная психология (в исследованиях М. Селигмана и российских психологов) // Педагогика и психология образования. – 2012. – №3. – С. 83-90.
4. Леонтьев Д.А. Позитивная психология повестка дня нового Солнца // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – №4. – Т.9. – №4. – С. 36-58.
5. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – №1. – С. 14-37.
6. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни // пер. с англ. под ред. И. Солухи. – Москва, 2006. – 367 с.
7. Фредриксон, Б. Сила позитивного мышления. – М.: Феникс, 2012. – 300 с.
8. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. – М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, 2011. – 460 с.
9. Hodges T.D., Clifton D.O. Strengths-based development in practice // Positive psychology in practice. – Hoboken, NJ: John Wiley and Sons. – 2004. – P. 165-178.
10. Lopez S.J., Snyder C.R. The Oxford Handbook of Positive Psychology. – New York, 2012. – 742 p.

© Лю Лиана (371648654@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ У ЛИЦ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

FEATURES OF MEMORY IN PERSONS IN ADULTHOOD WITH MENTAL RETARDATION

S. Nikolaeva
S. Khaidov

Summary: This article is devoted to the study of the features of memory development in adults with mental retardation. Diagnostic techniques were given that allowed to study the level of memory. The article also presents the results of a theoretical and empirical study of the memory of adults 33–45 years old with mental retardation. The features of memory development and trends of its development were revealed.

Keywords: memory, mental retardation, mature persons, psychological research, defectology, higher mental functions.

Николаева Софья Сергеевна

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Sofyanikol4eva@yandex.ru

Хаидов Сергей Курбанович

к.психол. н. доцент., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
haidov@bk.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению особенностей развития памяти у взрослых с умственной отсталостью. Были приведены диагностические методики, которые позволяли изучить уровень памяти. Так же в статье представлены результаты теоретического эмпирического исследования памяти взрослых 33–45 лет с умственной отсталостью. Определены особенности развития памяти и тенденции её развития.

Ключевые слова: память, умственная отсталость, лица зрелого возраста, психологические исследования, дефектология, высшие психические функции.

Введение

Проблема исследования заключается в том, что на сегодняшний день в психоневрологических интернатах Министерства труда и социальных защит находится большое количество больных с дефектами слухоречевой и зрительной памяти, которая ограничивает их дееспособность, что затрудняет их социальную адаптацию и социальную реабилитацию. Память умственно отсталых лиц в зрелом возрасте является необходимым условием для развития их социальных и личностных проявлений, а также играет положительную роль в процессе адаптации в социуме.

Память это важнейших психический процесс. С.Л Рубинштейн говорит, что без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее по мере его протекания безвозвратно исчезало бы в прошлом [6].

Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие слуховой, слухоречевой и зрительной памяти у лиц с умственной отсталостью будет способствовать повышению их самостоятельности в жизнедеятельности. Также важно учитывать, что эффективным признается процесс профессиональной деятельности психолога, направленный на удовлетворение нужд лиц в зрелом возрасте, на самореализацию, обуславливающую социальную адаптацию и интеграцию данной категории больных.

Литературный обзор

Особенности развития такого психического процесса как память у взрослых с умственной отсталостью стали предметом научного исследования таких авторов, как Л.С. Выготский, И.А. Коробейников, А.Н. Леонтьев И.М. Соловьев, Г.Я. Трошин, [2; 4; 5; 7; 8]. Над проблемами психологии умственно отсталого ребенка занимались: Т.А. Власова, Л.В. Занков, Ж.И. Шиф [1; 3; 9].

Методы исследования

Учитывая цели и задачи исследования, были выбраны следующие методики, которые достаточно широко раскрывают особенности памяти лиц с умственной отсталостью, не требующие большой адаптации и малоэнергозатратны при проведении исследования, обработке результатов и их интерпретации:

1. Заучивание 10 слов (А.Р. Лурия)
2. Память на образы (Н.Я. Семаго)
3. Память на числа (Джордж Миллер)
4. Опосредованное запоминание (А.Н. Леонтьев)
5. Пикограмма (А.Р. Лурия).

Выбор данных методик, обусловлен тем, что они позволяют изучать дефекты памяти у лиц с умственной отсталостью. Благодаря им можно выявить особенности развития разных сторон памяти и качества её взаимосвязи с другими психическими процессами.

Так методика «Заучивание 10 слов» позволяет оце-

нить состояния памяти, утомляемости и активности внимания; методика «Память на образы» способствует изучению кратковременной памяти; «Память на числа» даёт возможность оценить кратковременную зрительную память, ее объем и точность. Методика «Опосредованное запоминание» помогает выявлять понимание инструкции и сохранения её до конца эксперимента. Умение пользоваться приемами опосредованного запоминания, точность воспроизведения слов, предложенных для запоминания. Принцип работы методики «Пиктограмма» позволяет исследовать особенности опосредованного запоминания и его продуктивности, а также характера мыслительной деятельности.

При анализе валидности результатов использовались такие методы, как: описательная статистика, корреляционный анализ Спирмена и непараметрический критерий Мани-Уитни. Произведение расчетов проводилось в лицензированной статистической программе SPSS 21.

Ход исследования и его результаты

Психодиагностическое исследование проводилось на базе государственного учреждения Тульской области «Тульский психоневрологический интернат», структурное подразделение п. Торхово. В исследовании приняли участие 7 человек, из них четверо мужчин и три женщины. Выборку представляют люди с диагнозом умственная отсталость легкой (3 человека) и умеренной (4 человека) тяжести.

Анализ результатов исследования с использованием статистических метрик показал следующее:

- Сформированность кратковременной слуховой памяти в общей выборке находится в пределах от среднего уровня до высокого. Данные результаты показывают то, что устанавливаются смысловые связи слов и воспроизводятся предложенные слова. Установление более далеких связей вызывает затруднения. Результаты мужчин и женщин одинаковые, находятся на среднем уровне.
- Уровень кратковременной зрительной памяти на образы находится в пределах от ниже среднего до среднего. Это говорит о установлении смысловых образов слов и воспроизведение предложенных образов. Установление более далеких связей вызывает затруднения. Результаты мужчин и женщин одинаковые и находятся на среднем уровне.

Так же уровень кратковременной зрительной памяти находится в пределах от низкого до ниже среднего. Это говорит о том, что информация запоминается медленно, быстро забывается, воспроизводится быстро, но с ошибками, а также объём информации медленно запоминается, быстро забывается, воспроизводится с ошибками.

Результаты мужчин и женщин отличается, результаты мужчин находятся на уровне ниже среднего, женщин на низком уровне.

- Сформированность долговременной слуховой памяти находится на уровнях от среднего до высокого. Это говорит о том, что в данной группе устанавливаются смысловые связи слов и воспроизводятся предложенные слова. Так же результаты свидетельствуют о том, что установление более далеких связей вызывает затруднения. Результаты мужчин и женщин одинаковые и находятся на среднем уровне.
- уровень опосредованного запоминания по методике «опосредованное запоминание» находится в пределах от низкого до высокого уровня. Это говорит о установлении смысловых связей между словами и картинками и воспроизводятся предложенные слова. Так же результаты свидетельствуют о том, что установление более далеких связей вызывает затруднения. Результаты мужчин и женщин отличаются, результаты мужчин находятся на среднем уровне, женщин на низком.

Показатель опосредованного запоминания по методике «Пиктограмма» находится на уровне от ниже среднего до среднего. Это свидетельствует о том, что установлении смысловых связей слов и воспроизводятся предложенные слова. Установление более далеких связей вызывает затруднения. Результаты мужчин и женщин одинаковые и находятся на среднем уровне.

Оценка результатов исследования с помощью диагностических методик показала следующие показатели.

Корреляционный анализ по Спирмену и непараметрическому критерию Мани-Уитни не выявил статистически значимых корреляционных связей и различий по между мужчинами и женщинами в исследованных видах памяти.

Выводы

1. Результаты большинства исследуемых показателей в выборке имеют среднее значение. У мужчин, как и женщин, нарушение памяти находится на одном уровне не зависимо от пола.
2. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что патология памяти зависит от неравномерного развития её в детстве, так как являются инвалидами с детства.
3. Память лиц в зрелом возрасте не соотносится с имеющимися возможностями, приложенными усилиями и совершаемыми действиями.
4. Основные мнестические процессы у взрослых с умственной отсталостью находятся на среднем уровне: среднее развитие кратковременной и

Таблица 1.

Сводная таблица результатов диагностики

Показатели		Общая выборка		Мужчины		Женщины	
		Средний	Стандартное отклонение	Средний	Стандартное отклонение	Средний	Стандартное отклонение
Кратковременная слуховая память		3,0000	0,8165	3,2500	0,9574	2,6667	0,5773
		средний		средний		средний	
Кратковременная зрительная память	На образы	5,6667	0,8165	6,0000	0	5,3333	1,1547
		средний		средний		средний	
	На числа	3,0000	1,1547	4,0000	0	2,0000	0
		ниже среднего		ниже среднего		ниже среднего	
Долговременная слуховая память		3,1428	0,3779	3,2500	0,5000	3,0000	0
		средний		средний		средний	
Опосредованное запоминание	«Опосредованное запоминание»	1,8333	0,9831	2,3333	1,1547	1,3333	0,5773
		средний		средний		средний	
	«Пиктограмма»	2,8333	0,4082	3,0000	0	2,6666	0,5773
		средний		средний		средний	

долговременной памяти, а также опосредованно-го запоминания.

5. Результаты исследования позволяют определить

направления реабилитационных и коррекционных работ по развитию памяти для лиц зрелого возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Т.А. О детях с отклонениями в развитии М.: ПРОСВЕЩЕНИЕ, 1973. 189 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Занков Л.В. Об исследовании умственно отсталого ребенка / Л.В. Занков. М.: Эксперимент. дефектологич. ин-т им. М.С. Эпштейна, 1934 (типо-лит. ГКП). Обл., 44 с.
4. Коробейников И.А. Нарушения развития и социальная адаптация / И.А. Коробейников. М.: Perse, 2002. 191 с.
5. Леонтьев А.Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций М.: Учпедгиз, 1931. 278 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000. 712 с.
7. Соловьев И.М. Психология познавательной деятельности нормальных и аномальных детей. Сравнение и познание отношений предметов / Акад. пед. наук СССР. М.: Просвещение, 1966. 224 с.
8. Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей / Гр. Трошин: Школа-лечебница д-ра мед. Г. Я. Трошина, 1915. 404 с.
9. Шиф Ж.И. Особенности умственного развития учащихся вспомогательной школы. М.: Просвещение, 1965. 343 с.

© Николаева Софья Сергеевна (Sofyanikol4eva@yandex.ru), Хаидов Сергей Курбанович, (haidov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЭТАПЕ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ

FACTORS OF DEVELOPMENT OF MANAGERIAL COMPETENCE AT THE STAGE OF MASTERING THE PROFESSION

O. Polezhaeva

Summary: This article discusses the key aspects and factors of the formation of managerial competence among students at the stage of mastering the profession. The approaches of modern scientists to the definition of the term «managerial competence» are studied.

Keywords: competence, managerial competence, factors of competence development, professionalism, mastering a profession, personal and professional development.

Полежаева Ольга Дмитриевна

Соискатель, старший преподаватель
Северо-Западный институт управления Российской
Академии Народного Хозяйства и Государственной
Службы при Президенте РФ
polezhaevaolga@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены ключевые аспекты и факторы формирования управленческой компетенции у студентов на этапе овладения профессией. Изучены подходы современных ученых к определению термина «управленческая компетентность».

Ключевые слова: компетентность, управленческая компетентность, факторы развития компетенций, профессионализм, овладение профессией, личностно-профессиональное развитие.

В современном мире общественные потребности, прежде всего, выдвигают на передний план основные требования по осуществлению подготовки высококвалифицированных специалистов в разных сферах деятельности. Именно поэтому сегодня требуется формирование инициативных личностей, которые будут готовы к эффективному выполнению профессиональных задач и управленческой деятельности.

В научных исследованиях В.И. Коваленко и Н.В. Буравцовой отмечалось, что результативность процесса управления, в первую очередь, обусловлена сформированностью у будущих специалистов управленческой компетенции на этапе овладения профессией [5, с. 181]. Именно поэтому в современной системе образовательного процесса требуется развитие основных компетенций и навыков, которые способствуют становлению и развитию управленческой компетенции у будущих специалистов на этапе овладения профессией.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных факторов развития управленческой компетенции у студентов на этапе овладения профессией, требуется остановиться на рассмотрении подходов современных ученых к трактовке данного понятия.

В исследовании А.И. Таюрского отмечается, что управленческая компетентность – это совокупность качеств личностного характера индивида, в которых раскрывается содержание такого личностного свойства с позиции современной управленческой деятельности [15, с. 5].

Согласно научным воззрениям О.Л. Карповой,

Т.Н. Шабалковой, Н.С. Агладиной, под управленческой компетенцией требуется понимать совокупность компетенций, сформированную в процессе самообразования и процессе обучения [1, с. 77].

И.Ю. Куравина в своей статье отмечала, что управленческая компетенция представляет собой совокупность опыта, навыков и знаний, которые нужны для управления организацией [13, с. 92].

Таким образом, в представленных определениях авторы придерживаются мысли о том, что управленческая компетенция – это совокупность личностных качеств, компетенций, опыта, знаний и навыков, которые необходимы для управления. Однако в них не раскрывается вопрос о факторах, которые способствуют развитию таких компетенций. Именно поэтому остановимся далее на этом вопросе.

На сегодняшний день в научных источниках выделяются разные группы факторов, которые способствуют формированию и развитию управленческой компетенции у студентов при овладении профессией. Рассмотрим основные факторы, предлагаемых в научных трудах.

Так, при рассмотрении особенностей формирования управленческой компетенции на этапе овладения профессией, В.И. Коваленко и Н.В. Буравцова выделяют такие психологические факторы, направленные на формирование управленческой компетенции будущих специалистов, как:

1. Успешность в конкретной управленческой структуре.

2. Личная индивидуальная успешность, которая включает в себя:
- профессионально важные качества;
 - личностно-профессиональный потенциал;
 - управленческий потенциал [5, с. 181].

Если обратиться к научным трудам Н.В. Буравцовой, то можно выделить, что на развитие профессиональной управленческой компетенции оказывают непосредственное воздействие группа психологических факторов, представленных на рисунке 1.

Как следует справедливо согласиться с ученым, выделенные на рисунки психологические факторы формирования управленческой компетенции способствуют, прежде всего, формированию таких позиций будущих профессионалов, как мотивационно-осмысленная и предметно-определенная позиция.

В исследовании М.Б. Гарунова отмечается, что сущностью обязанностей управленцев считается организация работы собственных подчиненных, которая непосредственно направлена на исполнение задач профессионального характера. При этом исследователь отмечает, что такое исполнение профессиональных задач должно иметь вид творческой деятельности. Именно поэтому требования к уровню творчества повышается в процессе повышения уровня управления и усложнения объекта [8].

В исследованиях Н.В. Кузьминой и А.А. Реана [12] представлена классификация акмеологических факторов, влияющих на личностно-профессиональное развитие. В числе основных факторов влияния авторы выделяют объективные, субъективные и субъективно-объективные. Представим описание указанных групп факторов с учетом специфики и новообразований студенческого

периода личностно-профессионального развития.

Объективные факторы полностью определяются системой профессиональной деятельности, соответственно, имеют внешнюю заданность [17, с. 493]. В студенческом возрасте объективные факторы личностно-профессионального развития формируются теми условиями, которые создают внешнее пространство обучения и воспитания на этапе овладения профессией:

- условиями, способствующими развитию способностей к управлению эмоциональными, в т.ч. стрессовыми состояниями [7, с. 18];
- условиями, нацеленными на развитие гностических способностей индивида (внимание, память, гибкость, понятийность и логичность мышления) [10, с. 72];
- условиями, нацеленными на развитие способностей к проектировочной деятельности [3, с. 14];
- условиями, нацеленными на развитие коммуникативных способностей [4, с. 23];
- условиями, нацеленными на развитие специальных компетенций в соответствии с особенностями будущей профессиональной деятельности [11, с. 272].

Одним из важнейших объективных факторов ЛПР на этапе овладения профессией является построение субъективной модели обучения [14, с. 40], основанной на типовых образовательных стандартах, но предполагающей гибкий, индивидуализированный подход в выборе направлений личностно-профессионального развития.

Итак, объективные факторы личностно-профессионального развития представляют собой системные воздействия со стороны образовательной среды на внутренние факторы развития профессионализма в период студенчества.

Рис. 1. Психологические факторы, воздействующие на формирование управленческой компетенции [6, с. 240]

В свою очередь, индивидуальные факторы успешно-личностно-профессионального развития – это **субъективные факторы**, которые включают в себя такие детерминанты, как мотивы и ценности, профессиональную направленность, компетентность, профессионально-значимые личностные качества и т.д. [16, с. 93].

Система внутренних факторов, определяющих ЛПР, выступает предметом исследования в различных научно-практических и экспериментальных моделях. Так, в системной теории личностно-профессионального развития, Л.М. Митина выделяет такие интегральные характеристики личности, как направленность, компетентность и гибкость, которые являются результатом комбинации профессионально-значимых личностных свойств. Объединяясь в еще более сложные качества, они определяют степень трудовой мобильности, конкурентоспособности работника [15, с. 17]. Совершенствование этих качеств определяет профессиональное развитие личности.

Одним из ключевых внутренних факторов ЛПР являются способности личности к той или иной профессиональной деятельности. Способности не сводятся к имеющимся знаниям, умениям, навыкам или профессиональным компетенциям, а проявляются в том, насколько быстро, прочно и глубоко субъект овладевает способами и приемами деятельности [9, с. 46].

Субъективно-объективные факторы связаны с особенностями организации образовательной среды, управлением ею [9, с. 47]. В нашем понимании, это интериоризованные механизмы развития, которые усваиваются личностью в процессе обучения и воспитания в специально организованных условиях образовательной

среды. Без целенаправленной системы психолого-педагогических, акмеологических, развивающих воздействий, активизация этих факторов не представляется возможным. Под субъективно-объективными факторами мы понимаем сформированность процессов самопознания, самообразования и самовоспитания.

При формировании управленческой компетенции на этапе овладения профессией требуется уделять наибольшее внимание объективной необходимости адекватности распределения в структуре управления основных функций по вертикали и горизонтали. В данном случае можно согласиться с ученым, если принимать во внимание тот факт, что процесс формирования управленческой компетенцией осложняется совокупностью субъективных эффектов деятельности, а именно условиями, режимами деятельности, неоднородности обязанностей, эффективностью в решении задач и пр.

В работе Б.А. Аникина указываются следующие психологические факторы становления управленческой компетенции:

- неопределенность формирования ряда ситуаций производственного характера;
- функциональная непрописанность [2, с. 140].

Таким образом, управленческая компетенция – это совокупность личностных качеств, компетенций, опыта, знаний и навыков, которые необходимы для управления. Однако в них не раскрывается вопрос о факторах, которые способствуют развитию таких компетенций. Среди психологических факторов развития управленческой компетенции выделяют: субъективные, объективные и субъективно-объективные факторы, которые влияют на личностно-профессиональное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агладина Н.С., Шабалкова Т.Н., Карпова О.Л. Формирование управленческой компетентности бакалавра в процессе самообразовательной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2015. №4. С. 76-80.
2. Аникин Б. Высший менеджмент для руководителя. – М., 2001. 140 с.
3. Бендюков М.А. Психология профессионального развития в условиях рынка труда (теоретический анализ) / М.А. Бендюков // Профессиональный потенциал. – 1998. – № 4. – с. 14-16.
4. Болотин А.Э., Стрельникова Н.Л. Педагогическая технология управления развитием коммуникативных способностей у студентов вузов физической культуры / А.Э. Болотин, Н.Л. Стрельникова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. – № 2 (108). – С. 21-25.
5. Буравцова Н.В., Коваленко В.И. Психологические факторы, обуславливающие развитие организационно-управленческих навыков будущих менеджеров // МНКО. 2013. №4 (41). С. 181-183.
6. Буравцова Н.В. Психологическое пространство личности в контексте проблем профессионального образования // Философия образования. – 2010. – № 1. С. 234-240.
7. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. Изд. «Питер», 2009. – 469 с.
8. Гарунов М. Развитие творческой самостоятельности специалиста // Высшее образование в России. – 2003. – № 4.
9. Калашников М.М. К вопросу о сущности понятия способностей в педагогике и психологии // Вестник БГУ. 2014. №1. С. 45-52.
10. Карева Г.В. Компьютерные игры как средство развития гностических способностей студентов в вузе / Г.В. Карева // Вестник Брянского государственного университета. - 2010. - № 1. - С. 71-75.

11. Кузнецова Е.Н. Создание педагогических условий для формирования профессиональных компетенций обучающихся среднего профессионального образования // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2014. №2. С. 270-277.
12. Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория фундаментального образования в опыте талантливых преподавателей. - СПб. - 2013. - 272 с.
13. Куравина И.Ю. Содержательно-смысловая интерпретация сущности понятия управленческой компетентности / И.Ю. Куравина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 6 (192). — С. 91-95.
14. Мельничук А.С. Субъективные модели личностно-профессионального развития управленческих кадров на этапе получения психологического образования / А.С. Мельничук // Акмеология. - № 1. - 2005. - С. 38-46.
15. Митина Л.М. Теоретико-методологическое и научно-методическое обеспечение обучения и личностно-профессионального развития персонала организации / Л.М. Митина // Ученые записки СПбГИПСР. - Выпуск 1. - Том 17. - 2012. - С. 13 – 22.
16. Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. - СПб.: Питер, 2002. - 432 с.
17. Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. СПб.: 2002 - 656 с.
18. Таюрский А.И. Факторы, влияющие на формирование управленческой компетентности руководителей образовательных учреждений всех уровней профессионального образования // Вестник ТГПУ. 2009. №1. С. 5-7.

© Полежаева Ольга Дмитриевна (polezhaevaolga@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Западный институт управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕСЕНСИБИЛИЗАЦИИ АЛЛЕРГИЙ И ПРИЧИН ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В.Н.ЯНЧИКОВА ПРИ БЕЗМЕДИКАМЕНТОЗНОЙ КОРРЕКЦИИ ДЕТСКОЙ ПСИХОСОМАТИКИ (С РОЖДЕНИЯ ДО 5 ЛЕТ)

Соловьёва Юлия Олеговна

клинический психолог, руководитель Института
доказательной психосоматики «ЭВИРА», г. Москва
js07@mail.ru

**ABOUT THE APPLICATION OF
THE METHOD OF EMOTIONAL
DESENSITIZATION OF ALLERGIES
AND THE REASONS FOR THEIR
APPEARANCE BY V.N. YANCHIKOV
IN THE NON-DRUG CORRECTION OF
CHILDREN'S PSYCHOSOMATICS
(FROM BIRTH TO 5 YEARS)**

Yu. Solovieva

Summary: Modern research shows that over the past decades, allergies and diseases similar to it have become much younger. Medicine every year notes an increase in the number of patients with allergies, urticaria and atopic dermatitis confirmed by doctors at a very early age.

The current situation is alarming. Taking into account the age category of the "youngest" allergy sufferers - from birth to 3 years old - drug treatment of the disease is very difficult due to the impossibility of using many drugs due to the risk of side effects that are even more undesirable for the child's body than the allergy itself (of course, we are not talking about severe forms of allergy, such as anaphylactic shock or Quincke's edema). Therefore, the relevance of the search for drug-free methods for correcting allergies in children is growing exponentially.

Keywords: atopic dermatitis, allergy, urticaria, child psychosomatics, evidence-based psychosomatics, child psychosomatic correction.

Аннотация: Современные исследования показывают, что, за последние десятилетия аллергия и сходные с ней заболевания значительно «помолодели». Медицина с каждым годом отмечает рост количества пациентов, имеющих подтвержденные врачами диагнозы аллергия, крапивница и атопический дерматит уже в самом раннем возрасте.

Складывающаяся ситуация не может не настораживать. С учетом возрастной категории самых «юных» аллергиков – от рождения до 3 лет - медикаментозное лечение заболевания сильно затруднено из-за невозможности применения многих препаратов в связи с риском возникновения побочных эффектов, еще более нежелательных для детского организма, нежели сама по себе аллергия (разумеется, речь не идет о тяжелых формах проявления аллергии, таких как анафилактический шок или отек Квинке). Поэтому в геометрической прогрессии возрастает актуальность поиска безмедикаментозных методов коррекции аллергии у детей.

Ключевые слова: атопический дерматит, аллергия, крапивница, детская психосоматика, доказательная психосоматика, детская психосоматическая коррекция.

Целью настоящей статьи является обоснование эффективности применения авторского Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения В.Н. Янчикова (МЭДАП) при безмедикаментозной коррекции психосоматики у детей в возрасте от 0 до 5 лет.

Методологической основой работы являются методы анализа, синтеза, наблюдения, индукции, дедукции, а также статистический, биографический и логический методы.

В результате проведенного исследования были рассмотрены причины возникновения и особенности диагностики эмоциональных аллергических реакций у детей в возрасте от 0 до 5 лет, раскрыты нюансы проведения

психосоматической коррекции подобного рода психосоматики, обоснована эффективность применения МЭДАП в рамках работы с клиентами указанной категории.

В связи с доказанной эффективностью и универсальностью МЭДАП (с точки зрения возможности его сочетания с любыми иными техниками и методиками психосоматической коррекции) при работе с психосоматикой детей в возрасте до 5 лет логичным и целесообразным представляется вывод о необходимости внедрения описанного Метода в практику действующих психологов.

Постоянные стрессы, подстерегающие человека на каждом шагу, и ухудшающаяся экологическая обстановка постепенно привели к тому, что за последнее столетие ряд заболеваний, в числе которых и аллергия, стали

проявляться не только у взрослого населения, но и у детей, в том числе самого раннего возраста (с 0 лет) [4].

В связи с тем, что аллергия, как и любое другое заболевание требует лечения, а регулярное применение лекарств и иных медикаментозных методов несет опасность проявления у детей побочных эффектов, которые в дальнейшем могут негативно повлиять на развитие и качество жизни ребенка, максимальную актуальность приобретает задача поиска эффективного средства безмедикаментозной коррекции аллергии.

Методом безмедикаментозной коррекции детской аллергии, исследуемым в настоящей статье, является Метод эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения В.Н. Янчикова (МЭДАП).

Множество проведенных исследований как в России, так и за рубежом убедительно доказывают тот факт, что в большинстве случаев аллергия и схожи с ней заболевания (такие как атопический дерматит и крапивница) имеют психосоматическую природу возникновения [3]. Иными словами, причиной появления у человека аллергии является не физический аллерген (креветки, грибы, шерсть животных и проч.) сам по себе, а опосредованно связанное с ним эмоциональное состояние-триггер, переживание которого в определенный момент времени запустило аллергическую реакцию на физиологическом уровне - эмоциональный аллерген [8].

Например, человек пережил сильный стресс из-за конфликта в семье и испытал при этом длительное чувство бессилия и беспомощности (эмоциональный аллерген) – а рядом с ним в этот момент находилась, допустим, собака (физический аллерген). В результате – психика с ассоциировала полученный негативный опыт с наличием поблизости животного и спровоцировала проявление аллергической реакции на последнего.

Коррекция подобной эмоциональной аллергии проводится в рамках терапии у психолога и требует верного нахождения исходного психоэмоционального триггера и причинно-следственной связи между этим триггером и имеющейся у клиента аллергической реакцией.

А поскольку процессы поиска, выявления и перепроверки данной причинно-следственной связи крайне сложны и чреваты ошибками (которые в итоге могут свести на нет весь результат терапии), то особую роль начинает играть методика, выбранная психологом для диагностики психосоматики [5, с.183]. И одним из главных требований к указанной методике является наличие четко выстроенной системы правил сбора и обработки диагностических данных, позволяющей максимально точно выявить первопричины эмоциональной аллергии клиента.

Следует отметить, что на сегодняшний день именно МЭДАП В.Н. Янчикова предлагает необходимую, определенным образом структурированную технологию проведения диагностики, достоверность и результативность (относительно дальнейшей психосоматической коррекции) которой доказаны на практике [5, с.184]. В связи с этим, МЭДАП определенно заслуживает внимания специалистов как наиболее эффективный с точки зрения диагностики и проработки психосоматики метод безмедикаментозной коррекции психосоматических реакций в форме аллергии.

С учетом того, что, как описано выше, возникновение эмоциональной аллергии у взрослых людей, равно как и возможность ее безмедикаментозной коррекции подтверждаются практически, логичным представляется вывод о возможности проявления и, как следствие, возможности коррекции в рамках психологической терапии аналогичной эмоциональной аллергии и у детей, в том числе самого младшего возраста (с 0 лет).

Вместе с тем, относительно психосоматической коррекции детей младшего возраста возникают сразу несколько вопросов: 1) как проводить консультирование, если клиент физически не может рассказать, в чем состоит его запрос и 2) как выявить реальные первопричины, запустившие психосоматическую реакцию в форме аллергии (атопического дерматита, крапивницы и проч.)?

Найти ответ на данные вопросы возможно, если обратиться к семейной психологии, а именно к взаимоотношениям «мать-ребенок».

Практика убедительно доказывает наличие между матерью и ребенком устойчивой психологической связи (ощущаемой как энергетическая) [1, с.50]. Данная связь позволяет ребенку чувствовать свою принадлежность к семье, ощущать любовь и безопасность, и именно из-за наличия данной связи можно обоснованно говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев реакции ребенка в возрасте до 5 лет (далее связь постепенно слабеет и, соответственно, ослабевает ее влияние на ребенка) – это отреагирование на психоэмоциональное состояние матери, то есть своего рода его «отзеркаливание», главной целью которого является смещение фокуса внимания матери с внешних факторов на самого ребенка [1, с.87].

Знание этого факта позволяет утверждать, что коррекция психосоматических реакций ребенка проводится посредством психологической терапии для матери, в процессе которой важно найти и проработать все триггеры, повлиявшие на ее (матери) психоэмоциональное состояние в негативном ключе, вызвавшие у нее внутренний конфликт высокой интенсивности и, тем самым, запустившие психосоматику у ребенка.

Поиск указанных триггеров проводится в рамках диагностики, по предложенной МЭДАП структуре, которая, как уже подчеркивалось выше, максимально эффективна и результативна в указанных случаях.

Далее, опять же в рамках МЭДАП (с применением, в случае необходимости, дополнительных психологических техник) психолог предлагает матери специальные методики, которые позволяют ей самостоятельно разрешить свой внутренний конфликт, сводящийся, обычно, к внутреннему противоречию «не хочу, но надо» или «не могу, но надо» или «хочу, но не могу».

Следует также отметить, что внутренний конфликт может быть вызван самыми различными причинами, не всегда напрямую связанными с ребенком (например, различие национальных традиций празднования рождения ребенка, критика со стороны окружающих относительно исполнения роли матери, необходимость выходить на работу, проблемы в семье с мужем и проч.).

В любом случае, важным нюансом в процессе проведения подобной терапии является необходимость акцентировать внимание матери на отсутствии ее вины в заболевании ребенка. В связи с этим специалисту следует крайне внимательно относиться к используемым им формулировкам, чтобы не усугублять подавленное состояние клиентки еще больше.

После разрешения внутреннего конфликта клиентка входит в ресурсное состояние и может «поделиться» им с ребенком, благодаря упомянутой выше психологической связи «мать-ребенок», по которой мать способна, как по каналу, передавать необходимые ребенку ресурсы на уровне бессознательного [7]. Для этого психолог применяет, в рамках МЭДАП, дополнительные психоло-

гические техники, такие как Психосолиптическая генеалогия, родительский ритуал и проч.

В итоге, за счет гармонизации психоэмоционального состояния матери психосоматика у ребенка либо проходит полностью, либо же снижается до уровня комфортных показателей [2].

Доказательством справедливости данного тезиса служат статистические данные проведенных автором исследований в фокусной группе из 72 клиентов с детьми-аллергиками в возрасте от рождения до 5 лет. Из результатов данных исследований следует, что применение МЭДАП по описанной выше технологии в процессе психосоматической коррекции аллергических реакций у детей в возрасте до 3 лет – эффективно в 100% случаев (психосоматика проходит полностью, в случае с аллергией – это подтверждается анализами), от 3 до 5 лет – в 85% случаев, при этом у оставшихся 15% отмечалось значительное снижение психосоматической симптоматики (психосоматическая реакция проявляется реже или же степень ее интенсивности значительно ниже, чем до терапии).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что, поскольку точность (с точки зрения диагностики первопричин психосоматических реакций), эффективность (касательно проработки указанных первопричин), а также универсальность (относительно совмещения с иными психологическими техниками и методиками) Метода эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения В.Н. Янчикова при безмедикаментозной коррекции психосоматики у детей в возрасте от 0 до 5 лет не вызывают сомнений, разумным будет говорить о возможности и целесообразности внедрения указанного Метода в практику действующих психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко М. Детская психосоматика. Как помочь вашему ребенку? Инструкции для счастливых родителей. - М.: Кислород, 2021. – 370 с.
2. Кудрявцева А. «Тревожным мамам проще забрать у ребенка еду, чем пойти к психологу» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/allergolog-asya-kudryavtseva-trevozhnyim-mamam-proshhe-zabrat-u-rebenka-edu-chem-poyti-k-psiologu/> (дата обращения 21.09.2022).
3. Лусс Л.В. Аллергия и псевдоаллергия в клинике // Врач. 1997. №6. С.7-9.
4. Марченков Я.В. Аллергия молодеет: проблема XXI века // Астма и аллергия. 2002. №2. С. 12-13.
5. Соловьёва Ю.О. Психосоматическая аллергия: выявление и проработка по Методу эмоциональной десенсибилизации аллергий и причин их возникновения (МЭДАП) В.Н. Янчикова // Интеграция психологической науки и практики: основные проблемы и новые перспективы развития: Сборник трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: НИЦ АРТ, 2022. С. 182-186.
6. Соломатина О. Сезонная кара. Почему «помолодела» аллергия, и как её побороть [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1204089> (дата обращения 21.09.2022).
7. Соловьёва Ю.О. Техника «Психосолиптическая генеалогия» в терапии семейных отношений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. - 2022. - №05. - С. 40-43
8. Янчиков В.Н. Психологическая травма как причина возникновения аллергии // «Вестник НЛП», 2014.

© Соловьёва Юлия Олеговна (js07@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Султанова Галия Акрамовна

Башкирский государственный университет, Уфа
galyaaskarova@mail.ru

THE SPECIFICS OF THE RELATIONSHIP OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE CONDITIONS OF SCHOOL EDUCATION

G. Sultanova

Summary: The article discusses and identifies topical aspects of the problems of the specifics of the relationship of primary school children with disabilities in the conditions of school education. Certain types of relationships in various types of activities are highlighted: labor, educational, gaming, productive, etc. The division of children with disabilities into groups depending on the characteristics of their development is also given. In addition, in the article, the author gives some recommendations for teachers and speech pathologists working with children with disabilities, who can optimize the process of organizing the relationship of children with disabilities with their peers in school conditions.

Keywords: children with disabilities, relationships, interpersonal interaction, schooling, peers.

Аннотация: В статье рассматриваются и выявляются актуальные аспекты проблем специфики взаимоотношений детей младшего школьного возраста с ОВЗ в условиях школьного обучения. Освещены отдельные виды взаимоотношений в различных видах деятельности: трудовой, учебной, игровой, продуктивной и др. Также приведено деление детей с ОВЗ на группы в зависимости от особенностей их развития. Кроме того, в статье автор приводит некоторые рекомендации для педагогов и педагогов-дефектологов, работающих с детьми с ОВЗ, которые могут оптимизировать процесс организации взаимоотношений детей с ОВЗ со сверстниками в условия школьного обучения.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, взаимоотношения, межличностное взаимодействие, школьное обучение, сверстники.

В последние годы в России развивается процесс инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательную среду вместе с нормально развивающимися сверстниками. В Федеральном законе «Об образовании в РФ» № 273–ФЗ от 29.12.12 закреплены положения об инклюзивном, то есть совместном обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья: «В целях реализации права каждого человека на образование федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья» [38].

На сегодняшний день требует особого внимания воспитание и развитие детей с расстройством аутистического спектра, так как при создании научно-обоснованных условий и пристального внимания со стороны всех участников воспитательно-образовательного процесса такую категорию детей с ОВЗ можно вывести на уровень нормы.

Детский аутизм - это особое нарушение психического развития. Наиболее ярким его проявлением является нарушение развития социального взаимодействия, коммуникации с другими людьми.

Известно, что эмоционально-волевое и познавательное развитие значительно различается у детей с РАС и их нормально развивающихся сверстников (С. Гринспен, О.С. Никольская, J. Locke, K. Macintoshi др.). В связи с этим даже качественная подготовка к школе не может полностью решить задачи их социальной адаптации и обучения при переходе на этап школьного образования (Т.А. Бондарь, О.В. Караневская, Н.Б. Лаврентьева, О.С. Никольская, G.G. McGee и др.). Они, не зависимо от уровня интеллектуального развития, не могут без специальной психолого-педагогической помощи освоить навыки общения и социального взаимодействия в коллективе сверстников (О.С. Никольская, Н.Б. Лаврентьева,

S. Ozonoff, J.M.A. Roberts). В настоящее время вследствие особых сложностей, возникающих из-за недостаточности социальной адаптации и особенностей познавательного развития таких учащихся, им предлагаются индивидуальная, надомная, семейная или дистантная формы обучения. Но, по мнению многих специалистов, «аутичный ребенок оказывается в этих условиях в ситуации искусственной изоляции, дополнительно ограничивающей возможности его социального развития» (К. Гилберт, И.А. Костин, О.С. Никольская, Т. Питерс, К. Dahle, N. Humphrey и др.). Вопрос об организации образования и социализации детей с РАС в общеобразовательной школе в настоящее время стоит особенно остро в том числе и потому, что количество детей с РАС, обучающихся в школах, постоянно увеличивается (B. Haller, P. Shattuck). Вследствие этого в настоящее время выявляются запросы как педагогической практики, так и родительской общности. Однако в научной литературе по вопросам обучения детей с РАС данная тема пока не получила всестороннего освещения.

По мнению большинства авторов (Е.Р. Баенская, Ф.Волкмар, Н.С. Жукова, Н.Г. Манелис, О.С. Никольская, L. Kanner, R.L. Coegel и др.), одним из главных нарушений, препятствующих успешной социальной адаптации детей с расстройствами аутистического спектра, является недостаточное развитие навыков взаимодействия, что может проявляться отсутствием или отставанием разговорной речи, стереотипиями в речи, неспособностью поддержать диалог, отвечать на вопросы и рядом других специфических особенностей.

Проблемой общения и развития взаимодействия в младшем школьном возрасте занимались такие ученые, как А.А. Бодалев, М.И. Лисина, Л.Я. Лозован, Т.А. Репина, Е.Г. Савина, Е.О. Смирнова и др. Авторы придерживаются мнения, что процесс развития навыков взаимодействия является основным в социально-коммуникативном развитии ребенка и характеризуют развитие коммуникативных навыков как развитие способности эффективного общения и успешного взаимодействия с окружающими, в процессе которого ребенок не только познает другого человека, но и самого себя.

Однако, не смотря на такое количество исследований в области развития и воспитания детей с РАС, вопросы развития навыков взаимодействия у детей данной категории недостаточно освещены в научных исследованиях.

Отсюда возникает **противоречие** между нацеленностью современной образовательной политики на развитие навыков взаимодействия в процессе включения детей с РАС в общеобразовательное пространство и недостаточной разработанностью организационно-педагогических условий и учебно-методического обеспе-

чения этого процесса.

Актуальность темы определила **проблему исследования**: какие направления в системе педагогической коррекции способствуют эффективному развитию навыков взаимодействия у младших школьников с расстройствами аутистического спектра в условиях школьного обучения?

Объект исследования: взаимодействие детей младшего школьного возраста с РАС.

Предмет исследования: специфика взаимоотношений в процессе общения детей младшего школьного возраста с РАС.

Цель исследования: теоретически изучить специфику взаимоотношений детей младшего школьного возраста с РАС, в процессе общения в условиях школьного обучения и разработать программу, направленную на совершенствование данного процесса.

Для достижения цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Раскрыть понятие «взаимоотношения» в психолого-педагогических исследованиях;
2. Дать характеристику расстройству аутистического спектра, его понятие, классификация;
3. Изучить особенности взаимоотношений детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра
4. Определить исходный уровень развития взаимоотношений со всеми участниками воспитательно-образовательного процесса и сверстниками у детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра;
5. Разработать программу по развитию взаимоотношений детей младшего школьного возраста с расстройством аутистического спектра и в ходе эмпирического исследования проверить ее эффективность.

Гипотеза: особенности взаимоотношений ребенка с РАС могут определяться в процессе общения в условиях школьного обучения, которые определяются спецификой общения: коммуникативной, перцептивной, интерактивной сторон общения по каждой из линий ребенка (родители, педагоги, сверстники).

Проведенное исследование показало, что взаимоотношения человека всегда разворачиваются в конкретной деятельности и обусловлены ее целями и содержанием. По мнению В.А. Петровского, «генерация новых ресурсов возможны межличностных взаимодействий составляет пока еще неявную, скрытую от субъекта перспективу развития его деятельности (и развитие

его самого как личности)» [22, с. 124].

Прежде чем рассмотреть понятие «взаимоотношения», выясним что же такое отношение.

Отношение – это позиция личности ко всему, что ее окружает и к самой себе. Следовательно «взаимоотношение» – это взаимная позиция одной личности к другой, позиция личности по отношению к общности [24, с. 121].

В словаре С.И. Ожегова «взаимоотношения» - взаимные отношения между кем-нибудь и чем-нибудь [20, с. 245].

Взаимоотношения - субъективно переживаемые связи и отношения между людьми. Это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности людей и их общения, считает Л.Н. Галигузова [6, с. 77].

Рассмотрев понятие «взаимоотношения» в словаре М.Ю. Кондратьева, мы выяснили, что взаимоотношения — субъективно переживаемые связи и отношения между людьми. Это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемых содержанием совместной деятельности людей и их общения [27, с. 65].

Д.Б. Эльконин [29], И.В. Ключева [12], отмечают, что взаимоотношения ярче проявляются там, где сама деятельность создает условия для объединения детей. Наиболее ценной в этом отношении является совместная игра, которая прежде всего имеет общественный характер. Личные желания и интересы, порожденные личными потребностями, уступают общественным мотивам, общественным правилам, коллективным интересам.

Взаимоотношения в детском коллективе во многом определяются уровнем развития личности ребенка. И наоборот, именно положительные взаимоотношения способствуют становлению и развитию его личности. Наряду с этим психолого-педагогические исследования (Я.Л. Коломинский, А.И. Аржанова) убеждают в том, что стихийно складывающиеся в детских коллективах взаимоотношения не всегда вырабатывают у ребенка гуманные – чувства, а иногда ведут к появлению прямо противоположных качеств. «...Не сразу заметишь в группе беду – чрезмерно активного, «агрессивно» общительно-го ребенка, «хозяина», запугивающего одних, упрасаивающего других, заискивающего перед третьими, но всех себе подчиняющего деспотического эгоиста. Как будто играют дружно, дети не жалуются... Так и складывается тип отношений: одни всегда только командуют, другие – только подчиняются».

Основной чертой детей с РАС является негативное отношение к любым попыткам установления контакта с ним. Ребёнок может начать волноваться, если кто-то

обращается к нему, отказывается играть даже с близкими людьми. Такие дети не любят физического контакта с другими людьми, избегают глазного контакта. Ясно, что если дети с РАС не способны устанавливать контакты даже с ближайшими людьми, то у них предсказуемо возникают проблемы при взаимодействии со сверстниками и педагогами.

Отечественные и зарубежные авторы [1; 2; 14; 15; 20] отмечают ряд особенностей в развитии коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра: нарушения визуального контакта, трудности социализации и коммуникации (общения), стереотипичность в поведении.

Л. Каннер [38] рассматривал трудности коммуникации как основной критерий для диагностики детского аутизма. При аутизме нарушаются все коммуникативные формы поведения на самых ранних этапах развития.

Основываясь на исследования отечественных и зарубежных авторов [1; 2; 14; 15; 20] можно выделить следующие особенности коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра в период младенчества:

- нарушение визуального контакта: ребенок не смотрит в глаза, не отслеживает действия другого человека, нарушены навыки совместного (разделенного) внимания – данный термин используется в прикладном анализе поведения и означает одновременное участие двух или более людей, которые мысленно сосредоточены на одном и том же внешнем предмете;
- недостаточная выраженность эмоциональных реакций на близких людей;
- недостаточная выраженная реакция на свет, звуки, на близких людей, отсутствие социальной улыбки на лицо матери или другого близкого человека;
- отсутствие или монотонность гуления, лепета;
- отрицательное отношение к контакту с близкими людьми или наоборот преувеличенные реакции на расставание с матерью: ребенок не просится на руки или активно сопротивляется контакту или идет на руки ко всем, иногда наоборот проявляет плач и крик на расставание с матерью;
- несформированность указательного жеста;
- отсутствие реакции на собственное имя;
- отсутствие интереса к окружающим предметам, стереотипичность в манипулятивной деятельности с игрушками;
- отсутствие реакции на речь матери или близких людей [1].

У детей в раннем младенчестве могут присутствовать все вышеперечисленные реакции или данные реакции

могут носить эпизодический характер. Некоторые дети в первый год жизни требуют повышенного внимания, наблюдаются нарушения сна и пищевого поведения. Несмотря на особенности аутичных детей, проявляющиеся в период раннего развития, отечественные и зарубежные исследователи считают невозможным диагностировать аутизм в раннем детстве.

А. Eriksson, P. DeChateau [35], проанализировав видеозаписи поведения аутичных детей, пришли к заключению, что специфические симптомы начали проявляться только на втором году жизни. К полутора годам, у аутичных детей начинают проявляться особенности поведения: недостаток концентрации внимания, ответной реакции, нарушение коммуникации или полное отсутствие речи, эмоциональная неустойчивость.

S. Baron-Cohen, J. Allen, C. Gillberg [36], используя анкету CHAT, показали, что в возрасте 18-месяцев можно предположить наличие аутизма, если у детей отмечаются нарушения в символической игре, несформированность указательного жеста, недостаток разделенного внимания, социальной заинтересованности, социальной игры.

Исследования наглядно демонстрируют, что у аутичных детей на ранних этапах развития существует недостатки взаимной коммуникации, которая свойственна нормально развивающимся детям. Наиболее отчетливо нарушения коммуникативного характера проявляются к трем годам.

Однако, как показала практика, дети с аутизмом стремятся к общению, но у них недостаточно навыков для эффективной коммуникации. Поэтому ребенок, пытаясь вступить в контакт, может толкнуть сверстника, ударить, что-то отобрать, а потом убежать.

Для того, чтобы он стал успешен в общении со сверстниками, необходимо проведение целенаправленной работы по развитию продуктивных навыков общения со стороны всех взрослых, окружающих ребенка – воспитателей, специалистов. Эта работа проводится на музыкальных и физкультурных занятиях, в режимных моментах, в совместных играх. Педагоги постоянно должны стремиться создавать ситуации, в которых ребенок с расстройствами аутистического спектра получает позитивный опыт общения со сверстниками [37, с. 61].

Опыт работы показывает, что дети с расстройствами аутистического спектра охотно идут на контакт с детьми, если те оказывают им помощь. Больше того, овладение навыками самообслуживания под руководством других детей происходит гораздо быстрее. Такое шефство над особыми детьми дает возможность снизить потребность

в постоянном индивидуальном внимании взрослого, тем самым позволяет этим детям действовать более независимо и в большей степени соответствовать своим сверстникам. Задача педагога - достучаться до особых детей, помочь им понять и принять этот мир таким, каков он есть [7, с. 88].

Считается, что постепенно дети с РАС могут научиться общению. Но это нарушение полностью не исчезнет. РАС сохраняется на протяжении всей жизни человека, но благодаря ранней коррекционной помощи можно добиться многого. Конечно, эффективность деятельности зависит от типа нарушений и тяжести состояния. Большинство врачей считают, что самые тяжёлые формы аутизма встречаются достаточно редко, чаще всего мы имеем дело с аутичными проявлениями. Если с такими детьми заниматься и уделять занятиям достаточно времени, то развитие ребёнка – аутиста будет максимально приближено к сверстникам.

Таким образом, исследователи отмечают при аутизме специфические особенности коммуникативных навыков, связанных с когнитивными, эмоциональными и социальными нарушениями у детей и проявляющиеся в отсутствии мотивации, разделенного внимания, трудностях использования вербальных и невербальных средств коммуникации. Отмечено неумение адекватно выражать просьбы, инициировать общение, используя различные средства коммуникации, трудности в понимании речи, недостаток ответной реакции и обратной связи, неспособность к диалогу.

После анализа специальной литературы отечественных и зарубежных авторов по проблеме развития навыков взаимодействия у младших школьников с расстройствами аутистического спектра нами было организовано экспериментальное исследование с **целью**: выявить уровень развития навыков взаимодействия у младших школьников с расстройствами аутистического спектра. Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Подобрать методы и диагностические задания для изучения уровня развития навыков взаимодействия у младших школьников с расстройствами аутистического спектра.
2. Изучить специфические особенности, выделить критерии и выявить уровень развития навыков взаимодействия у младших школьников с расстройствами аутистического спектра.

На констатирующем этапе экспериментальной работы приняли участие 20 детей в возрасте от 7 до 9 лет с диагнозом «Детский аутизм». Работа с детьми проводилась с октября 2021 по май 2022 года.

Для изучения уровня развития коммуникативных на-

выков у дошкольников с расстройствами аутистического спектра мы использовали следующие методы и диагностические задания:

1. Анкетирование – родители (законные представители) ребенка заполняли анкету, разработанную куратором Центра раннего вмешательства САВА.
2. Беседа с родителями, в ходе которой мы обсуждали пункты анкеты, анамнез речевого развития ребенка.
3. Наблюдение за ребенком в естественных условиях в процессе самостоятельной деятельности на протяжении 30 минут.
4. Диагностическое задание «Парное обусловливание» - сочетание приятных стимулов с педагогом, которое проводилось индивидуально с каждым ребенком на протяжении 20 минут. Детям предлагались мотивационные поощрения: запускать светящуюся игрушку, дуть мыльные пузыри, играть с водой, сенсорная коробка, телефон с мелодиями с мультяшек.

Проведенное исследование показало, что 20% дошкольников с расстройствами аутистического спектра продемонстрировали высокий уровень развития навыков взаимоотношений. В репертуаре этих детей большое количество развернутых просьб, запросов на получение информации; дети были способны развернуто комментировать свои действия и действия других людей; дети с высоким уровнем понимания обращенной речи. Они демонстрировали адекватную реакцию в ответ на высказывания и просьбы взрослого; использовали фразовую речь в ответах на вопросы, требующие понимания причинно-следственных связей и временных представлений; демонстрировали высокий уровень развития социальных и игровых навыков. По результатам констатирующего этапа экспериментальной работы дети набрали от 78 до 85 баллов.

15% детей имеют средний уровень развития навыков взаимоотношений. Дети просили мотивационные стимулы двумя словами, используя существительные и глаголы; задавали простые вопросы, но не были заинтересованы в получении ответа от собеседника. Дети понимают обращенную речь, но затруднялись понять многокомпонентные инструкции. Дети поддерживали зрительный контакт, взаимодействовали в игре со сверстниками, обращались с простой просьбой к сверстнику и выполняли его инструкции. В интравербальных навыках преобладали ответы на заученные биографические вопросы. По результатам констатирующего этапа экспериментальной работы дети набрали от 59 до 64 баллов.

У 35% детей с расстройствами аутистического спектра выявлен низкий уровень развития навыков взаимоотношений. Дети выражали просьбы 1 словом,

чаще всего просили узкий репертуар мотивационных стимулов, были зависимы от подсказок со стороны взрослого или от присутствия желаемого предмета; запрос на получение информации отсутствовал; дети были способны комментировать окружающие события и называть предметы одним словом (существительным или глаголом); не могли отвечать на вопросы; понимание обращенной речи у этих детей ситуативное, зависящее от контекста конкретной ситуации; уровень игровых и социальных навыков низкий. По результатам констатирующего этапа дети набрали 13-29 баллов.

Критический уровень развития взаимоотношений выявлен у 30% дошкольников с расстройствами аутистического спектра. Невербальные и невокальные дети, которые не умеют выразить просьбу адекватным способом; использовали указательный жест, или показывали на желаемый предмет рукой взрослого, более старшие дети этой группы замещали просьбу нежелательным поведением; ни один ребенок этой группы не использовал систему альтернативной коммуникации; дети не были способны комментировать окружающие события; у большинства детей этой группы отсутствовали навыки понимания рецептивной речи, игровые и социальные навыки не сформированы, низкий уровень мотивации и узкий круг интересов. По результатам констатирующего этапа дети набрали от 3 до 10 баллов.

Таким образом, основная часть дошкольников с расстройствами аутистического спектра имеет низкий (35%) и критический (30%) уровень развития взаимоотношений.

Далее мы сочли необходимым разработку программы развития взаимоотношений у данной категории детей. Целью формирующего эксперимента данного исследования является разработка и апробация психолого-педагогических условий формирования взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра.

Мы предположили, что формирование взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра возможно при организации следующих психолого-педагогических условий:

- организация индивидуальной и подгрупповой работы с детьми, направленной на формирование взаимоотношений, с учетом индивидуальных особенностей проявления аутистического расстройства;
- психологическое просвещение и взаимодействие всех специалистов, осуществляющих сопровождение детей с расстройствами аутистического спектра;

— психолого-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Задачами формирующего эксперимента являлись следующие:

1. Определить этапы и содержание экспериментальной работы в соответствии с предложенными психолого-педагогическими условиями формирования взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра.
2. Апробировать предложенные психолого-педагогические условия формирования взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра.
3. Определить эффективность психолого-педагогических условий формирования взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра.

Работа по формированию взаимоотношений у детей 7-9 лет с расстройствами аутистического спектра включала в себя три этапа.

Первый этап – подготовительный. Приоритетные условия, реализуемые на подготовительном этапе, это – составление рекомендаций для педагогов по формированию навыков взаимодействия у детей с РАС и разработка Консультации для родителей на тему: «Формирование коммуникативной деятельности ребенка с РАС».

Второй этап – сопроводительный. Целью данного этапа являлось психологическое просвещение всех специалистов, осуществляющих сопровождение детей с РАС, и психолого-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей с РАС по вопросу формирования коммуникативной деятельности.

Содержанием сопроводительного этапа являлось обучение педагогов игровым приемам по формированию навыков взаимодействия с РАС посредством составленных рекомендаций, проведение Консультации для родителей на тему: «Формирование коммуникативной деятельности ребенка с РАС».

Третий этап – содержательно-деятельностный. Цель данного этапа – организация индивидуальной и подгрупповой работы с детьми, направленной на формирование и развитие навыков взаимодействия у детей 7-9 лет.

Содержательно-деятельностный этап включал в себя разработку комплекса игр и упражнений по развитию навыков взаимодействия у детей 7-9 лет с РАС, проведение комплекса игр и упражнений по развитию навыков

взаимодействия у детей 7-9 лет с РАС в группе и на индивидуальных занятиях с учетом уровня развития у них навыков взаимодействия.

Содержание формирующего эксперимента представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Этапы формирующего эксперимента

Этапы	Цель	Содержание
Первый этап – подготовительный	1) создать мотивацию к общению, дать возможность проявлять инициативу, тем самым формировать целенаправленное общение, 2) совершенствовать понимание речи, 3) стимулировать речевую активность	1. Составление рекомендаций для воспитателей по формированию коммуникативной деятельности у детей с РАС Разработка Консультации для родителей на тему: «Формирование навыков взаимодействия ребенка с РАС»
Второй этап – сопроводительный	1. Психологическое просвещение всех специалистов, осуществляющих сопровождение детей с РАС 2. Психолого-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей с РАС	1. Обучение воспитателей игровым приемам по формированию навыков взаимодействия детей с РАС. Проведение Консультации для родителей на тему: «Формирование навыков взаимодействия у детей с РАС»
Третий этап – содержательно-деятельностный	Организация индивидуальной и подгрупповой работы с детьми, направленной на развитие навыков взаимодействия	1. Разработка комплекса игр и упражнений по развитию навыков взаимодействия у детей с РАС 2. Проведение комплекса игр и упражнений по формированию навыков взаимодействия у детей с РАС

Таким образом, на основании полученных результатов были выделены основные направления коррекционно-педагогической работы по развитию навыков взаимодействия у детей младшего школьного возраста с расстройствами аутистического спектра. В основу реализации, данной с работы, были положены следующие принципы: онтогенетический, наглядности, системности, развития, опоры на сохранное звено и т.д. Коррекционно-педагогическая работа по развитию взаимоотношений у детей младшего школьного возраста с расстройствами аутистического спектра включает в себя два направления: работа с родителями/законными представителями и деятельность специалистов по развитию взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ф3 от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rg.ru>
2. Петровский, В.А. Личностно-развивающее взаимодействие / В.А. Петровский, В.К. Калинин, И.Б. Котова. - Ростов н/Д: АО «Цв. печать», 1996. - 85,[1] с. : ил.; 21 см.; ISBN 5-87807-098-7: Б. ц.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. - 18-е изд., стереотипное. - Русский язык; Москва, 1986. - 797[2]с.: порт.; 27см. ещё
4. Галигузова, Л.Н. Ступени общения: от года до семи лет / Л.Н. Галигузова, Е.О. Смирнова. - М.: Просвещение, 1992. - 142,[1] с.: ил.; 22 см. - (Библиотека воспитателя детского сада); ISBN 5-09-004054-0 : Б. ц.
5. Эльконин, Д.Б. Э533 Детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д.Б. Эльконин; ред.-сост. Б.Д. Эльконин. — 4-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 384 с. ISBN 978-5-7695-4068-4...» [Источник: [http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/Edp-2007/Edp-001.htm#$p1)]

© Султанова Галия Акрамовна (galyaaskarova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Башкирский государственный университет

СОЦИОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

SOCIO-CREATIVE POTENTIAL OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS

**A. Leopa
R. Musat
O. Morozova
D. Rakhinsky**

Summary: The relevance of the article is due to the modern dynamism of social processes and the simultaneous spontaneity of sociocultural and subjective transformations. It seems important to focus on rethinking what is happening, taking into account the appeal to historical experience to address issues of reconstruction and chronological concretization of the processes of formation of social creativity. In our opinion, without a historical basis, the picture of the world and the map of the world created by the social sciences cannot be considered complete and adequate. Therefore, the strategy of further development is seen within the framework of preserving the links of newly emerging social forms with historical foundations. These conditions will contribute to predicting the future and the formation of social creativity, taking into account the tasks of social management.

Keywords: historical consciousness, social creativity, creativity, aestheticmemory, identity.

Леона Александр Владимирович

доктор философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск
allleopa@mail.ru

Мусат Раиса Павловна

доктор философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск
lozraisa@yandex.ru

Морозова Ольга Федоровна

доктор культурологии, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск
ofmorozova@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, доцент
Красноярский государственный медицинский
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Красноярск;
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск
siridar@mail.ru

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена современным динамизмом социальных процессов и одновременной спонтанностью социокультурных и субъектных трансформаций. Представляется важным акцентировать внимание на переосмыслении происходящего с учетом обращения к историческому опыту для решения вопросов по реконструированию и хронологической конкретизации процессов формирования социального творчества. На наш взгляд, без исторического основания картина мира и создаваемая общественными науками карта мира не могут считаться полными и адекватными. Поэтому стратегия дальнейшего развития видится в рамках сохранения связей вновь возникающих социальных форм с историческими основаниями. Данные условия будут способствовать прогнозированию будущего и формированию социального творчества с учетом задач социального управления.

Ключевые слова: историческое сознание, социальное творчество, креативность, эстетическая память, идентичность.

Актуальность исследования социотворческого потенциала исторического сознания предопределена рядом факторов.

Во-первых, возросший динамизм социальных процессов и обусловленные этим новые требования к социальному управлению нередко порождают увлеченность сиюминутными трансформациями и игнорирование хронологических дискурсов.

Во-вторых, увеличивается действенность творчества субъективной составляющей в развитии общества и, как следствие, становится востребованным концептуальное реконструирование социотворчества.

В-третьих, поскольку общественное сознание не

только отражает объективный мир, но и творит его, целесообразно конкретизировать хронологическую цепочку «прошлое-настоящее-будущее» через анализ исторического сознания.

В-четвертых, в современной социальной динамике при определении целенаправленно формируемых векторов цивилизационного переустройства становится особо значимой саморефлексия социума, в которой диалектика исторического и логического приобретает новые формы. В кризисные периоды процессы саморефлексии сопровождаются неустойчивыми противоречивыми явлениями, когда, с одной стороны, «историческое сознание испытывает мощное давление со стороны идеологии, политики, экономики» [6] и подвижность элемен-

тов его структуры. С другой стороны, происходит и актуализация исторического сознания, обусловленная: 1) включением связей новых социальных форм в контекст мировой истории; 2) стремлением спрогнозировать проблемы будущего; 3) проявлением компенсаторной функции, опирающейся на надежду о положительном развитии общества; 4) желанием сохранения идентичности и восстановления прерванной связи между историческими корнями и будущим[7].

В-пятых, творчество любого вида, в том числе социальное творчество не поддается «управленческим командам» в силу сопричастности к миру свободы, способно встраиваться в современной культуре в противоречивые тенденции развития. Как следствие, социальное творчество испытывает «возможности высвобождения творческих сил человека, так и новые угрозы одномерного использования этих сил, как восхождение человека, его совершенствование, так и сомнение в возможности совладать с появляющимися креативными технологиями». При этом не умирают и надежды на «овладение стихией творчества» как способа продолжения традиции, в рамках которой «с помощью метода и методологии, порожденных в тигле философской переплавки культуры, удавалось отчасти обуздать и сделать управляемым разум»[2, С.11].

В контексте вышеназванных факторов важно обозначить единую проблему, проявляющуюся в современных процессах трансформации исторического сознания, сопряженного с актуализацией гносеологических задач, при которых научные исследования исторического сознания и социотворчества осуществляются некоторым образом автономно. При этом вопросы взаимосвязи исторического сознания, его прогностических функций и социотворчества остаются в тени. Мы же полагаем, что без акцентирования анализа вопросов по реконструированию социотворчества, содержащемуся в глубинах исторического сознания, картина мира и создаваемая общественными науками карта мира не могут считаться полными и адекватными.

Целью статьи является выявление участия потенциальных возможностей исторического сознания в процессах формирования современного социотворчества с учетом задач конкретизации механизмов социального управления, социального планирования и прогнозирования.

В обилии современных научных изысканий, касающихся исторического сознания и социотворчества, поднимаются проблемы, связанные с методологическим уточнением понятия «креативность» и выявлением самой природы креативности в контексте связи с инновационной деятельностью и творчеством (Е.Л. Яковлева, А.И. Белова, Н.М. Гнатко, З.А. Абасов и др.). В ряде исследований историческое сознание рассматривается пре-

имущественно: 1) как фактор демифологизации исторической культуры (А.Г. Иванов, А.А. Линченко); 2) как самосознание человечества, формируемое в единстве с постижением смысловых составляющих общественного и индивидуального порядка (С.Г. Ермолаева); 3) в контексте специфики социокультурного формирования различных исторических представлений о действительности; 4) как примат будущего над прошлым в современном прочтении; 5) в аспектах сопоставления обыденного и теоретического уровней (Р.А. Каменская).

Но за рамками исследовательского внимания остается актуальная проблема, а именно: связь исторического сознания как элемента духовной культуры и духовно-практической деятельности в преобразовании социума.

Исходным пунктом наших рассуждений становится утверждение, что историческое сознание в настоящее время обретает необычные модификации, касаемые триады «прошлое-настоящее-будущее»: взаимодействия реликтовых компонентов исторического сознания как порожденных конкретным обществом, так и привнесенных извне на фоне глобализационных процессов. При этом, будучи всепроникающим феноменом, историческое сознание способствует возникновению новых синергетических эффектов духовной сферы и её функциональных возможностей. К таким возможностям относится и возможность творить, поскольку в системном взаимодействии элементов исторического сознания образуется его новое имманентное свойство – креативность, благодаря которому историческое сознание по мере возрастания роли социогенной субъектности все более активно включается в процесс социотворчества. Под социотворчеством мы будем понимать деятельность в русле духовно-практического отношения «человек-мир», направленную на преобразование действительного. Как же социотворчество связано с историческим сознанием, какую роль играет методологический принцип историзма в изучении социотворчества и где кроются потенциальные возможности исторического сознания в реализации социотворческого процесса?

Сложные механизмы социотворчества сопряжены с такими понятиями, как «креативность» и «творчество». Мы отдаем себе отчет в том, что принципы соотношения понятий «креативность», «творчество» в современной науке недостаточно ясно определены. В традиционных определениях понятия «творчество» чаще встречается представление не как о создании чего-то нового, нестандартного. Исторические смысловые контексты раскрывают разные грани в данном понятии, представляя способы воплощения творческой идеи в контакте с видами деятельности человека и ее результатами. В свою очередь, понятие «креативность», согласно теории нестандартного мышления психолога Эдварда де Боно, следует трактовать как логику продвижения в соответствии с методикой синектического штурма (по У. Горду).

Суть продвижения заключается в осуществлении ряда последовательных шагов: гибкость в решении проблем, способность оригинально генерировать и детализировать идеи, накапливать данные для расширения информации [5]. На наш взгляд, следует актуализировать понимание различий творческого и креативного, логически представив принцип соотношения творческого и креативного. Мы полагаем, что креативность и творчество – это составляющие единого созидательного процесса, где креативность являет собой активность как потенциальную способность для развития творчества на уровне трех этапов: 1) начало творческого движения в форме поиска и зарождения идеи как замысла; 2) создание творческого продукта; 3) продвижение и внедрение творческого продукта в социокультурное измерение. Исходя из того, что творческая деятельность связана с зарождением идеи преобразования действительности и ее реализацией на уровне, можно сказать, первичного авторского воплощения, то дальнейшая судьба этого творения зависит именно от креативных технологий как механизмов продвижения в социокультурное измерение. Система связи творческого и креативного особенно активно работает в коллективной природе социотворчества. В историческом знании содержится не только история социотворческого процесса, но и история отражающих его понятий, которая уточняет контекстуальное видение социотворчества. Однако мы не ставим задачу включиться в научную дискуссию по этим вопросам и присоединиться к терминологическим спорам, лишь отметим, что горизонты научного анализа творчества и креативности постоянно расширяются. Применительно к теме наших изысканий значимым является замечание относительно того, что, если ранее творческие потенции и креативность соотносились лишь с некоторыми элементами материальной культуры, (актуальным было, например, рассмотрение технического творчества), то в XX веке акцент переносится на разные области деятельности человека. К примеру: креативность в экономике, анализируется креативный капитал, креативные компетенции менеджеров и т.д. Сегодня актуальной задачей для науки провозглашается осмысление социотворчества в его целостности, что связывается сего влиянием на конструирование идеологической составляющей всего социального управления. В социальном конструировании применяются не только извлеченные из исторической памяти креативные технологии, касающиеся сферы экономики или материальной культуры. Гораздо большее значение приобретают основанные на социокультурном опыте технологии формирования социокультурных потребностей, социальных отношений, ценностей, материализованных в искусственно созданных формах культурно-символических продуктов и всего образа жизни [2].

Следует также отметить, что при раскрытии социотворческих потенций исторического сознания обнажаются и его рефлексивные механизмы. Рефлексия процессов

социотворчества в историческом сознании предполагает поиск мировоззренческих оснований творческих трансформаций социума. Сюда включается определение онтологического статуса процесса социотворчества, а также его морфологии, пересмотр ценностей социокультурной системы, нравственных основ субъектной составляющей в социотворческом процессе.

Для организации процесса социотворчества необходимо понимание подлинных эстетических идеалов, складывающихся на определенных этапах культурного развития. Априори эстетическое сознание устремлено к совершенствованию деятельности человека, когда идеальные представления служат в качестве ориентиров для преобразования предметного мира в соответствии с нормами и ценностями людей. В целом эстетические идеалы сопряжены с нравственными идеями как традиционно устоявшимися в культуре, так и социотворческими проектами для будущего развития. В реалиях жизни нарушаются принципы соответствия представлений идеальному эстетическому моделированию деятельности, и происходит корректировка, связанная с синергетическими условиями, особенно присущим современным динамичным обществам. При этом эстетическое сознание вновь проявляет гибкость и стремится достичь некой идеальности, что наглядно фиксируется в истории искусства и продуцируемых им идеалах и образах. Эстетическая память, зафиксированная в пространстве предметного мира и искусства, помогает в реконструкции исторического сознания конкретного общества через выявление художественно-эстетического символа культуры. В произведениях искусства скрыты социокультурные контексты, в которых продуцируются ценности мировоззренческого и духовно-нравственного порядка. «Если специфичность картины мира определяется характером отношений между человеком и действительностью, то художественная картина мира – транслятор этих отношений благодаря способности реализовать свое основное предназначение, а именно: концентрировать, продуцировать и распространять смыслы конкретной культуры. Эта миссия, в свою очередь, сопряжена с конституирующей функцией в обществе, с возможностью корректировать поведенческие ориентиры человека. При этом сам человек выступает в роли координатора ценностных установок, продуцируемых в социокультурном пространстве, в том числе и в искусстве» [10].

Художественная картина мира получает отражение в историческом сознании, являясь в некоторой мере его интерпретатором с помощью особой художественно-образной формы. Поэтому совершенно справедливым служит утверждение, что сегодня самому тщательному исследованию подлежат характерные черты и свойства художественной картины мира в их взаимосвязи с социальными процессами: «изменения в структуре общества, в мировоззрении, поиск идентичности человека в

современных социокультурных пространствах – все эти вызовы эпохи находят отклик в художественных процессах, которые, в свою очередь, сами становятся фактором социальных перемен» [9,С.4]. Процессы рефлексии художественного способны пробудить сознание к новым социотворческим преобразованиям. Из историко-культурных источников и искусства нам известно множество примеров произведений, ставших идейными символами в разные временные периоды. Произведения искусства способны стать, своего рода, ориентирами для пробуждения исторического сознания. Рефлексивный анализ исторического сознания открывает пути для разработки новых нормативов в предметной деятельности субъектов социотворчества. Имеются в виду: введение объектов нового типа в социотворческую деятельность, постановка инновационных задач по социальным модификациям, новых методов и средств социотворчества. Это может найти отражение в новых исследовательских программах.

Имманентность социотворчества природе социума не исключает, а предполагает его рассмотрение в качественной или сущностной ретроспективе. Осуществление, так называемого, возвратного анализа содержит творческую интерпретацию исторического опыта. Историческое сознание конкретизирует исторические оценки, благодаря которым определяются направление и характер изменений социотворчества во времени с точки зрения прогресса-регресса, гармонии или конфликтности. Описывая эволюцию социокультурного мира, историческое сознание отражает динамику пространственно-временного континуума на всех этапах истории. Без учета исторического опыта невозможно творить время-пространство современности, выработать практические рекомендации по тайм-менеджменту, целенаправленно формировать культуру времени в масштабах личности и общества. Объясняя социальный филогенез и онтогенез, историческое сознание фиксирует творческие процессы, происходящие во всех формах материальной и духовной культуры, в мотивационных механизмах и регуляторах социокультурной жизни. Выстраивается «хроно-топическая цепочка», проявляющаяся как в процессе социотворчества формируется внутренний облик самой социокультурной системы, перманентно возникают воспроизводство и обновление общества.

Именно в историческом сознании проявляется диалектика социальной стабильности-изменчивости. Сегодня в научный оборот введено понятие «стабилизационное историческое сознание», под которым понимается тип исторического сознания, основным элементом которого служит «нормативное историческое знание и которое выражает коренные исторические черты существующего общества, его ценностные установки» [7,С.226]. При этом нормативный характер разрабатывается «на основе государственной идеологии и формируется посредством изучения курса отечественной истории в

школе, вузе, через средства массовой информации и коммуникации» [7,С.226,]. Немаловажную роль в стабилизационном историческом сознании играет диалоговая связь между историческим источником и новой концепцией за счёт «установления новых фактов или репрезентации старых, и преобладание рациональной и аргументированной реконструкции, основанной на систематическом обобщении значительного количества разнообразных архивных материалов» [7, С.29]. В стабилизационном историческом сознании преобладают те виды духовных образований, которые идентичны коренным историческим чертам данного общества. Поскольку в историческом сознании становятся очевидными причинно-следственные связи и зависимости, условия и основания для творческих преобразований, в нем выявляются и различного рода предпосылки для возможных современных целенаправленных шагов по конструированию социальной эволюции.

Можно заключить, что, находясь в поле зрения виртуальности, в мире свободного волеизъявления, процесс социотворчества, тем не менее, подчинен закономерностям, которые яснее видны «с высоты истории». Исторический экскурс также способен прояснить структурные компоненты самого творческого процесса. Выделение этапов конструирования и реализации идеальных конструкций социотворчества, стадий, фаз творческого процесса, зафиксированных в историческом знании, помогает обнаружить его естественную последовательность и целесообразность. Раскрывая тенденции развития социальных систем, историческое сознание одновременно формулирует «прогностические нити» социотворчества. Так в поле зрения исследователя и субъекта социальных преобразований попадают те элементы исторического сознания, которые призваны выполнять конструктивную роль, стабилизировать ход социальных процессов, а также в ходе социального конструирования обнаруживать и необходимые шаги по деструкции. В процессе творческого социального конструирования происходит, так называемая, «идеологическая обработка» создаваемых образцов и образов. В этом активно задействуется историческая память. При целенаправленном обращении к истории обнаруживается, что, в ряде случаев, для достижения определенных политических целей использовалась возможность создания мифологем взамен истинного отражения исторических процессов. На каждом историческом этапе субъекты исторического процесса избирательно подходят к событиям прошлого. К примеру, в кризисные периоды особенно характерно усиление политизации, мифологизации, популизма и ригоризма, экспрессивности, навязанного распространения элементов исторического сознания, отрицающих традиционные основы существующего общества. И, как следствие, креативность способна сопровождаться деструктивными «вкраплениями», беспринципностью, эгоцентризмом. Изобретение

новых традиций часто создаёт иллюзию иммунитета перед переменами, дифференцируется свое-чужое, ценное-неценное для человека и народа. В историческом сознании нередко противопоставлялось культурное-некультурное, «варварское-цивилизованное», достойное подражанию-требующее искоренения. Только так вступают в действие механизмы идентификации и самоидентификации, возникают имиджевые характеристики как на уровне личности, так и социума.

Современная виртуалистика озабочена поисками новых смысловых контекстов, идейно-смысловых оснований, которые наличествуют в историческом сознании и становятся базисом будущих социальных трансформаций. Характер этих процессов детально рассматривается в исследовании А.В. Леопы: «Смысл истории в контексте глобального кризиса представляется как достижение определенных целей, усвоение общечеловеческих ценностей. Абсолютизация идей прогресса, модернизации, глобализации, как смыслообразующих в экономической, политической и социальной жизни без их должной критики является несостоятельной в масштабах истории человечества. Идея смысла истории является вполне обоснованной при рассмотрении её с антропологических, этических и аксиологических позиций» [6, С.14].

Таким образом, историческая реконструкция социальной онтологии позволяет вновь открыть и переоткрыть механизмы смыслообразования в современном мире. Опираясь на историческую память, человек, по мнению Н. Бердяева, в своем творчестве становится способным верно оценить, как свою мощь, так и слабость, ничтожество или величие [3]. Анализируя историческое сознание, человек-субъект творчества не просто саморефлексирует, но и активизирует социотворческий потенциал, накопленный в исторической практике, и также становятся более очевидными гуманистические основания креативности.

Привнесение элементов креативности в историческое сознание делает открытым его прогностический вектор. Картина мира становится более многоплановой, плюралистичной, а у субъекта социальных преобразований несоизмеримо возрастает возможность выбора. Исчезновение излишней прямолинейности в восприятии перспектив исторической эволюции не означает, что социотворчество обречено на вечные метания. Полнота и виртуальные возможности построения карты мира не исключают, а предполагают видение ядра социотворческого процесса. Историческое сознание, как никакой иной феномен, позволяет раскодировать объективные основания этого ядра, так как в нем (историческом сознании) сохраняется и передается из поколения в поколение культурный код. В результате к процессу социотворчества подключаются широкие массы населения, которые позитивно (или нет) оценивают политический

курс правящих структур.

Выход в новое измерение социотворчества связан с проблемой целенаправленного формирования и моделирования культурного кода социальной системы, который обеспечит сохранность, адаптивный характер социальной системы и станет механизмом самоорганизации социокультурного локуса. Г. Олдер убедительно доказывает неразрывную связь и взаимозависимость культурного контекста и креативности [11], а Л.М. Андрияшина утверждает: «Гибкость как умение оперировать различными культурными контекстами – это тот новый аспект, который вместе с тем еще в большей степени сближает современные концепции креативности и виртуалистику, так как культурные миры могут быть реконструированы и собраны в некий паттерн как своего рода виртуальные реальности [2, С.10].

В процессе социотворчества происходит моделирование образа, понимания картины социальной реальности. Бесчисленные проявления артефактов культуры группируются вокруг наиболее ценного, значимого, и тем самым историческое сознание стабилизирует социальную эволюцию. В процессах кодирования-декодирования через символику, через образы-концепты формируются принципы миропонимания, понятийная сетка картины мира, модели картины мира. С помощью этой сетки удерживается устойчивое и традиционное в культуре, что далеко немаловажно в то время, когда происходит частая трансформация социокультурных границ. Знание исторического опыта, содержания культурного наследия формирует способность к выбору путей и методов социотворчества, обусловленных диалектикой общего и единичного.

Таким образом, историческое сознание освещает творчество как с точки зрения закономерного, так и вероятностного подходов, выявляет инвариантные характеристики и схемы социотворчества. Описанное в историческом сознании социотворчество связано с выработкой всех новых социокультурных образований как фактов культуры, многочисленных артефактов, трансформацией социокультурной среды, институализации, стандартизации, созданием образцов, норм социогенной деятельности. Особое место в историческом сознании занимает аккумуляция опыта, механизмы его опредмечивания и распределмечивания. К примеру, механизм такого аккумулярования наглядно зафиксирован в художественной картине мира, создаваемой на основе распределмечивания содержания, зафиксированного в образах искусства посредством его аналитического структурирования и систематизации в некое целостное представление. В целом процесс связан с выявлением смыслов в художественных текстах, а далее с раскрытием концептов в конкретной картине мира. Соответственно, художественная картина мира выступает в качестве своеобразно зашифрованной проекции мировоззренческих концепций, продуцируе-

мых художественной деятельностью человека. Художественная картина мира служит в качестве логически выстроенного механизма не только для опредмечивания деятельности субъекта культуры, но и его личностных качеств, поскольку субъект изменяет не только внешний мир, но и самого себя. Таким образом, произведения искусства могут отражать разные грани человеческой жизни и деятельности, охватывать комплексно сферу жизни определенной социокультурной среды, по-своему раскрывать многогранность ее существования. Одновременно художественное отражение мира способно привносить в социокультурное пространство и традиционные и новые ориентиры, критерии оценок, методы подходов, значимые для жизнедеятельности человека на разных этапах культурного развития.

В целом социотворческий потенциал исторического сознания раскрывается в интерпретации исторических событий, которые, не повторяясь в деталях, но все-таки своеобразно «транслируются» из прошлого в будущее. Через историческое знание в будущее (в видеоизмененной форме) перетекают нормы межсубъектной коммуникации личностей и даже сообществ, этнических, рели-

гиозных, политических, воспринимается семантическая символизация, срабатывают механизмы преемственности всех элементов культуры – экономической, политической, управленческой, организационной и т.д.

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что историческое сознание с учетом изменившихся объективных условий и роли субъектно-составляющей социальных трансформаций становится фактором, активно участвующим в творческом созидании будущего социокультурных систем. Реалии современных социальных катаклизмов, войн, национальных конфронтаций становятся своеобразными вызовами исследователям исторического сознания и требуют научного осмысления потенциальных возможностей с учетом единства связей исторического сознания с креативными установками в социотворчестве и их синергетической роли. Мы также полагаем, что дальнейшее обращение в исследованиях к вопросам по реконструированию социотворчества, содержащемуся в глубинах исторического сознания, картина мира и создаваемая общественными науками карта мира смогут обретать большую полноту и адекватность, тем самым актуализируя свою взаимосвязь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абасов З.А. Методологический анализ междисциплинарного понятия «креативность» / З.А. Абасов // *Философия образования*, 2022. Т. 22. – № 1. – С. 23–37.
2. Андрияшина Л.М. Креативность, креативный капитал и креативные практики в образовании: монография / Л.М. Андрияшина // Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 238 с.
3. Бердяев Н. Смысл творчества / Н. Бердяев // электронная библиотека iknigi.net [Электронный ресурс] URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-berdyaev/19916-smysl-tvorchestva-nikolay-berdyaev/read/page-3.html>.
4. Как развить креативность: методики развития креативного мышления / Фоксфорд Медиа [Электронный ресурс] URL: <https://media.foxford.ru/creativity-lifehacks/>
5. Карнаухова О.С. Культура и креативность: региональная специфика в стратегии развития / О.С. Карнаухова // *LiberalArtsinRussia*, 2019. – Vol. 8. – №. 1.
6. Леопа А.В. Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук / А.В. Леопа // Красноярск, 2014. – 39с.
7. Леопа А.В. Историческое сознание и кризисный социум: монография / А.В. Леопа // Москва: Спутник+, 2013. – 229 с.
8. Морозова О.Ф. Социум в научно-философской картине мира / О.Ф. Морозова // Сборник статей 10-й Международной научно-практической конференции «Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения». КФГОБУУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» Курск, 2020 г. – С.295-299.
9. Мусат Р.П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук / Р.П. Мусат // Красноярск, 2016. – 41с.
10. Мусат Р.П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи: монография / Р.П. Мусат // Красноярск, Сиб. федер. ун-т, 2016. – 172с.
11. Олдер Г. Менеджер и чудеса мышления / Г. Олдер // Москва: Поппури, 1999. – 224с.
12. Рахинский Д.В., Илларионов Г.А., Пискорская С.Ю., Русаков А.Г., Щербяков Е.С. Отчуждение традиции как способ отношения человека с прошлым / Д.В. Рахинский, Г.А. Илларионов, С.Ю. Пискорская, А.Г. Русаков, Е.С. Щербяков // *Социодинамика*, 2021. – № 4. – С. 68-81.
13. Рахинский Д.В. Информатизация системы народного образования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Д.В. Рахинский // Красноярск, 2003. – 127 с.
14. Царева Н.П. Социальное творчество как современный способ реализации идей коллективного творческого воспитания. Актуальные проблемы воспитания / Н.П. Царева // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки* St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences 1 (191) 2014 [Электронный ресурс] URL: <https://human.spbstu.ru/article/2014.15.13/>

© Леопа Александр Владимирович (alileopa@mail.ru), Мусат Раиса Павловна (lozraisa@yandex.ru), Морозова Ольга Федоровна (ofmorozova@mail.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПРАКТИКАХ СОЗИДАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Морозова Ирина Николаевна

Кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт культуры
mo-rel@mail.ru

ON THE CREATION PRACTICES INTO MODERN HUMANITARIAN DISCOURSE THE ASPECTS OF CONCEPTUALIZATION INTO PHILOSOPHY OF CULTURE

I. Morozova

Summary: The value orientation's problem, the positive quality of Culture into modern socio-humanitarian discourse are as actualized by the utmost situation of the society and personality being's crisis. The intensive nearness of the verges of the non-existence and chaos sharpens the breaking ontological-anthropological mechanisms of creation in Culture. The general philosophical methods of the cultural being's interpretation use for the philosophical – anthropological approach's substantiation, with the combination of the socio-humanitarian discourse's modes of the comparative analysis. Aspects of the concept of «cultural practice»'s researching, topical and in demand into socio-humanitarian knowledge, are correlated with the subject-transcendent processualities of culture, the spiritual and value transformations of post-culture, the principle of creation as the affirmation of the universe. The subject of culture creates the cultural-anthropological beingness into the process of transcending, trans-subjectivation, assimilation, realization, transfiguration. Into Russian spiritual culture, the priorities of work, creativity, and service that are necessary into Present, based on the values of community, unity were as the foundation of the world beingness's arrangement traditionally. Modern cultural practices of creation constitute a resource into formation of the breakthrough strategies for the spiritual and value meaningfulness of the anthropology of human existence's safekeeping and increment.

Keywords: cultural practices, creation, philosophy of culture, existential dialogism of culture, transcendence, transsubjectivation, development, historical memory, community, unity, service, brotherhood.

Аннотация: Проблема ценностной определенности, акцентирование позитивной качественности культуры в современном гуманитарном дискурсе, – актуализированы ситуацией предельности кризиса бытия социума, личности. Напряженная близость граней небытия и хаоса обостряет исследование предельных онто-антропологических механизмов созидания в культуре. В обосновании философско-культурологического подхода к концептуализации понятия созидания были использованы общефилософские методы интерпретации бытийности культуры, в сочетании с методиками компаративной аналитики социогуманитарного дискурса. Аспекты изучения понятия «культурная практика», востребованного в социогуманитарном знании, соотносены с субъектно-трансцендентными процессуальностями культуры, духовно-ценностными трансформациями посткультуры, принципом созидания как утверждения бытия. Субъект культуры создает культурно-антропологическую бытийность в процессе трансцендирования, транссубъективации, освоения, воплощения, преобразования миробытия. В духовной культуре России в основании устройства миробытийности традиционно присутствовали необходимые в настоящем приоритеты труда, творчества, служения на основе ценностей общности, единения. Современные культурные практики созидания образуют ресурс в формировании прорывных стратегий охранения и возрастания духовно-ценностной осмысленности антропологии бытия человека.

Ключевые слова: культурные практики, созидание, философия культуры, бытийный диалогизм культуры, трансценденция, транссубъективация, освоение, историческая память, общность, единение, служение, братство.

Введение

В последние десятилетия в отечественной гуманитаристике активно разрабатывается проблематика бытия культуры, понимание культуры как бытия [22; 34]. Культура – форма бытия, созидаемая деятельностью человека; особая подсистема, специфический аспект «сверхъестественного бытия» [16, С.41, С.47]. В категориях философии культуры отражены предельные структуры бытия культуры и человека. Бытие в философии культуры понимается не в смысле обыденной повседневности, а в значении предельности существа человека. В категориях философии культуры воплощена

морфология реальности миробытия человека, пребывающего в отношении континуальности и прерывности с бытием (что является особой, духовно-смысловой, ценностной, привилегией человека).

Культура как бытие. Процессуальность трансцендирования в культуре

Сущностной характеристикой культуры, атрибутом культурного сознания является трансцендирование [35, С. 41]. Бытие культуры отличает диалогизм, раскрываемый в двух направлениях трансценденции, – от человека (как выход за пределы внутренней, духовной и

предметно-материальной бытийности), и от внешнего мира [см. 7; 30]. Структурность процессуальности бытийности в культуре отражается также в понятиях «опредмечивание», «распредмечивание». Позитивный (в аксиологическом смысле) и негативный смыслы опредмечивания и распредмечивания могут быть раскрыты в понятиях «освоение» и «отчуждение». Таким образом, бытие человека не существует вне отношения, проявляемое как отношение заботы (о себе и о другом) [27, С. 28]. Структура процессуальности бытия в культуре как отношения предполагает культурного субъекта, объекта, а в качестве основания отношения, – ценность.

Понятие созидания

Онтологический подход к культуре, рассмотрение культуры как рода бытия соотносимы с рассмотрением вопроса о созидании; концепт созидания встраивается именно в контекст бытийности. Как особенный мир человека, культура отличается качественностью, смысловой бытийностью. Актуальным направлением в философии культуры, которое может быть привлечено к исследованию созидания, становится онтологическая антропология [см. об онтологической антропологии: 32]. В современном социо-гуманитарном дискурсе термин «созидание» используется в основном в определенных, конкретных аспектах и смыслах; недостаточным остается разработка данного концепта в философии культуры [31]. Созидание имеет отношение к бытию, – к тому что есть, возникновению бытия. Созидание связано как с изменением, творчеством, новизной, так и традицией (не только созиданием, как творчеством, но и созиданием в повседневности). В традиции отечественной духовности, к характеристикам созидания относят соборность, космологичность, гармонию [11]. В структуре созидания, как субъектно-объектного отношения, выделим освоение, идеалопроекцию (смысло-созидание), сопричастность бытия человека и внешнего мира, а также сопричастность, возникающую в отношении межсубъектности. Соответственно, созидание в культуре предполагает созидание субъекта, объекта, предметности культуры, и самого субъектно-объектного отношения. В качестве субъекта созидания могут выступать как различные виды сообщества, объединения в социуме, так и индивид.

Понятие культурной практики

На протяжении последних десятилетий в социо-гуманитарном познании особой популярностью пользуется понятие «культурная практика» [5, С. 16]. Практики «... фигурируют в качестве основной категории в антропологии культуры, философии, истории, политической теории, теории языка, литературной теории, – и в этом смысле формируют некоторую общую для социальных наук парадигму...» [2, С. 233–234]. Современными рос-

сийскими исследователями культурных практик подчеркивается особенность сложившейся социально-культурной ситуации (рост напряженности в международных отношениях, достигший критической точки, агрессивное влияние внешних информационных акторов, воздействующих на возникновение противоречивых, фрагментарных установок субъектов российской культуры, трансформации традиционных ценностей) [41, С. 3]; «деструктивный пафос отрицания», «самоотчуждение интеллигенции» от процесса модернизации, «множественность холистического диссидентства, творящего хаос идей и программ и разъедающего цели, технологии и структуры модернизации как процесса по необходимости частичного и заимствованного...» (в то время как устойчивость государства требует, «... в отсутствие мощного идеологического смыслового контроля с религиозным уровнем накала...» восстановление, со стороны первого, жесткого контроля [45, С. 142]. Иной вектор в обсуждении актуальных проблем практик культурной политики – необходимость мультикультурности, толерантности, деполитизации этничности (с которой связывается укрепление гражданского единства общества) [10, С. 50, С.54]. На фоне отмеченной выше напряженности, современного ценностного кризиса многократно возрастает значение культуры как «...преобразующего ресурса общественных отношений», факторов культурного выбора (разрушения или созидания), «культурного альянса», «среды»– «... в поддержку созидания и развития...» [19, С. 16, С. 17].

С понятием «практики» соотносится «...разумная человеческая деятельность, основанная на сознательном целеполагании и направленная на преобразование действительности, в том числе и самого человека» [5, С.16]. Практика связана с освоением «...окружающей действительности (в том числе и себя самого), присвоением и усвоением сущностных заданностей, с сохранением, дальнейшей трансляцией и обменом приобретенным опытом и навыками» [36, С. 88]. В исследованиях культурологов подчеркивается значение материальности (предметности) измерения культуры (о чем уже говорилось выше, как об особенностях бытийности культуры), двойственности культурной практики (совмещение предметно-материальной стороны и духовной, – воплощения ценностей, символов, структур, формирующих культурное наследие и культурный капитал) [20, С. 213, С. 214]. Практика в последние десятилетия становится понимаемой как многообразие способов воспроизводства бытия людей, человеческого потенциала, человеческих сил [17].

Философский контекст аналитики процессуальности практики созидания предполагает применение упомянувшегося выше понятия освоения (реализуемого на основании принятых субъектом идеалопроекций), объективацию (воплощение и преобразование). В про-

цессе развертывания трансцендирования, как свойства субъекта культуры (на основе принимаемых последним определенных ценностей), происходит объективация ценностного содержания культуры в духовной и материальной формах. В духовной традиции православия, ставшей основой русской интеллектуальной культуры, данный механизм взаимодействия субъекта и мира описывается как Воплощение. Христианский идеал Воплощения был воспринят в направлениях религиозной философии России (различающихся в отношении ортодоксальности к православию) [см., например, 15, С. 45; 9, С. 47]. Понимание Воплощения в христианстве раскрывалось основателем русской религиозной метафизики В.С.Соловьевым (например, в Чтениях о Богочеловечестве [39, С. 184 –202]. «Только в воплощении и воскресении Богочеловека», – писал В. Соловьев, – «...природное существо в форме человеческого организма впервые удовлетворяет своему бесконечному притязанию, добывая себе полноту и ценность божественной жизни» [40, С. 95]. С категорией Воплощения в православной мысли связано Преображение. О Воплощении, пафосе Преображения культуры (в том числе, в контекстах православного понимания эсхатологии), высказывались, в частности, русские философы Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Г. П. Федотов [см. о Преображении в русской культуре: 24]. В концепции Н.А. Бердяева воплощение духа в творчестве не связывалось с объективацией в предметно-материальных формах. «Творчество, – утверждал философ, – «...есть не объективация, а транс-субъективация. Объективное должно быть заменено транс-субъективным» [4, С. 279]. В понимании религиозно-метафизических оснований этики Б.П. Вышеславцевым «жажда воплощения, преобразования и воскресения» соотносится с Эросом, как «влюбленности в жизнь, аффекту бытия» (по И.Г. Фихте) [8, С. 46]. В сравнении с русской религиозной философией рубежа XIX– первой половины XX вв., современные отечественные мыслители констатируют, в связи со смертью субъекта, его «недоактуализацию», и как альтернативу, – приход пестрой кампании «...человеческих существ, которые совершенно непохожи друг на друга» [43, С.81, С. 83].

Со второй половины XX в. отмечается значительный рост различных гуманитарных практик, антропологический ренессанс, акцент на «человекообразовании», созидательном, творческом начале [28, С.256; 29, С. 28; 13; 14]. Практика –социокультурная форма бытийности, опосредующая вертикаль и горизонталь культуры; в культуре всегда возникает проблема опосредования, «стыковки» диспозиции субъекта и бытия. Практики подразделяются по разным основаниям и подразделам. Так, в зависимости от носителя выделяют индивидуальные и коллективные практики; по сферам бытования – практики повседневности и «неповседневности» (практики социальных институтов)[5, С. 17]; способу существования (процессу и результату) – «...социальное стандартизиро-

ванное поведение в сообществах...» и «...материальные продукты групповой активности» [2, С. 235]. К особым видам относят социальную и духовную практики [25, С. 122]. Духовную практику отличает «...признание трансценденции исходным принципом целостного бытия» [25, С. 125].

В концепции известного французского социолога и философа П.Бурдьё в содержании термина «культурная практика» выделяется такое свойство последней, как способность оказывать ценностное ориентирование субъекта культуры на дорефлективном уровне. «Перефразируя Пруста, – писал П. Бурдьё, – можно было бы сказать, что ноги и руки полны заостренными императивами. Так что можно было бы составить список ценностей, ставших телом...» [6, С. 135]. Установившиеся в истории культуры дорефлективные габитусы нуждаются в интерпретации (что, собственно, и представляет основную проблему современного исследования). Габитус есть «... деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является; следовательно, он есть то, что придает практикам их относительную независимость по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего» [6, С. 109].

Автономность и культурное значение прошлого отражены в понятии, введенным П. Бурдьё, также получившим распространение, – культурный (символический, аккумулированный) капитал, в котором акцентировано значение и влияние на субъекта культуры выраженных в сложившихся в коллективном и индивидуальном сознании ментальных форм, предметных и институциональных объективаций [44; см. также 46]. В работах отечественных исследователей подчеркивается сохранявшаяся, в культурной памяти, жизненность (более того, возрастание значения) смыслов прошлого [46, С. 11], бессознательным, подсознательным образом происходящее пробуждение памяти [38, С. 21]. Источником культурного капитала «...остаётся духовно-культурное наследие России, интериоризируемое посредством образовательных, интеллектуально-коммуникативных, творческих и иных практик» [12, С. 40].

Культурные практики созидания в ситуации трансформации, кризиса ценностей

Проблемы теории, актуальные аспекты российских культурных практик изучаются в разных направлениях социо-гуманитарных исследований, социокультурного проектирования; культурных трендов, культурных инноваций [21; 26; 18]. В периоды кризиса, реформирования традиционных ценностей и ориентиров в культуре важное значение принадлежит культурным практикам, имеющим непосредственное отношение к формированию «...новых форм социальной и культурной политики» [3, С.3]. Различные организационные формы, способы су-

ществования культурных практик, в критической для общества ситуации деформации, трансформации ценностей, становятся значительным ресурсом формирования, развития культурного капитала, источником для прорыва в образовании культурных смыслов [37, С. 27].

В культурной практике реализуется способность и необходимость для человека «быть», как «...со-быть с другими в различии и разграничении, быть в общении с ними, достигая взаимопонимание и совершая соби́рание вместе, воспроизводясь в качестве сообщества (в дружбе и братстве) в определенном времени и пространстве»; «быть чем-то» [1, С. 15]. В братстве воплощено единство аксиологического, онтологического и социального [23, С. 9]. К отличительным особенностям оснований в построении организаций, реализующих культурные практики братства, относится добровольность, отношение общности, связи, доверительности [42]. В социокультурной истории России XIX в. актуальны были формы социокультурной практики, как, например, земства, осуществлявшие связь между государством и обществом, благотворительные общества, братства (например, Крестовоздвиженское трудовое братство Н.Н. Неплюева). В современных культурных практиках в России возрождаются традиционные ценности, основанные на идеях справедливости, социальной ответственности, бескорыстности, благотворительности, служения.

Заключение

В современном гуманитарном дискурсе напряжен-

ность прогностических, перспективных ценностных определений в отношении культуры проявляется и в качестве очевидностей предельных оснований ее (культуры) бытийности. Бытийность приобретает особую сверхценность в рефлексии культуры. Ракурс бытийности оказывается объединяющим культуру и созидание, как процесса, направленного на возникновение, становление культурного бытия. В процессе субъектно-объектной определенности культуры проявляется сущностная особенность субъекта культуры как трансцендирования. В субъектно-объектном отношении манифестирован бытийный диалогизм культуры (обнаруживающийся во всех элементных проекциях субъектно-объектного отношения – субъекта, объекта, предметности). Созидание как процесс, основанный на позитивных духовных ценностях (в первую очередь, утверждения миробытия), разворачивается как освоение, воплощение, преобразование. В созидании, ориентированном на абсолютные духовные, нравственные ценности, происходит актуализация культурной идентичности, ретрансляция традиционных ценностей. В ситуации переходности, культурных трансформаций, деформации духовных ценностей, духовно-общностные неформальные социумные структуры формируют новое бытие, выполняя тем самым роль прорывных стратегий в образовании новых культурных смыслов, – в отношении преемственности с традиционными духовными ценностями. Идеальная топология общности в русской духовной культуре воплощена в форме братства как добровольного объединения людей, деятельность которого основывается на идеях социальной справедливости, жертвенности, служения обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренко С.А. Топология братства /Теология в научно-образовательном пространстве: религия, культура, просвещение. Екатеринбург: Миссионерский институт, 2019. С. 10–20.
2. Алпатова О.Е. Понятие культурных практик в гуманитарном знании//Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. –Самара: Самарский госуд. институт культуры, 2016. С. 233–239.
3. Бакуменко Д.А. Трансформация культурных практик в системе социальных коммуникаций современной России. автореф. ... дисс. канд. социол. наук. М., 2012. 30с.
4. Бердяев, Н.А. Дух и реальность. Москва: АСТ, Харьков: Фолио, 2003. 688с.
5. Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры//Вестник СБГУКИ. 2016. №2(27). С. 16 –22.
6. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2017. 560с.
7. Бурханов Р.А. Проблема трансцендентального, имманентного и трансцендентного в философии И. Канта. автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2000. 55с.
8. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368с.
9. Габрилович Л.Е. Цель прогресса: Посвящается Н. М. Минскому // Рус. мысль. 1907. Кн. 5. С. 26–49.
10. Гасанова Н.К. Теоретические основания практик культурной политики: опыт России//Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 47 –57
11. Дуреев С.П., Дуреева Н.С. Созидание в социальной действительности как принцип практической реализации Лада//Вестник ЧелГУ. 2022. 2(460). Философские науки. Вып. 63. С.5 –11.
12. Жукова О.А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Со-гласие, 2014. 536с.
13. Зайцева Т.В. Социально-культурные практики современного вуза: терминологический аспект//Вестник МГУКИ. 2020. №5(97). сентябрь – октябрь. С.145– 150.

14. Зива В.Ф. Созидательное начало творчества (роль и функции системы художественного образования в социально-культурной практике общества)// Единая образовательная среда в сфере искусства и дизайна как фактор формирования и воспитания творческой личности. М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2017. С. 16–21.
15. Иванов Вяч. И. О «красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. № 3. С. 43–47.
16. Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербургский гуман. ун-т профсоюзоз: Петрополис, 1996.
17. Кемеров В.Е. Практика/Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С.691–695.
18. Кувшинова И.С. Технология деятельности общественных объединений и организаций как инновационных субъектов социальной работы. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 32с.
19. Кузнецова Т.В., Ремизов В.А. Теория и практика современных культурных процессов в России//Вестник МГУКИ. 2014.№ 2(58). С. 15–25
20. Культурные практики и индустрии: история и современность. М.: РГ-Пресс, 2021. 230с.
21. Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям. Белгород:БГИИК, 2019. Т.3, 445с.
22. Ларин Ю.В. Способ бытия культуры/ Проблемы теории и истории культуры. Ишим: филиал Тюменск. ГУ, 2011. С. 27– 35.
23. Лобова Т.Г. Социально-онтологическое обоснование идеи братства (в русской философской мысли). автореф. дисс. . . . канд. философ. наук. Омск, 2005. 24с.
24. Макаров Д.В. Идея преображения в русской духовной культуре: автореф. дисс. . . . докт. культурологии. Москва, 2009. 37 с.
25. Максимова Е.В. Духовная практика как предельная «практика себя» //Вестник Новгородского государственного университета. 2013. Т.1. №73. С. 122–125.
26. Малянов Е.В. Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика. автореф. дисс. . . . докт. пед. наук. Тамбов, 2011. 49с.
27. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
28. Масловская С.В. Культурно-антропологическая практика в системе постнеклассической практики современного постдипломного образования педагога// Вестник ОГУ. 2011. №17. С. 256–262.
29. Монахов Ф.В. Наука и образование в пространстве культурных практик// Санкт-Петербургский международный экономический форум. Санкт-Петербург: С-ПбПУ им. П. Великого, 2018. С.28–32.
30. Морозова И.Н. Бытие человека в культуре: диалектика трансцендентности и имманентности//Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 65–71.
31. Морозова И.Н. Концепт созидания в философии культуры: горизонты, ракурсы, смыслы//Вестник ЧелГУ.2020. №8(442). С. 38–42.
32. Невелева В.С., Меняева М.П. Человеческое начало как сохраняющийся инвариант и социокультурные вариации/Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 305–310.
33. Перова Е.Ю. Принципы и практики сохранения культурного наследия в России начала XX века// Вестник МГЛУ. 2021. №1(843). С.220–228.
34. Пигалев А.И. Культура как бытие: истоки и границы парадигмы в контексте динамики цивилизаций//Восхождение и слом: структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 148–194.
35. Пилипенко А.А. Культура как система: структурная морфология культуры. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1998. 276с.
36. Рыбаков С.К. Аскетика как культурная практика и опыт собирания себя//Аспирантский вестник Поволжья. 2018. №7–8. С. 87–91.
37. Сазыка Г.С. Практика и вопросы концептуализации социально-культурной деятельности // Современное образование. 2018. №2. С.19– 32.
38. Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. Москва: Искусствознание, 1998. 432с.
39. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэмы; Из «Трех разговоров»: «Краткая повесть об Антихристе». СПб.: Худож. лит., 1994. 528с.
40. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Брюссель: Жизнь с Богом, 1982. 144с.
41. Сукало С.А. Культурно-символические основания политических практик в современной России. автореф. . . . дисс. канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2015. 24с.
42. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия социологии. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022. 452с.
43. Хоружий С.С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя//Вопросы философии. 2007. №1. С.75–85.
44. Шапинская Е.Н. Художественный вкус и культурный капитал: взгляды и идеи Пьера Бурдьё//Культура культуры. 2017. №3(15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cult-cult.ru/artistic-taste-and-cultural-capital-views-and-ideas-of-pierre-bourdieu>.
45. Шевелев В.Н. Антропологический дискурс в изучении российской модернизации//Философские науки. 2009. №2. С.141–148.
46. Юдин П.Е. Культурный капитал, культурное наследие и политическое управление // Общество: политика, экономика, право. 2014. №4. С. 10–12.

© Морозова Ирина Николаевна (mo-rel@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УМНЫЕ ГОРОДА: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

SMART CITIES:
PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS

N. Ravochkin
P. Rvalov
N. Stenina
A. Korzhuk

Summary: In this paper, the authors consider the fundamental foundations of smart cities. Taking into account the pragmatic orientations of modern philosophy, the expediency of understanding smart urban spaces in terms of ontological, epistemological and anthropological aspects is substantiated. The works of classics and modern authors relevant to the problem are analyzed. The necessary explanations and clarifications to the considered concepts are given. The basic ideological foundations of smart cities are represented and options for their practical implementation are demonstrated. Multiple concepts are considered, the transition to which allows not only to satisfy the growing needs of the population, but also to promote the self-realization of individuals. The directions of the application of intellectual constructs to the transformations of urban spaces are presented. Separately, critical lines are shown, whose representatives reasonably believe that smart city projects are utopias. In conclusion, the authors summarize the results of the study.

Keywords: smart city, intelligence, transformations, social spaces, technical and technological development.

Равочкин Никита Николаевич

Кузбасский государственный университет
имени Т.Ф. Горбачева;

Кузбасская государственная сельскохозяйственная
академия

Рвалов Павел Николаевич

Кузбасский государственный университет
имени Т.Ф. Горбачева

Стенина Наталья Александровна

Кузбасская государственная сельскохозяйственная
академия

Коржук Андрей Борисович

Кузбасская государственная сельскохозяйственная
академия

nickravochkin@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе авторы рассматривают фундаментальные основания умных городов. С учетом прагматических ориентаций современной философии обоснована целесообразность осмысления умных урбанизированных пространств по онтологическим, гносеологическим и антропологическим аспектам. Проанализированы релевантные проблематике труды классиков и современных авторов. Даны необходимые пояснения и уточнения к рассматриваемым концепциям. Репрезентированы базовые идейные основания умных городов и продемонстрированы варианты их практического воплощения. Рассмотрены множественные концепты, переход к которым позволяет не только удовлетворять возрастающие потребности населения, но и способствовать самореализации индивидов. Представлены направления приложения интеллектуальных конструктов к преобразованиям городских пространств. Отдельно показаны критические линии, представители которых аргументированно полагают проекты умных городов утопиями. В заключение авторы обобщают итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: умный город, интеллект, преобразования, социальные пространства, технико-технологическое развитие.

Изучение вопросов, связанных с урбанистикой и формами взаимодействия субъектов в городской среде предполагает анализ современных технологий, которые определяют систему связей и отношений между участниками социальных процессов. Современный социально-философский анализ городских пространств предполагает возможность и необходимость изучения технологий управления ими и технологий увеличения эффективности их развития.

Существует несколько концепций, представители которых по-своему определяли развитие социальных пространств и системы отношений в обществе и государстве. Одной из них является технократизм, в рамках которого ведущая роль в развитии общества отдается достижениям науки, а также техники и технологии. Начиная с XVIII века, представители технократизма высказывали идею о необходимости кардинального перево-

оружения общества, основанном на методах научной рациональности. Использование технико-технологических способов трансформации общества приводит, по мнению представителей данной концепции, к эффективному развитию системы общественных отношений [8]. Более того, развитие технократического отношения к общественному прогрессу подчиняется эволюционной логике. Это выражается в постепенном развитии понимания технического как приборостроения (к примеру, концепция А. Сен-Симона) и всех способов его влияния на окружающую среду с последующей целью ее подчинения к изучению свойств с способов влияния современных инструментов на само общество (Д. Бэлл, А. Турен) [9].

Основной момент технократизации окружающей действительности усматривается не только в самоочевидном прогрессе, но и, что немаловажно, формирова-

нии подчиненного отношения индивид к достижениям науки и техники. Человек попросту становится обслуживающим элементом неограниченного горизонтами и панорамами нового поиска прогресса. Обращают на себя внимание и те факты, что рефлексия по поводу культуры и усложняющихся процессов парадоксальным образом стремится к упрощенным трактовкам общества, государства и всего социального пространства, не говоря уже о пребывании в нем человека [10]. Кроме того, не существует принципиального различия между живым и неживым, что подводит логику технократов в исследовании городских пространств под единый знаменатель методологии. Отсюда следует, что приверженцы данных исследовательских установок стремятся решать праксиологические задачи по развитию городов за счет создания для человека комфортной среды, основанной на последних достижениях научно-технического прогресса.

Повышенный акцент на интеллектуальные характеристики индивидов и ярко выраженный эволюционизм в своих сочетаниях с другими значимыми маркерами современного общественного развития привели к формированию заявленного концепта «умный город». Примечательно, что данное понятие тождественно «интеллектуальному городу» благодаря консолидации подавляющего большинства людей (вплоть до 80%) в урбанизированных пространствах с наиболее развитой инфраструктурой, требующей от населения соответствующих когнитивных навыков [4].

«Умный город» может быть интерпретирован как «взаимосвязанная система коммуникативных и информационных технологий с интернетом вещей (IoT), благодаря которой упрощается управление внутренними процессами города и улучшается уровень жизни населения» [5, с. 124]. Применение новейших технологий является фундаментом при конструировании городских пространств нового качества. В свою очередь это позволяет повысить интерактивность, мобильность и эффективность городских служб и общий уровень урбанистических интересубъективных взаимодействий. Философский анализ сущности «умных городов» предполагает интегральное понимание влияния действующих достижений науки и техники на способы взаимодействия между многочисленными субъектами в урбанизированном пространстве. Это позволяет выявить еще одно идейное основание таких территорий – теория сложных самоорганизующихся систем, в которой полагается определяющее значение всех взаимодействий и эмерджентности в качестве свойств умных городов.

Практическая реализация конструктивистского подхода весьма убедительно демонстрирует, что урбанизированные территории, относимые к умным, включают в себя не только те города, которые построены с нуля, но и те классические пространства, чья инфраструктура пре-

терпела глубокую трансформации и где произведен комплексный реинжиниринг тех или иных систем и структур. Следовательно, в сочетании с технократизмом положения конструктивизма указывают на принципиальную роль интегрирования новейших интеллектуальных инструментов и технических решений, призванных обеспечить более комфортные условия жизни горожан [7].

Пожалуй, представленный подход позволяет наиболее полно раскрыть онтологическую составляющую умных городов – через интеллектуализацию общегородской и социальной среды как ведущего индикатора устойчивого развития коллективного бытия населения. На практике данная характеристика позволяет использовать достижения науки и техники для удовлетворения усложняющихся потребностей населения (которые до недавнего времени даже не могли бы маркироваться некоторыми группами как «базовые»), эффективного использования ресурсов, снижения затрат на обслуживание и повышения комфортности городской среды. В дополнение к этому, интеллектуализация среды обитания горожан повышает шансы на решение экологических проблем и связанных с ним условий здорового образа жизни.

Ученые, исследующие сущность умных урбанизированных территорий, отмечают, что имеющиеся в обычном городе информационные и коммуникационные технологии далеко не всегда могут адекватно, быстро и гибко отреагировать на изменения различных наличных условий. Именно данный фактор категоризируется как фундаментальное свойство умных городов. Более того, создание комфортной среды достигается путем повышения качества и самое главное – за счет скорости принятия решений и обеспечения их применимости и реализации на практике за счет отказа от устаревших технологий при использовании современных цифровых методов обмена данными и услугами. Также изучая социальную онтологию умного города, следует говорить о том, что его сущность включает в себя ряд свойств, которые определяют его как самостоятельное существующее образование и отличают от иных урбанизированных пространств:

1. Инновационная инфраструктура, которая включает в себя множество технических средств в совершенно различных сферах, начиная от жилья и заканчивая сферой бизнес-услуг или ИКТ. Принципиальным оказывается набор таких средств, которые позволяют взаимодействовать между различными субъектами в режиме реального времени и находиться «онлайн» (взаимодействие с органами государственной и муниципальной власти через электронные порталы);
2. Эффективную модель управления. Имеющееся программное обеспечение позволяет обеспечить управленцам доступ к актуальной информации о

состоянии городской инфраструктуры в режиме реального времени, что позволяет оптимизировать процессы, которые протекают в среде и социальных артериях урбанизированных пространств и прогнозировать их будущие состояния;

3. Наличие «умных» горожан. Здесь имеется в виду, что имеющиеся высокие технологии, применяемые в обеспечении функционирования умного города, оказываются бессмысленными в тот момент, когда ими не пользуются, поэтому для поддержания функционирования высоких технологий и самого пространства необходимым является наличие множества людей, обладающих соответствующими компетенции по использованию данных ресурсов. «Умным» здесь понимается такой человек, который не только интеллигент или интеллектуал, но и индивиды, обладающие набором социально значимых знаний, умений и навыков – всего, что сегодня включено в компетенции специалиста;
4. Распространение ИКТ в различные сферы общественной жизни. В частности, в сфере здравоохранения принципиальное значение приобретает возможность получения доступа к полной истории болезни человека в электронном формате, а в сфере образования – повышение качества дистанционного образования, в сфере безопасности – предупреждение информационных и компьютерных угроз.

В целом же мы видим, что центральное место в создании «умного города» занял переход от индустриального общества к постиндустриальному с сопутствующими магистралями цифровизации социальной среды и принципиальному значению информации и электронных способов трансляции данных. Интеллектуальный капитал лежит в основании формирования общества знания, количество и качество которого являющегося диагностическим показателем развития каждого конкретного общества [5].

Далее следует рассмотреть гносеологическую составляющую умных городов. Речь идет о том, что для полноценной реализации идеи создания таких урбанизированных пространств принципиальную значимость обретает способность к последовательному расположению приоритетов. Имеется в виду, что сами-по-себе передовые технологии никого умнее не делают. Значимым оказывается понимание глубинных целей их применения. Внедрение инновационных технологий оказывается оправданным только в том случае, когда применяется синтетический компетентностный подход к возможности и практической реализации их применения. С.Г. Камолов правомерно утверждает, что «без четкого целеполагания программ внедрения интеллектуальных систем управления в городах результаты

работ будет невозможно сопоставлять, обобщать и масштабировать, так как служить эти системы будут разным интересам и выполнять похожие по форме, но разные по смыслу функции» [6, с. 201]. На примере с экономическими условиями бытия человека в умном городе и внедрением высокоинтеллектуального труда ученый демонстрирует интересную диалектическую связь. С одной стороны, речь идет о конкуренции за человеческий капитал между регионами и целыми странами. Важным оказывается способность целого региона, в частности – «умного города» сформировать условия для того, чтобы человек как специалист, обладающий необходимым интеллектуальным капиталом, оказался занятым именно в конкретном урбанизированном пространстве. С другой стороны, центральной задачей государства становится возможность и способность проведения такой экономической политики, которая бы позволила обеспечить людям интересный и разнообразный труд в соответствии с их притязаниями [6]. Именно этот фактор позволяет заинтересовывать обладающих значимыми компетенциями людей и использовать их интеллектуальный потенциал для обеспечения функциональности и развития умного города.

Еще раз отметим, что «умный город» представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, в которой когнитивные навыки практиков и людей, обладающих соответствующими компетенциями, определяют согласованность функционирования структурных элементов. Автономность социальных субъектов, высокая степень их свободы действия определяет эмерджентность и нелинейность умного города как системы. На таком основании значимым можно полагать тезис о повышении когнитивных компетентностных свойств агентов – участников социальной интеракции в умном городе для повышения эффективности жизни, работы и досуга [11].

Элемент «умный человек» выражает антропологический аспект изучаемого нами социального феномена современности. В англоязычной литературе «умные люди» сводятся к определенному образовательному уровню и стремлениям к овладению новыми знаниями. Как правило, последнее свойство раскрывается через «способности обучаться использованию новых технологий и интегрировать их в свою повседневность, а также, в меньшей степени, к культурному уровню» [2, с. 60]. Утверждается, что умное поведение человека детерминировано соответствующими структурно-функциональными условиями социальной среды, требующей необходимости использования технико-технологических средств и инноваций. Маркерами таких сценариев поведения человека становятся рациональность, комфортность, безопасность, подчинение установленному техническому порядку и т.д. Подобные поведенческие паттерны конституируют умное управление городом, включающее в себя многошаговость и чувствительность к альтерна-

тивными вариантам решения возникающих трудностей и проблем.

Житель «умного города» самостоятельно определяет тот график жизни, который для него наиболее комфортен. При этом информационные и коммуникационные технологии направлены на то, чтобы помочь человеку реализовать свой интеллектуальный и социальный потенциал [3]. И так, мы видим, на человека направлены все интенции умного города для создания и обеспечения уникальных возможностей и условий для самореализации. В некоторых научных изданиях утверждается, что «население «умного города» – это люди, способные нестандартно и быстро мыслить, имеющие высокий интеллект, чтобы решать сложнейшие научно-технические задачи, обслуживать и создавать суперсложные машины и автоматы» [1]. «Умный человек» включает в себя высокий уровень культуры, знаний, а также стремления к позитивному поведению, высокому уровню образования членов семьи и здоровому образу жизни. Структурируется крайне позитивная картина, где «умный человек» определяет не только способность к знанию и получению информации, которая применяется им для работы и реализации профессиональных навыков, но желания избавляться от негативных тенденций в своей жизни.

Следует отметить, что существует критика антропологической стороны «умных городов». Одним из ее элементов становится утверждение О.В. Воробьевой, Е.А. Манжулы и А.В. Яшиной о том, что «умный город» не может включать в себя 100% «умных людей», поскольку приписываемые данной социальной группе свойства не позволяют выполнять им ряд других видов работ, требующих гораздо меньшего уровня квалификации, а поскольку полностью отбросить рутинные функции невозможно, то полноценная реализация идеального образа жизни также не представляется возможной. Как следствие, содержательный образ «умных городов» с антропологической и профессиональной точки зрения представляет собой скорее утопию, нежели реально функционирующий социальный проект. Кроме того, «умные люди» – это всегда класс новаторов определенного, чаще всего среднего, возраста [2, с. 61].

В продолжение критики и освещения противоречий концепта «умный город» следует вернуться к логике технократизма. Основные затруднения технократического отношения в системе умных городов состоят в следующем:

1. определяется система взглядов, основанная на лапласовском детерминизме, исключающем возможности учета человеческого фактора. Внешне представляется, что «умный человек» стремится к тому, чтобы вести интеллектуально и физиологически здоровый образ жизни, однако воспринимается в качестве прибавки к технике и совокупности технологий, которыми сам же и оперирует.

На таком основании человек прекращает быть самим собой и ему нет необходимости реализовывать запланированный курс;

2. снижается роль культурной идентичности, разрушаются старые представления народов о себе. Формируются единые представления о человеке как виде живых существ, в рамках которых отсутствует дифференциация на расы, национальности, утрачивается культурная и иные виды идентичности, что коррелирует с идеями глобализма и глобальной цифровой деревни М. Маклюэна;
3. реализуется практика этического псевдоразнообразия, что порой затрудняет взаимодействия индивидов как подлинно человеческих существ. Критиками представленных технократических идей высказывается положение о полном пренебрежении духовной проблематикой бытия человека. Так, некоторыми представителями экзистенциальной философии (к примеру, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и некоторые другие современные мыслители) выдвигают утверждение о массовизации человеческой природы и негативном отношении множества людей к тем, кто не обладает признаками, сходными с привычными.

Кроме того, в рамках представленной тенденции можно утверждать, что логическое отношение противоречия определяет существование антонима к термину «умный человек» в форме понятия «глупый, бестолковый человек», что само по себе представляется оскорбительным и неправомерным по отношению к определенной группе людей.

В целом же можно отметить, что философские основания умных городов лежат в области технократического подхода в философии, представители которого являлись апологетами технического развития общества. Само понятие «умный город» содержит в себе три важных составляющих: онтологический, гносеологический и антропологический аспект. Первый состоит в наличии высоких технологий как онтологическом свойстве «умного города». Исключение таких технологий влечет за собой невозможность достижения статуса «умный город» вне зависимости от того, построен ли он изначально как «умный» или преобразован из традиционного. Такие технологии дают возможность достигнуть комфортного уровня жизни и интеллектуальной организации всех сторон городской жизни.

Второй аспект состоит в необходимости формирования определенного уровня компетенций для обеспечения работоспособности технических средств. Это предъявляет определенные требования к самим людям, формируя образ «умных людей».

Третий же аспект «умного города» включает в себя

совокупность признаков, которые относятся к образу человека. Это не только знания и компетенции, но также стремление к здоровому образу жизни и иным характеристикам, которые определяют жителя «умного города».

Отметим, что существуют критические аргументы к содержанию «умного города», однако заметим, что основания такой критики лежат в области экзистенциальной философии и негативной оценки технических преобразований в социальной и городской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боженов С.А., Данакин Н.С., Харченко К.В. Белгород как «умный город»: от идеи к дорожной карте // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №6 (36). – С. 81-87.
2. Воробьева О.В., Манжула Е.А., Яшина А.В. Умный горожанин в умном городе: обзор подходов в России и за рубежом // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – Т. 7. – № 5. – С. 59-65.
3. Ганин О.Б., Ганин И.О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // Ars Administrandi. Искусство управления. – 2014. – № 1. – С. 124-135.
4. Журавлева И.А. Интеллектуальный капитал как объект управления знаниями // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы IV Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. – 2016. – С. 52-57.
5. Журавлева И.А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. – 2019. – №1. – С. 124 – 129.
6. Камолов С.Г. О гносеологической сущности «умных городов» // Инновации и инвестиции. – 2019. – №1. – С. 200 – 204.
7. Климкович Н.И., Климкович П.И. Устойчивые «умные города»: от концепции до реализации // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. Материалы Девятой научно-практической конференции. – 2020. – С. 114 – 118.
8. Козырев Д.Н. Проблема технократизма в современной философии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2 (124). – С. 202-207.
9. Милых А.Ю. Эволюция технократизма // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2009. – № 142. – С. 167-169.
10. Миронов А.В. Ценности технократизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2009. – № 2. – С. 5-12.
11. Ржевский Г., Кожевников С.С., Свитек М. Умный город как сложная адаптивная система // Онтология проектирования. 2020. Т. 10. №1(35). С. 7 – 21.

© Равочкин Никита Николаевич, Рвалов Павел Николаевич,
 Стенина Наталья Александровна, Коржук Андрей Борисович (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY

M. Yatsenko
I. Pfanenstil
O. Morozova
D. Rakhinsky

Summary: The author reveals the peculiarities of the formation of societies following their traditional values. It is proved that such social systems can be formed and preserved only if they follow the traditional values that have contributed to its survival and development over the centuries. The article shows how the traditions of a particular society manifest themselves in the information society. The basic attitude of an individualistic society is based on the conflict between a person and the surrounding world. Such a standard of naturalness contributed to the development of technological progress only at the first stage of such societies. An alternative option for the development of society is aimed at preserving the integrity of the world order and the stability of the natural system. Such concepts of sustainable development meet the needs of human existence. The optimal development of humanity is on the path of following traditional values. This contributes to the formation of a particular society in the information society in the present, and also should not jeopardize the existence of future generations.

Keywords: information society, social system, axiological vector, traditional values, optimal development of mankind.

Яценко Михаил Петрович

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет, Красноярск
mikhailyatzenko@yandex.ru

Пфаненстиль Иван Алексеевич

доктор философских наук, профессор
Сибирский федеральный университет, Красноярск
ndubrovskaya@sfu-kras.ru

Морозова Ольга Федоровна

доктор культурологии, доцент
Сибирский федеральный университет, Красноярск
ofmorozova@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, доцент
Красноярский государственный медицинский
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Красноярск;
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск
siridar@mail.ru

Аннотация: Автор раскрывает особенности формирования обществ, следующих своим традиционным ценностям. Доказывается, что подобные социальные системы могут образоваться и сохраниться только при условии следования традиционным ценностям, которые на протяжении столетий способствовали его выживанию и развитию. В статье показано, как проявляются традиции конкретного социума в информационном обществе. Базовая установка индивидуалистического общества основывается на конфликтности человека и окружающего мира. Такой стандарт естественности способствовал развитию технологического прогресса только на первом этапе подобных обществ. Альтернативный вариант развития общества направлен на сохранение целостности мироустройства и стабильности природной системы. Подобные концепции устойчивого развития отвечает потребностям человеческого существования. Оптимальное развитие человечества находится на пути следования традиционным ценностям. Это способствует становлению конкретного социума в информационном обществе в настоящем, а также не должно ставить под угрозу существование будущих поколений.

Ключевые слова: информационное общество, социальная система, аксиологический вектор, традиционные ценности, оптимальное развитие человечества.

Философское осмысление особенностей формирования информационного общества ориентировано на раскрытие значимых структурных элементов конкретной социальной системы. Необходим детальный анализ ценностей, которые обеспечивают не только самосохранение конкретного общества, но также развитие в изменяющихся условиях. Подобный вектор развития приобретает особую значимость на фоне увеличения количества конфликтов в мире.

Главная проблема состоит в том, чтобы оптимальным образом синтезировать ценности отдельных обществ для формирования безопасного мироустройства больших социальных систем. Сложность решения подобного комплекса вопросов обусловлено не только особенностями развития общественных отношений, но также с уровнем человеческого сознания и самосознания.

Онтологическим и антропологическим базисом информационного общества является оптимизация акси-

ологических установок отдельных обществ в интересах всего социального универсума. Проблема взаимодействий конкретных аксиологических систем в интересах безопасности всего мирового сообщества, представляет собой одну из ведущих проблем гуманитарных наук.

Укрепления и развитие ценностей, которые представляют отдельные социумы, выступающих в качестве основы для информационного общества, является эффективным средством противодействия глобализационному давлению. Именно поэтому антропологический и социально-философский анализ является важным условием научной постановки и решения условий формирования информационного общества. Такой подход ориентирован на социальную практику, свидетельствующую об определенном уровне конкретного понимания онтологических основ социальной реальности.

Вместе с тем, необходимо также осознание сущностных противоречий бытия, поскольку социальные конфликты разного уровня будут сохраняться на длительном периоде человеческой истории. Более того, в них все чаще используются преимущества, которые несут в себе новейшие информационные технологии.

Общество может развиваться оптимальным образом только при условии, если задается определенная система ценностей на перспективу. Оно может «развивается гармонично лишь тогда, когда материально-техническое могущество коррелирует с нравственным возвышением человека, когда каждой ступени технологического роста соответствует такая же ступень духовного возрастания общества» [4].

Гармоничное развитие информационного общества предполагает формирование высокого уровня представлений о свободе, справедливости, достоинстве личности. На первое место здесь выдвигается комплекс общечеловеческих требований, необходимых для выживания и гармоничного развития конкретного общества: 1) неотъемлемое право на жизнь; 2) право на социальную защиту; 3) право народов на культурное самоопределение. Эти ценности можно назвать общечеловеческими, поскольку их можно рассматривать в качестве определенных констант культуры. Однако, несмотря на универсальный характер этих ценностей, необходимо учитывать их интерпретацию в конкретном социуме, обусловленную особенностями исторического развития, географической спецификой, менталитетом и т.п. [6].

Реализация созидательной направленности конкретного социума предполагает не только определенный уровень своих устремлений, но и способность ограничения своих притязаний, а также способности к самодисциплине. Благоприятные условия для развития и реализации потенциала не только общества, но и от-

дельной личности также всегда опираются на конкретный ценностный базис. Априорный характер в этом плане имеют культурные традиции, уровень образования, а также служение на благо общества. Вместе с тем, необходимо учитывать, что особенности «институционального устройства, культуры, менталитета – все это продукты длительного процесса социальной самоорганизации, входе которого каждый народ, каждая социальная система ищет (и находит) наиболее адекватные для себя формы существования и функционирования» [10].

Общества индивидуалистического типа, характерные для вестернистского вектора развития мировой истории, направлены на раскрытие индивидуальности человека, поэтому максимальной концептуальной разработанностью отличаются положения, касающиеся прав человека. Базовой установкой подобных концепций является признание изначальной конфликтности человека и окружающего мира, которая рассматривается в качестве естественного состояния любого общества. На начальном этапе развития государств, представляющих западный мир, такой подход способствовал формированию правового государства, однако «ценность только тогда может считаться глобальной и универсальной, когда она является «надрегиональной» то есть, представлена в любой цивилизации или национальной культуре, которые существуют сегодня на планете. В противном случае следует говорить о специфических (локальных) ценностях, характерных именно для отдельной цивилизации или национальной культуры конкретного региона мира. Поэтому все глобальные универсальные ценности являются одновременно цивилизационными, (то есть существуют на уровне отдельной цивилизации или самобытной национальной культуры», но не все цивилизационные или самобытно-культурные ценности (то есть специфические для страны, нации) являются глобальными универсальными ценностями» [2].

Особую привлекательность Западу придавал тот факт, что эта часть мира на протяжении длительного исторического периода ассоциировалась с высокими технологиями. Однако это преимущество привело к тому, что постепенно Запад стал ассоциироваться с обществом потребления, поскольку высокий технологический уровень обеспечивал материальное благополучие значительной части населения западных стран. Доминирование потребительского подхода привело к формированию соответствующей аксиологической шкалы, когда люди начали ориентироваться на внешние показатели успеха и выгоды, часто игнорируя духовный вектор своего развития. Такой, ничем не ограниченный в нравственном смысле человек склонен воспринимать других членов социума в качестве средства достижения исключительно своих корыстных интересов, противопоставляя себя окружающему миру. Естественно, что такая ситуация способствовала формированию специфических государ-

ственных институтов, что на каком-то этапе может угрожать устойчивости конкретного общества. Н.В. Стариков описал подобную ситуацию следующим образом: «Если государство и власть не вмешиваются в процессы внутри страны, то очень скоро не будет ни этой власти, ни этого государства. Либеральная демократия – это процесс на экспорт, с помощью которого власть хотят лишить главной функции – управления социальными процессами. Такая власть распадается и исчезает» [13].

В современном мире наблюдается обострение противоречий, многие из которых имеют ценностную основу. Например, устойчивость индивидуалистических обществ, характерных для западной цивилизации, реализуется посредством ограничений притязаний других социальных организмов, поэтому при подобном подходе государство воспринимает все другие социальные объединения в качестве конкурентов. Характерная для обществ западного типа попытка за счет других народов любыми способами удовлетворять свои потребности дает основания утверждать, что стандартом естественности у них является вражда, что неизбежно порождает конфликты, каждый из которых может перерасти в глобальный. Более того, обостряются противоречия между отдельной личностью или группой людей, с одной стороны, и государственными институтами – с другой. На подобном ценностном базисе формируются концепции, в которых обосновываются претензии Запада на мировое господство, и они, с точки зрения идеологов вестернизма представляются вполне естественными.

Подобная картина мира, к сожалению, представляется единственной возможной и представители многих общественных структур принимают ее в качестве идеала, пытаясь обосновать ее на онтологическом и антропологическом уровнях. Опора на вестернистский аксиологический базис вынуждает сторонников опираться на соответствующий методологический базис при разработках концепций развития, а также оправдывать многие черты западного образа жизни, хотя в большинстве случаев они противоречат традиционным ценностям конкретного социума.

Все указанные факты свидетельствуют о том, что современный мир оказался в ситуации системного кризиса, что во многом детерминировано техногенным характером западной цивилизации, фундаментом которой являются преимущественно на системе потребительских ценностей. Ученые все чаще обращают внимание на подобные тенденции, подчеркивая, что обострение глобальных проблем человечества будет стимулировать попытки принятия нестандартных решений вне рамок современного техногенного общества [5]. Другими словами, в современном мире чрезвычайно актуализировалась проблема разработки альтернативных проектов развития человеческого сообщества.

Ведущий вектор подобных альтернативных вариантов развития общества должен быть направлен на формирование целостной и стабильной социоприродной системы, где удовлетворяются потребности людей и достигается высокий уровень условий жизни не за счет других социумов и, естественно, природы.

В отечественной философии поиски альтернативного пути развития всегда подразумевали созидательное направление, принципиальные концепты которого на протяжении столетий разрабатывались отечественными мыслителями. Благодаря отечественной философской школе созидательное направление продолжает развиваться, несмотря на серьезное давление социальных концепций вестернистского типа.

Проблема сохранения традиционных отечественных ценностей во многом обусловлена необходимостью сохранения коллективистского и духовного векторов развития нашего общества, что детерминировано законами диалектики. В качестве примера можно рассматривать драматические страницы в отечественной истории последних десятилетий, когда разрушение коллектива приводило к увеличению массы потребительской энтропии. Насильственная замена коллективистской структуры, характерной для российского общества, привела к хаотизации индивидуалистической стихии, потому что наблюдался отказ от системы ценностей, сложившейся веками. Приходится признать, что решающую роль в этой социальной трагедии сыграло не только разрушающее влияние вестернистских идей, но также добровольный отказ наших соотечественников от многих отечественных ценностей.

Исчезновение с мировой арены СССР создало условия для оправдания приоритета материальных ценностей над духовными, что противоречит отечественным традициям и способствовало разрушению коллективистской сущности российского общества. На практике это означало, что происходил постепенный отказ от важного принципа, на котором базировалось устойчивое развитие России. Он всегда проявлялся в том, что такие важные понятия, как политика, право, мораль и нравственность традиционно рассматривались в качестве близких и соотносимых. Естественно, что на практике эти тенденции проявлялись не всегда и не в полной мере, однако их взаимосвязь всегда декларировалась идеалом и целью. Внешне эти драматические тенденции проявлялись, например, в том, что субъекты власти были не в состоянии остановить процессы роста социальной энтропии, наблюдавшиеся в жизни общества. Однако известно, что любой человек, а не только субъект управления в российском обществе традиционно был призван работать над совершенствованием существующей социальной структуры, для которой характерно диалектическое противоречие социальной стройности и нестро-

ения [1]. Это является чрезвычайно сложной задачей, потому что, как справедливо отмечает В.А. Кушелев, что в соответствии с законом расширенного воспроизводства социосфера, которая функционирует около состояния равновесия, создает в себе самой предпосылки перехода к качественно различным уровням своего гомеостаза [3].

Важная задача сохранения традиционных ценностей не может быть решена в полной мере, если возникают проблемы с воспроизведением потенциала культуры. Важным источником общественного потенциала в российском обществе всегда были качества, способствующие снижению социальной энтропии, поэтому всегда в высокой цене были милосердие, сострадание и т.д., которые часто выступали критерием его развития. Именно поэтому «...отставание и продвижение собственных ценностей – это неотъемлемая часть современных международных отношений, однако зачастую гуманитарная повестка дня отходит на задний план ввиду стремления государств к достижению совместных целей и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. Однако в условиях постбиполярного мира подобная тенденция не просматривалась, ввиду чего радикализация принципов евроатлантического сообщества, касавшихся экспорта демократии и повсеместной защиты прав человека, не могла не вызвать ответную реакцию со стороны России, что привело в итоге к прямо противоположным по отношению к первоначально заявленным результатам – а точнее, к ослаблению привлекательности демократии...» [12].

По мнению А.Н. Чумакова, «в конечном счете все есть не что иное, как наши попытки схематизировать живой процесс, в котором разворачиваются исторические события, то есть это стремление описать развивающуюся систему в «застывших» понятиях. И если не принимать во внимание определенную условность таких подходов, их неизбежный схематизм и упрощение сложнейших динамических процессов, которые они призваны адекватно отразить, то легко впасть в заблуждение относительно истинных векторов общественного развития» [16].

При рассмотрении роли традиционных ценностей в формировании нового информационного общества, важно учитывать тот факт, что отечественные мыслители всегда работали над проектами будущего. «Вслед за эрой цифры, возможно, наступит эра разума, то есть человечество достигнет высшего уровня мышления, интеллектуального и культурного развития, в результате чего откроется путь

к новой цивилизации ноосферного развития» [11].

Для современного мироустройства характерно расширение диапазона потенциальных угроз, что в контексте теоретических рассуждений и обоснований предполагает формирование нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности, которое включало бы в себя существование во всех его проявлениях. Например, развитие и функционирование информационного общества предполагает учет многих новых явлений, которые могут представлять угрозу для традиционных обществ. В современном мире обнаружилось новые фундаментальные противоречия, связанные с дальнейшим развитием, которые необходимо будет разрешить для выживания и дальнейшего существования человечества [15].

Особая роль в формировании нового универсального представления о безопасности, включающего в себя все проявления общественных рисков, противоречий и конфликтов, отведена государству. Именно государство-образующий процесс, по справедливому замечанию А.М. Старостина, способствовал становлению глобальной демократии посредством ускоренного развития новых государственных союзов, которые не были связаны с геополитическими и геоэкономическими интересами, сложившимися под влиянием стран Запада [14].

Выводы

Проблемы, связанные с особенностями формирования информационного общества, может быть решена только с на пути максимального использования традиционных ценностей, создающих общечеловеческий аксиологический базис. Особую важность приобретают идеи альтернативных моделей развития человечества, фундаментом которых выступает ценностная система конкретного социума, гармонично вливающаяся в общечеловеческую аксиологическую систему.

Созидательная направленность и эффективность информационного общества, в котором деятельность человека служит совершенствованию общества, должно формироваться как социальное объединение на принципиально новых базисных установках. Оно может быть успешно создано и сохраниться только при условии следования традиционным ценностям, которые на протяжении столетий способствовали не только выживанию, но и дальнейшему гармоничному развитию каждого социального объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом / Д.Е. Григоренко // Теория и история, 2007. – № 2. – С. 31-38.

2. Ильин И.В. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике / И.В. Ильин, О.Г. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. – № 1. – С. 3-10.
3. Кушелев В.А. Метафизическое решение парадокса времени и парадокса пространства как парадокса субъективности. В 2 т. Т. 2. / В.А. Кушелев // СПб.: Издательство РХГА, 2018. – 463 с.
4. Мантатов В.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова // Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2007. – 263 с.
5. Петрушак В.Л. Геоцивилизация как основа исторического бытия народов Востока, Запада и восточнославянского мира / В.Л. Петрушак // Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – С. 141-148.
6. Пучков О.Э. Система управления, власть и образование в эпоху смены социокультурной парадигмы / О.Э. Пучков // Философия образования, 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 52-68.
7. Пфаненштиль И.А. Глобализация: проблемы и перспективы: монография. / И.А. Пфаненштиль // Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 484 с.
8. Рахинский Д.В. Глобальное образование: отечественные аспекты проблемы / Д.В. Рахинский // Научно-информационный журнал Армия и общество, 2015. – № 3 (46). – С. 122-126.
9. Рахинский Д.В. Информатизация системы народного образования (социально-философский анализ) / Д.В. Рахинский // Красноярск, 2003. – 127 с.
10. Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография / под общ. ред. акад. М.Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С.А. Степанова. // Москва: изд-во МНЭПУ, 2019. – 190 с.
11. Сабден О.С. Мировая цивилизация и модернизация общественного развития / О.С. Сабден // Век глобализации, 2021. – № 1. – С. 116-128.
12. Саква Р. Постъевропейский мир, или что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией / Р. Сакве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 59-76.
13. Стариков Н.В. Власть / Н.В. Стариков // СПб.: Питер, 2016. – 320 с.
14. Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира / А.М. Старостин // Век глобализации, 2020. – № 1. – С. 28-40.
15. Урсул А.Д. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Век глобализации, 2020. – № 2. – С. 3-17.
16. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире / А.Н. Чумаков // Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика», 2018. – № 1. – С. 30-44.
17. Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова / Н.М. Чуринов // Теория и история, 2007. – № 1. – С. 159-177.

© Яценко Михаил Петрович (mikhailyatzenko@yandex.ru), Пфаненштиль Иван Алексеевич (ndubrovskaya@sfu-kras.ru), Морозова Ольга Федоровна (ofmorozova@mail.ru), Рахинский Дмитрий Владимирович (siridar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Bukhlina L. – Penza State University

Dinov E. – Candidate of Medical Sciences, Applied Psychology and Psychotherapy of the Institute for Advanced Studies and Retraining of Personnel of the Peoples' Friendship University of Russia

Gutova T. – Candidate of Psychology, KubSMU, Krasnodar

Khaidov S. – PhD in psychology, associate professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Korneeva D. – Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Korzhuk A. – Kuzbass state agricultural academy

Krivtsov V. – Postgraduate Student, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Leopa A. – doctor of philosophy, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Liu Lina – Associate Professor, Changchun Guanghua University

Morozova I. – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture,

Morozova O. – doctor of cultural, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Musat R. – doctor of philosophy, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Nikolaeva S. – Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

Novikov P. – Penza State University

Pfanenstil I. – doctor of philosophy, professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Our authors

Pidshmorga Yu. – Candidate of Cultural Studies, KubSMU, Krasnodar

Polezhaeva O. – Postgraduate, senior lecturer, The North-West Institute of management (NWIM), the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Qin Siying – master, professor, Heihe University

Rakhinsky D. – doctor of philosophy, associate professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk; Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk

Ravochkin N. – Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural academy

Rvalov P. – Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

Shao Jialing – Bachelor, Associate Professor, Heihe University

Solovieva Yu. – clinical psychologist, Head of the Institute of Evidence-Based Psychosomatics "EVIRA", Moscow

Stenina N. – Kuzbass state agricultural academy

Sultanova G. – Bashkir State University

Viktorova E. – Candidate of pedagogic sciences, associate professor, Penza State University

Yatsenko M – doctor of philosophy, professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Zaitsev D. – Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).